

ТВОРЕНІЯ
БЛАЖЕННАГО ТЕОДОРИТА,

ЕПИСКОПА КИРСКАГО.

638

Часть пятая.

638

МОСКВА.
Въ Типографіи В. Готье.
1857.

ДЕСЯТЬ СЛОВЪ

О ПРОМЫСЛѢ.

С Л О В О 1.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРОМЫСЛА, ЗАИМСТВОВАННОЕ ИЗЪ РАЗ-
СМОТРѢНІЯ НЕБА, ЛУНЫ И ПРОЧИХЪ ЗВѢЗДЪ.

Съ самую природою вложенъ въ людей законъ, чтобы дѣти заступались за обиженныхъ отцевъ, и слуги за господъ, также граждане подвергали себя опасности за одолюваемые врагами города, и однимъ словомъ, чтобы облагодѣтельствованные, по мѣрѣ силъ, воздавали долгъ свой благодѣтелямъ. Видимъ же, что и царя, который подданными управляетъ прямодушно и справедливо, и власть срастворляетъ кротостію, и щитоносцы и копьеносцы его защищаютъ на войнѣ усердно. И никто да не дѣлаетъ мнѣ неосновательнаго возраженія, да не уличаетъ слова моего во лжи, выставляя на видъ отцеубійць, людей негодныхъ, предателей, мучителей; потому что у насъ рѣчь о соблюдающихъ законъ; тѣхъ же обыкли мы называть неблагодарными и

Θεοδ. Ч. V.

преступниками; и они понесутъ достойное за свои проступки наказаніе.

Если же сама природа узаконяетъ, подвергать себя опасности дѣтямъ за отцевъ, слугамъ за господь, гражданамъ за города, оружепосцамъ за царей; тѣмъ паче и свято и справедливо намъ, которые созданы и спасены Богомъ, не словомъ только подвизаться за Бога, но даже принять самую мучительную смерть; потому что Богъ и отцевъ къ намъ ближе (по Его милости называются и они отцами); и господство принадлежитъ Ему въ смыслъ болѣе собственномъ, нежели господамъ (Его господство надъ рабами по естеству, а не по несчастному какому-либо случаю); и Онъ надежнѣе всякой стѣны (стѣна, будь она адамантовая, есть дѣло рукъ человѣческихъ, и если устоитъ противъ стѣнобитныхъ орудій, то не избѣжитъ рукъ времени, а Богъ нескончаемъ и вѣченъ, вседостаточно для всякаго охраненія и огражденія); и царей Онъ столько царственнѣе, сколько вѣчно сущее, сравниваемое съ сотвореннымъ и тлѣннымъ, оказываетъ въ себѣ безмѣрное превосходство (Богъ всегда существуетъ, и съ самымъ бытіемъ нераздѣльно Его могущество, а царь отъ Него заимствуетъ и бытіе и могущество, и могущество Его и не надолго и надъ темными, а не надъ всѣми, причастными того же естества). Итакъ, поелику Богъ и отцевъ къ намъ ближе, и господь господственнѣе, и всякихъ благодѣтелей промыслительнѣе, и всякой стѣны надежнѣе, и всѣхъ царей безмѣрно царственнѣе; то справедливость требуетъ, чтобы мы, отъ Него пріятшіе бытіе и причастив-

шієся благобытія, ополчили уста свои противъ устенъ, отваживающихся хулить Его, и словомъ благочестія поражали слово злочестія; не съ тою мыслію, что мы окажемъ симъ помощь свою имъ-ющому въ ней пужду (Творецъ всѣхъ ни въ чемъ не пуждается, не требуетъ помощи отъ устъ скульдельныхъ, но похваляетъ уста Его пѣснословящія, вознаграждаетъ уста за Него подвизающіяся, увѣнчиваетъ уста, обличающія ложь); но съ тою мыслію, что выразимъ тѣмъ свою къ Нему преданность, и если мы въ силахъ, низложимъ дерзость подобныхъ намъ рабовъ, а если не въ силахъ, то по крайней мѣрѣ, изобличимъ ее, и содѣлаемъ явною для незнающихъ.

Полчища предающихся злочестію многочисленны и разнообразны, и стрѣлы хулы различны; потому что ложь многочастна и разновидна, а льгота истины проста. Такъ толпа пѣнтовъ, раздѣливъ Божество въ понятіи на множество, срастворивъ ложь пріятнымъ баснословіемъ и какъ бы приготовивъ нѣкій растворъ, упоила людей прелестію многобожія. Другая же толпа, ограничивъ лобомудріе бѣлымъ плащемъ, длинною бородою и неостриженными на головѣ волосами, и усматривая, какъ смѣшно богословіе пѣнтовъ, измыслила нныя стези заблужденія, ведущія въ одну съ пѣнтами бездну; потому что, одни срамныя сказанія пѣнтовъ о богахъ прикрыли изяществомъ слова и тонкостію мыслей, другіе же придали божескія именованія страстямъ; удовольствіе наименовали Афродитою, раздражительность — Аресомъ, упоеніе — Діонисомъ, татьбу — Гермесомъ, благора-

зуміе — Лейной, и все сему подобное передавая съ надменнымъ челомъ и съ аттическимъ сладкорѣчіемъ, многихъ людей ввели въ другой по виду обманъ. Общавшіеся любомудрствовать, своею наружностію приобрѣтающіе себѣ общесе у всѣхъ почете, требующіе владычества надъ страстями, заставили и убѣдили людей поклоняться страстямъ, такъ что обуздатель страстей, самовластитель умъ, сталъ несмысленно приносить жертвы похоти, раздражительности, татѣбѣ, пїянству и другимъ страстямъ. А еще иные, будучи не въ состояніи представлять въ мысли что-либо кромѣ видимаго, но заключивъ умъ въ одномъ чувственномъ, назвали богами, что подлежитъ зрѣнію очей; и досточтимое имя, приводящее въ трепетъ слышащихъ оное, одни придали стихіямъ, а другіе ихъ частямъ. Одни утверждали, что міръ произошелъ самослучайно, другіе вмѣсто одного міра вообразили многіе міры. Одни говорили, что вовсе нѣтъ Божества, другіе, что, хотя и есть, но не имѣетъ попеченія ни о чемъ существующемъ, иные же, что, хотя и имѣетъ попеченіе, но весьма малое, и промысль ограничивается луною, остальная же часть міра влечется неизвѣстно чѣмъ, принужденная покорствовать необходимой судьбѣ.

Даже и изъ тѣхъ, которые носятъ на себѣ имя христіанъ, иные прямо встаютъ противъ догматовъ истины. Ибо одни разсѣкаютъ нерожденное на три части, и одну называютъ добромъ, другую — зломъ, третію — правдою; другіе изображаютъ словомъ два нерожденных начала, прямо одно другому противоположныя; иные же даютъ

слово противоборствовать симъ злочестивымъ ученіямъ, и измышляютъ новый путь злочестія. Ибо едиnorodное Божіе слово, исповѣдуя Сыномъ, какъ создаше сопрчисляютъ къ твари, и Творца ставятъ на ряду съ тварію, и Духа Святаго злочестивымъ словомъ своимъ исключаютъ изъ естества Божія. А иные, потерявъ прямой путь, и не восхотѣвъ идти по слѣдамъ предшественниковъ, инымъ образомъ удалились отъ истины. Одни вовсе отрицали совершившееся ради насъ домостройство; другіе же исповѣдуютъ, что Богъ Слово, хотя вочловѣчился, но воспринялъ на Себя одно тѣло. Иные воспріятую плоть называютъ одушевленною, но отрицаютъ, чтобы въ ней была словесная и разумная душа, въ доказательство сего принимая, можетъ быть, собственное свое неразуміе; тогда какъ мы не знаемъ никакой другой въ человѣкѣ души кромѣ разумной и безсмертной.

Но на сей разъ оставляемъ всѣхъ прочихъ; потому что слово, какъ бываетъ и во время битвы, не можетъ бросать стрѣль обличенія вдругъ во всѣхъ. Поэтому всѣ другія полчища злочестивыхъ пусть остаются въ покоѣ; изведши же на среду одинъ полкъ нападающихъ на Промыслъ Божій, — его будемъ поражать обличеніями, его постараемся привести въ разстройство, пробиться сквозь густые ряды его, увести изъ него пльшниковъ и привлечь всякій разумъ въ послушаніе Христово (2 Кор. 10, 5.). Прочее же соборище злочестивыхъ пусть остается въ ряду зрителей, и смотритъ на сію борьбу. Ибо, вѣроятно, каждый изъ

оныхъ рядовъ не потребуеть особеннаго съ нимъ состязанія ; но увидѣвъ пораженіе однихъ, и разумѣвъ силу истины; и прочіе перейдутъ на сторону истины. А можетъ быть, слово сіе, идя медленнымъ шагомъ, затронетъ и тѣхъ, кто нынѣ слушаетъ, и кто въ послѣдствіи будетъ читать. Поэтому, облекшиеш во вся оружія Духа, въ броня правды, щитъ вѣры, и обувше нозь во уготованіе благовѣствованія мира: *надѣвьми же воспримше мечъ духовный, иже есть глаголь Божій* (Ефес. 6, 15. 16.), вступимъ въ борьбу, и да возгремитъ божественная труба въ подкрѣпленіе немощи нашей. Мы же, ставъ у самой ограды, спросимъ противниковъ, почему прекословятъ они учению о Промыслѣ, и притомъ, когда сами говорятъ, что есть у нихъ Творецъ, потому что къ нимъ теперь будетъ слово наше.

По какой причинѣ ввергаетесь въ это нечестіе? Чтó изъ видимаго вами кажется не благообразнымъ? Чтó изъ сотвореннаго усматриваете безпорядочнымъ? Въ какой части творенія не достаетъ стройности? Въ какой есть недостатокъ красоты или величія? Какая часть твари несоразмѣрнымъ движеніемъ своимъ породила у насъ сіе нечестіе? Теперь по крайней мѣрѣ, если не хотѣли прежде, разсмотрите естество, положеніе, порядокъ, состояніе, движеніе, соразмѣрность, стройность, изящество, красоту, величину, пользу, пріятность, разнообразіе, измѣненіе, потомъ возвращеніе въ прежній видъ, и всякое возможное только въ тлѣнномъ, постоянство Смотрите, какъ Божій Промыслъ изъ каждой части творенія самъ прини-

каетъ на васъ, дастъ себя видѣть, вѣщаетъ и едва не вопіетъ вамъ самою дѣйствительною, и заграждаетъ дерзкіе уста ваши, и обуздываетъ необузданный языкъ вашъ. Смотрите, онъ видѣнъ въ небѣ и въ небесныхъ свѣтилахъ т. е. въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ; виденъ въ воздухѣ, въ облакахъ, и на сушѣ, и на морѣ, во всемъ, что на землѣ; видѣнъ въ растеніяхъ, злакахъ, и сѣменахъ; видѣнъ въ животныхъ словесныхъ и безсловесныхъ, ходящихъ, летающихъ и плавающихъ, пресмыкающихся, водоземныхъ, кроткихъ и свирѣпыхъ, ручныхъ и неукротимыхъ.

Разсудите сами съ собою: кто поддерживаетъ небесные своды? Какъ столько тысячъ лѣтъ небо пребыло не старѣющимъ, и никакой перемѣны не произвело въ немъ время, хотя по природѣ небо удобоизмѣнимо, какъ поучаетъ блаженный Давидъ. *Та погибнуть, говоритъ онъ, о небесахъ, Ты же пребываеши: и вся яко риза обетшаютъ, и яко одежду свѣеши я, и измѣнятся. Ты же тойжде еси, и лѣта Твоя не оскудѣютъ* (Исал. 101, 27 — 28.). Однако же, имѣя удобоизмѣнимую и тлѣнную сущность, пребыло оно въ одинаковомъ состояніи, поддерживаемое словомъ Сотворшаго; потому что создавшее его Слово хранитъ и поддерживаетъ его, и, пока угодно сему слову, даетъ ему постоянство и прочность. Посему-то проносится по небу огонь, разумью солнце, луну и прочія свѣтила, но, въ продолженіе столькихъ годовыхъ круговращеній, оно не расплавляется, не изсыхаетъ, не стараетъ, хотя огненное естество пріяло отъ Сотворшаго силу производить все это

потому что золото, серебро, мѣдь, свинецъ, олово, воскъ, смолу и все сему подобное, огонь плавить и разрѣшаетъ, превращаетъ въ естество текучее, а грязь и водами наполненныя болота, истощивъ ихъ влажность, сушить, камни же разваряетъ, отнимаетъ у нихъ твердость, и самое плотное естество превращаетъ въ прахъ; наконецъ дерева, траву, солому мгновенно сожигаетъ. Но ничего подобнаго не претерпѣваетъ небо; потому что все это обиліе огня не расплавляетъ его кристалловиднаго состава, не портитъ гладкости, не дѣлаетъ впадинъ на шарообразной поверхности; напротивъ того, въ какое состояніе приведено оно въ началѣ, такое и сохраняетъ до конца. *Поставивый его яко камару, Тотъ, Кто простеръ е, яко скинїю обитати* (Иса. 40, 22.),—привелъ въ содружество естества противоположныя. И естество огненное не угашается множествомъ водъ, кристалловидный, или воздушный, или облачный составъ неба не таетъ и не повреждается при чрезмѣрномъ обилїи огня, но огонь и вода, оставаясь въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, скрываютъ враждебныя силы, и покорившись Слову Сотворшаго, на вѣкъ заключили между собою дружество; и хотя не одушевлены, не имѣютъ правителя ума, однако же неизмѣнно сохраняютъ первоначальный уставъ. Ибо Творецъ править тварїю; будучи Самъ и кораблестроителемъ и производителемъ вещества, не оставляетъ безъ управленїя устроенной Имъ ладїи, вмѣстѣ и вещество. Онъ создалъ, и ладїю соорудилъ, и не перестаетъ править кормиломъ. О семъ свидѣтельствуютъ кругъ столькихъ лѣтъ и самое

продолжительное время, которыя не повредили ладіи, но цѣлою и неприкосновенною представляютъ ее не только первымъ, но и позднимъ родамъ.

А теперь, когда увидѣлъ ты, другъ, въ небѣ являемый Божій Промыслъ, поведемъ тебя къ обзорѣню прочихъ частей твари, и, какъ дѣтей, начинающихъ только ходить, взявъ за руку, заставимъ обойти постепенно все твореніе. Поэтому сойди съ неба, какъ бы на первую нѣкую ступень — къ солнцу; не бойся попаленія, но взойди, и осматривай; не сожжетъ оно тебя, исполненнаго благопризнательности къ Творцу, но укажетъ тебѣ Зиждителя, Который повелѣваетъ ему силу естества употреблять на противоположное дѣйствіе. Огонь по природѣ обыкновенно стремится вверхъ, какъ вода течетъ по скату внизъ. Не возможно, какъ воду провести изъ-подъ горы на вершину горы, такъ заставить огонь обратить пламень свой внизъ; но если кто, держа свѣчу или факель, тысячу разъ употребитъ усиліе обращаться рукою внизъ, пламень снова подниматься будетъ вверхъ, и устремляться къ держащей свѣчу рукъ, и не переменитъ стремленія, какое получилъ въ началѣ, но вѣрнымъ останется уставамъ естества. Творцу же все не трудно. Чтѣ не послушно твоей рукъ, то покорно мановеніямъ Зиждителя. И можемъ видѣть, что солнце, луна, и сонмъ звѣздъ хребетъ свой обращаютъ къ небу, а лучи свои издаютъ внизъ; потому что они служебны Сотворшему, и уставъ Создавшаго — для нихъ естество. Тебѣ не покоряется естество огня, и не оставляетъ свойственной ему дѣятельности, потому

что сослужебно тебѣ; повинуюсь же мановеніямъ Творца, оно измѣняется, и естество стремящеся вверхъ дѣлается устремляющимся внизъ. Такъ и водное естество, текучее и не имѣющее плотности, Творецъ возводитъ и возноситъ ввыспрь, и привлекая спизу, ставитъ среди неба и земли, ничѣмъ не подпираемое, но подъемяемое и держимое единымъ словомъ.

Но пока удержишься отъ желанія услышать что-либо объ облакахъ, и отъ охоты идти впередъ, не научившись еще ходить: постепенно же обходя тварь, изучай стезю благочестія. Но и здѣсь усматривай Божій Промыслъ, который бодрствуетъ надъ солнцемъ, луною и другими свѣтилами, и какъ бы гласомъ какимъ повелѣваетъ имъ освѣщать людей, и не просто освѣщать, но вмѣстѣ служить къ раздѣленію времени; потому что солнце, восходя, производитъ день, а заходя и какъ бы скрываясь, уступаетъ мѣсто ночи, темноту которой Звждитель растворяетъ свѣтомъ луны и звѣздъ. И можешь видѣть, что какъ бы братъ и сестра, разумью день и ночь, на потребу людямъ другъ у друга берутъ въ заемъ время, и съ благодарностію опять возвращаютъ назадъ. Съ прохожденіемъ зимы, и съ первыми лучами весны, когда у людей всего болѣе трудовъ по промышленности, путешествій, отлучекъ, отправленій изъ пристаней, когда море дѣлается спокойнымъ и свободнымъ отъ зимней суровости, земля, украшаясь жатвами, призываетъ земледѣльца къ прилежной работѣ, а растенія приглашаютъ садовника къ обрѣзыванію, орошенію, и къ окапыванію заступомъ: тогда день

береть въ засмъ у noci, увеличивая для людей время дѣятельности, береть же по немногу, чтобы внезапнымъ приращеніемъ не сдѣлать вреда пользующимся; потому что внезапно увеличенный трудъ крайне вреденъ тѣламъ, долгое время остававшимся въ недѣятельности. Поэтому-то день по немногу принимаетъ приращеніе. Когда же лѣто достигаетъ средины, засмъ прекращается, и немедленно начнается уплата; и она не въ одинъ производится день, но также по немногу, какъ было взимаемо, и возвращается, что взято. Потомъ осенью, когда день сдѣлается равнымъ noci, не стыдится онъ умалиться, никакъ не соглашается удержать что-либо принадлежащее сестрѣ, трудящейся съ нимъ подъ однимъ игомъ, но пока не уплатить всего долга, не перестаетъ убывать, и оказывать долговременную услугу людямъ; потому что, когда, по причинѣ стужи, дождя, грязи, принуждены бываютъ оставаться дома, ночь для нихъ пріятнѣе дня; а есть и такіе, что, когда ночь сдѣлается столько длинною, не знаютъ сытости въ отдохновеніи, но негодуютъ, увидѣвъ разсвѣтъ утра. Такъ и ночь, взявъ долгъ, не отказывается дать снова въ засмъ.

Такъ во дняхъ и ночахъ проходитъ вся наша жизнь, и ночь доставляетъ людямъ не меньшую пользу, какъ и день. И во-первыхъ разность тмы и свѣта дѣлаетъ для насъ болѣе пріятнымъ и восхитительнымъ свѣтъ. Поэтому утро вождельнѣе для насъ полудня. Пресытившись свѣтомъ въ продолженіе дня, имѣемъ нужду въ ночномъ упокоеніи. Потомъ, пока длится ночь, пресыщеніе наше про-

ходить, и свѣтъ снова дѣлается для насъ любезнымъ. Такъ, и трудами насытившись въ продолженіе дня, утомленное тѣло успокоиваемъ ночью; и хорошо уврачевавъ его постелью, спомъ, тишиною, на зарѣ, какъ обновленное, опять посвящаемъ на дѣла. Столько великой пользы доставляетъ намъ почь. Въ продолженіе ея успокоивается насмникъ, и слуга имѣетъ отдыхъ отъ трудовъ. Почь и ся темнота даже крайне трудолюбивыхъ заставляеть прекращать работу. Уважали ее не рѣдко и сражающіеся; побѣждающіе и преслѣдующіе противниковъ, увидѣвъ приближеніе почи, прекращали преслѣдованіе, и спасающимся бѣгствомъ позволяли бѣжать съ меньшею скоростію. Почь, какъ людей собираеть въ дома, и приносить имъ сладкій сонъ, такъ звѣрей выводитъ на добычу, и придаетъ имъ смѣлость искать себѣ корма. За сіе-то великій Давидъ, пѣснословя Бога всяческихъ, взываетъ: *сотворилъ естъ луноу во времена: солнце позна западъ свой. Положилъ еси тму, и бысть ноцъ: въ ней же пройдутъ вси звѣріе дубравніи: скимни рыкающіи восхитити, и зыскати отъ Бога пищу себѣ. Возсія солнце, и собрашася, и въ ложахъ своихъ лягутъ. Изыдетъ человекъ на дѣло свое и на дѣланіе свое до вечера* (Псал. 103, 19 — 23.). Посему почь доставляетъ и ту пользу, что и людей упокоиваетъ, и звѣрямъ даетъ не боязненно снискивать себѣ пищу.

Но, можетъ быть, кто-либо изъ отрицающихъ Промыслъ скажетъ: для чего созданы звѣри? какая отъ нихъ польза людямъ? Но что и въ разсужденіи сего можно сказать въ доказательство

Промысла, то пойдетъ себѣ мѣсто въ словѣ о звѣряхъ ; а до тѣхъ поръ пусть наше слово идетъ своимъ путемъ. Поэтому, думаю, и сказаннаго достаточно къ вразумленію , что потребность почти необходима и крайне полезна людямъ. Однако же слово сіе присовокупить и нѣчто иное въ подтвержденіе сказаннаго прежде.

Послику имѣемъ мы естество смертное, и время жизни нашей ограничено ; то надобно намъ изучать и мѣры времени. Посему ночь, занимая средину между двухъ дней, служитъ къ измѣренію времени. Если бы свѣтъ пребывалъ непрерывно ; то не могли бы мы знать годовыхъ круговращеній и изучать число мѣсяцевъ ; но казалась бы намъ мѣра всего настоящаго вѣка однимъ днемъ, чѣмъ, какъ вѣруемъ, и будетъ для насъ вѣкъ ожидаемый ; потому что, какъ научены мы, день оный будетъ невечерній и совершенно непрерывный. И такой вѣкъ приличенъ тѣмъ, которые будутъ бессмертны. Въ вѣкъ же настоящемъ , по причинѣ естества смертнаго и временнаго, имѣющимъ нужду во множествѣ должно знать мѣры времени, чтобы, видя теченіе онаго, прилагать попеченіе о себѣ самихъ, и быть готовыми къ преселенію. Посему ночь, по пресмству слѣдуя за днемъ, дѣлается мѣрою времени, и совершивъ это семикратно, составляетъ недѣлю. Мѣру же мѣсяца заимствуемъ отъ луны ; потому что отъ нея получили онъ и названіе ; ибо и луну называютъ мѣсяцемъ. Луна, возрастая и убывая, дѣлается серповидною, половинною, двухгорбою, полною, и опять приходя видъ двухгорбой, и потомъ половинной и серпо-

видной, исполняетъ число тридцати дней безъ нѣсколькихъ часовъ. А годовою кругъ познаемъ не по мѣсяцамъ только, но и по днямъ. Ибо при началіи весны, солнце, совершая путь по самой срединѣ неба, производитъ равенство дня и ночи. Отсюда подвигаясь въ болѣе сѣверныя части востока, и тамъ восходя, умалаетъ ночи, и приращаетъ дни; сообщая же землѣ болѣе и болѣе теплоты, приводитъ въ зрѣлость плоды ея; а достигнувъ обычныхъ предѣловъ, возвращается съ сѣвера къ югу. И опять осенью устанавливаетъ равенство дня и ночи, дѣлается болѣе южнымъ, возвращаетъ ночамъ, что, заимствовавъ у нихъ, придавало днямъ; воздуху предоставляетъ сгущаться, наполняться облаками и увлаживать всю твердую землю; возвращаясь же отсюда къ равноденственному повороту, исполняетъ годовою кругъ.

Итакъ, поелику знаешь потребность солнца и луны, равномерныя преемства ночи и дня, и доставляемую тѣмъ пользу людямъ; то обрати вниманіе и на этотъ самый пріятный и полезный переходъ годовыхъ временъ. Творецъ не на двѣ равныя части раздѣлилъ годовою кругъ, не льто только и зиму далъ намъ, и мы не переходимъ непосредственно изъ одной крайности въ другую; напротивъ того весна и осень, пріявъ въ удѣлъ среднее раствореніе воздуха, составляютъ средину между стужею и жаромъ. За чрезмѣрновлажною и холодною зимою, слѣдуетъ не чрезмѣрно сухое и жаркое льто, но весна, которая, имѣя часть и лѣтней теплоты и зимняго холода, производитъ прекрасную смѣсь двухъ крайностей; и какъ бы

руками какими изъѣвъ двѣ противоположности, холодъ зимы и жаръ лѣта, сіи совершенно враждебныя качества приводитъ въ сближеніе и пріязнь. Поэтому, переходя отъ зимы къ лѣту, идемъ безпечально, потому что, постепенно удаляясь отъ зимняго холода и приближаясь къ лѣтней теплотѣ, не терпимъ никакого вреда отъ внезапной перемены. Такъ переходимъ и отъ лѣта къ зимѣ, при посредствѣ осени, которая не попускаетъ, чтобы двѣ чрезмѣрныя противоположности вдругъ къ намъ прикасались, но срастворяетъ крайнюю теплоту съ крайнимъ холодомъ, производитъ новую смѣсь, и понемногу вводитъ насъ въ оную крайность. Такова-то попечительность о насъ Сотворившаго! Такъ и переменами годовыхъ временъ достигаетъ того, что мы не только не терпимъ скорби, но и чувствуемъ пріятность.

Но, можетъ быть, какой-либо неблагодарный, оуждая то, что совершается такъ хорошо, и устроено такъ премудро и полезно, скажетъ: для чего бываютъ перемены года? какую пользу доставляютъ намъ сіи переходы годовыхъ временъ? Но скажи, мудрый и сильный обвинитель Промысла, какія блага получаемъ мы не чрезъ нихъ? При началѣ зимы ввергаемъ въ землю сѣмена; а Научившій насъ сему искусству питаетъ ихъ, орошая изъ облаковъ, для чего единымъ словомъ Своимъ подъемле ъ воду морскую, возводитъ ввыспрь, превращаетъ соленость ея въ сладость, дѣлитъ ее на капли, и испускаетъ на землю то мелкими, то крупными какъ ливень ниспадающими, каплями, какъ бы рѣшетомъ какимъ просѣвая сіи порож-

денія облаковъ. Такъ зимнее время года служить къ тому, чтобы пропитать тебя неблагодарнаго, чтобы тебѣ непризнательному заготовить на потребу самое необходимое. При началѣ опять весны, земледѣльцы, — одни обрѣзываютъ старыя виноградныя лозы, другіе сажаютъ новыя, — и взлѣянные теплотою воздуха спѣшатъ онѣ оказаться плодоносными. А когда наступаетъ середина лѣта, и солнце сильно нагрѣветъ воздухъ; пшеница призываетъ земледѣльца къ жатвѣ, грозды чернѣютъ, оливы гнутся отъ тяжести наливающихся плодовъ, и созрѣваютъ разные роды овощей. Наступившая потомъ осень все это совершенно зрѣлымъ передаетъ насадившимъ, которые, окончивъ сборъ плодовъ, снова приступаютъ къ посѣву. Поэтому перестань выказывать свою неблагодарность, стараясь дары Промысла обращать въ хулу Промыслу, и данными благами уязвлять ихъ подателя. Во всемъ сказанномъ нами дознай Божій Промыслъ, Который распоряжается и править тобою, изготовляетъ тебѣ обиліе всѣхъ благъ.

Обрати вниманіе и на природу, положеніе, порядокъ звѣздъ, на ихъ разнообразіе, пріятность, пользу, круговращеніе, восхожденія и захожденія. Сотворилъ ихъ Создатель всяческихъ не для того только, чтобы освѣщать ими ночную темноту и въ безлунную ночь доставлять людямъ потребный свѣтъ, но чтобы и руководить путника, указывать путь плавающимъ; потому что, смотря на нихъ, мореходцы идутъ непротоптанною стезею, и наблюдая ихъ положеніе, направляютъ ладію и достигаютъ желанныхъ пристаней. Поелику водное

естество не принимаетъ на себя ни слѣда отъ коней, ословъ, мсковъ и пѣшеходовъ, ни колен отъ колесницъ, смотря на которые могли бы путешественники несомнѣнно совершать путь: то персплывающимъ обширныя моря Владыка всяческихъ, какъ бы нѣкими слѣдами на морскихъ сте- зяхъ, далъ положеніе звѣздъ. Какое неизреченное челоуѣколюбіе! Какая неизглаголанная премудрость! Кто достойно подивится благодати, могуществу Божія Промысла, Его благопоспѣшенію въ затрудне- ніяхъ, удобоисполненію представляющагося невоз- можнымъ, величію, легкости дѣлъ Его? Подлинно удивися разумъ Твой отъ мене: утвердися, не возмогу къ нему (Пс. 138, 6.), воскликну и я. А если и ты послушаешься меня, то возгласишь то- же самое, по мѣрѣ силъ воспрославивъ Благодѣ- теля, и видя на себѣ тысячи Его благодѣній не перестанешь выражать Ему свою признательность.

Но чтобы тебя, начавшаго только ходить, за- ставивъ совершить дальній путь, не довести до утомленія, остановимся пока на семъ, и оставимъ тебя разсматривать Божій Промыслъ, открываю- щійся въ небѣ и небесныхъ свѣтлахъ. Ибо, вѣ- роятно, по сему руководству самъ ты продолжишь разсмотрѣніе, и чего ради краткости не коснулось слово, то найдешь изъ сказапнаго, и воскликнешь съ Пророкомъ: яко возвеличишася дѣла Твоя Господи: вся премудростію сотворилъ еси (Псал. 103, 24.)! Тебѣ слава, и честь, и поклоненіе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 2.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, ЗАИМСТВУЕМОЕ ИЗЪ РАЗСМОТРѢНІЯ
ВОЗДУХА, ЗЕМЛИ, МОРЯ, РѢКЪ И ИСТОЧНИКОВЪ.

Невѣрующіе, что есть бразды Промысла, и крайне безразсудно утверждающіе, что міръ сей, — небо и земля, съ такою стройностію и въ такомъ порядкѣ движется безъ Браздодержца, мнѣ кажется, подобны челобѣцу, который сидитъ на кораблѣ, переплываетъ море, видитъ, какъ кормчій, взявшись за кормило, поворачиваетъ руль, куда нужно, то наклоняетъ вправо, то обращаетъ влѣво, и направляетъ ладню къ желасмой имъ пристани, но, утверждая явную ложь, и открыто споря противъ истины, станетъ отрицать, что на кораблѣ стоитъ кормчій, что у ладни есть руль, что направляется она движеніемъ кормила, а не сама собою несется, преодолеваетъ стремленіе волнъ, преоборааетъ прираженіе вѣтровъ, не имѣя пужды, ни въ помощи мореходцевъ, ни въ кормчемъ, который бы для общей всѣхъ пользы отдавалъ приказы гребцамъ. Ибо и они ясно и со всею очевидностію усматриваютъ, что общій всѣхъ Владыка правитъ созданою Имъ тварію, все ведетъ и движетъ чинно и въ порядкѣ, видятъ надлежащую стройность во всемъ, что совершается, вмѣстѣ красоту и пользу въ каждомъ созданіи, и совокупное проявленіе той и другой въ каждой

части созданія, и произвольно слѣпотствуютъ, лучше же сказать, взирая на это, предаются безстыдству, пріемля дары Промысла, издѣваются надъ тѣмъ, что пріемлютъ, и чѣмъ пользуются, за то самое встаютъ противъ Попечителя. Поэтому, если бы пожелали съ признательностію выслушать и вчера сказанное нами о небѣ, солнцѣ, лунѣ и прочихъ свѣтилахъ; то и сего было бы достаточно, чтобы убѣдить ихъ уцѣломудрится и прославить Благодѣтеля. Но чтобы кто изъ полагающихъ предѣломъ Промысла луну, утверждающихъ, что до нея только простирается Промысль, и представляющихъ оный весьма малозначительнымъ, краткость слова не обратилъ для себя въ поводъ къ хуль, снова низведемъ тебя, любезный, съ неба по воздуху на землю, и какъ въ предыдущій день, вода тебя опять шагъ за шагомъ, покажемъ, что и въ малѣйшихъ частяхъ твари для желающихъ быть внимательными и виденъ и открытъ сей Промысль, и однимъ словомъ, все пріявніе естество тварнос, и вообще и въ частности, всегда о немъ свидѣтельствуютъ.

Поэтому, идя по порядку, изслѣдуемъ естество воздуха, сколько онъ тонокъ и неуловимъ, какъ легко разбѣгается, и имѣетъ нужду въ чемъ-либо сдерживающемъ. Почему Творецъ всяческихъ, создавъ небо и землю, разлилъ воздухъ въ среднѣ между ними и сими двумя тѣлами соорудилъ для него незыблемую стѣну, а его содѣлалъ содѣйственникомъ жизни для тѣлъ одушевленныхъ, пребывающихъ между небомъ и землею. Ибо и мы люди живемъ, имъ дыша, и изъ животныхъ без-

словесныхъ, птицы, пресмыкающіяся, земноводныя его имѣютъ содѣйственникомъ жизни. А приводимый въ движеніе воздухъ доставляетъ намъ вѣяніе вѣтровъ, сгущаемый же посылаетъ землю изъ облаковъ орошеніе. И свѣтъ, его употребляя вмѣсто колесницы, услаждаетъ взоры смотрящихъ. Воздухъ, какъ посредникъ между солнцемъ и землею, умѣряетъ сильное дѣйствіе солнечнаго луча, и своею влажностію и холодностію ослабляя его сухость и знойность, наслажденіе свѣтомъ дѣлаетъ для насъ неболезненнымъ. Но чтобы не почитать тебѣ воздухъ виновникомъ сихъ благъ, познай, какъ и его неумѣрность сокращаетъ теплота солнца. Ибо никто не вынесъ бы неумѣряемой сею теплотою холодности воздуха; и свидѣтель сему—зимнее время года; потому что въ это время года солнце, удаляясь къ южному полюсу, и оставляя сѣверныя и среднія страны, позволяетъ воздуху невозвратно употреблять въ дѣйствіе силу своего естества. Почему не истощается уже болѣе солнечною теплотою, но сгущаясь доходить до преизбыточества, даетъ изъ себя проливный дождь, вспѣнивая его сильнымъ прираженіемъ вѣтровъ, сгущаетъ въ снѣгъ и градъ, и изъ чистаго неба каплющую росу, сгустивъ легкимъ вѣяніемъ, своею холодностію превращаетъ въ иней, и повергаетъ на землю; и сіе производитъ, хотя издали, однако же согрѣваемый солнцемъ. Но и изъ сего можно въ точности дознать Божию промыслительность. Поелику много великой пользы отъ стихій, и сверхъ пользы, велика ихъ красота, и изящество ихъ несказанно; то Всепремудрый устроилъ такъ,

что отъ нихъ же бываетъ и представляющесся намъ скорбнымъ, во увѣреніе наше, что внѣ не боги, но созданія Божіи, такъ направляемыя и пу-теводимыя, какъ угодно сіе Богу. По сей-то при-чинѣ воздухъ, —этотъ содѣйственникъ нашей жиз-ни, —вдыхая который, всѣ мы живемъ, это обще сокровище бѣдныхъ и надмѣвающихся богатствомъ, слугъ и господъ, простолюдиновъ и царей, кото-раго не больше, чѣмъ и бѣдный, вдыхаютъ укра-шающіеся багряницею, и который въ равной мѣрѣ, сообразно съ потребностію въ немъ, удѣленъ все-му естеству человѣческому, — этотъ воздухъ не только увеселяетъ насъ вдыханіемъ его, дуновені-емъ вѣтра, и подаваніемъ дождя, но и беспокоитъ стужею, научая тѣмъ насъ, что недостаточно его одного для оживотворенія и служенія существамъ живымъ.

Такъ и солнце не только веселитъ насъ припра-женіемъ лучей, и учитъ различію видимыхъ тѣлъ, ихъ величинъ и цвѣтовъ, но и беспокоитъ зной-нымъ прираженіемъ тѣхъ же лучей. И если бы Браздодержецъ вселенной не посылалъ намъ про-хладныхъ вѣяній, приводя въ движеніе воздухъ; — это солнце, которому поклонялись несмысленные, совершенно попало бы все, и отъяло бы жизнь у поклоняющихся. По этому ни одна изъ стихій сама по себѣ не даетъ жизни, да и всѣ оны, сра-створенныя вмѣстѣ, безъ управляющей ими силы, не бываютъ причиною какого-либо блага. И слу-чается видѣть, что иногда воздухъ былъ благо-растворенный, во время испосылался землѣ дож-ди, солнце не беспокоило своими лучами, не на-

рушали порядка дуновенія вѣтровъ, земледѣльцы тщательно обработали землю, по обычаю вложивъ въ нее сѣмена: но и земля не воздала съ призна- тельностію плодовъ, и родъ человѣческой не пре- былъ безъ болѣзней. Дѣлаетъ же это Правитель всяческихъ, убѣждая насъ, не возлагать упованія на тварь и не ее почитать причиною благъ, но вѣровать въ Создателя.

Итакъ поелику видѣлъ ты, что воздухъ поль- зуется промыслительностію Божіею, и по оной, въ продолженіе столькихъ тысячъ лѣтъ, остается до- статочноымъ, не издерживается дышущими живыми существами, и не растекается въ объемлющихъ его собою тѣлъ; поведемъ теперь тебя на зем- лю, — сію общую кормильницу, мать и могилу — на землю, изъ которой твое тѣло скудель- ное и уста, по видѣнію Даниілову, на Творца глаголюща великая (Дан. 7, 8.). Посему, прежде всего пречега разсмотри ея положеніе и разно- образную наружность. Не вездѣ на ней пологость и крутизна, но дѣлится она на горы, холмы и до- лины. Иный видитъ среди великихъ долинъ стро- можденные въ высоту холмы, и между горами мѣ- ста наклонныя и ровныя, подобныя какимъ-то мор- скимъ заливамъ. И самыя горы Творецъ разста- вилъ сообразно съ потребностями человѣка, отдѣ- ливъ одну отъ другой глубокими пропастями, открылъ проходъ зимнимъ водамъ, и людямъ устроилъ удобныя пути въ мѣстахъ, по видимому, не проходимыхъ. И какъ горы доставляютъ веще- ства стронтельному искусству, такъ долины воз- даютъ за сіе жителямъ горъ обиліемъ хлѣба. Раз-

нообразіе положенія не питаетъ только людей, но и услаждаетъ ихъ взоры. Ибо однообразное обыкновенно скоро приводитъ въ пресыщеніе. Скажи же мнѣ, кто украсилъ такъ все это? Кто во все это вложилъ такую силу, что, во столько годовыхъ круговращеній, сокровище не истощилось? Кто все существующее сохраняетъ неизблѣмымъ?

Кто ускоряетъ теченіе рѣкъ? Кто побуждаетъ источники къ порожденію водъ? Смотри, какъ здѣсь бьютъ они ключемъ на вершинахъ горъ, и лютъ токи свои сверху внизъ, а тамъ, не при подошвѣ горъ являются, но доставляютъ людямъ воду изъ глубокихъ кладезей. А чтобы не подумалъ ты, будто бы водное естество само собою стремится вверхъ, Творецъ научаетъ тебя самую дѣйствительностію, что вода, покорная Божію слову, и удобно занимающая верхи горъ, когда понуждаетъ ее твое искусство, не восходитъ и на поверхность долинъ; напротивъ того роешь и углубляешь ты кладези, и пользуешься водою почерпнутою въ глубинѣ, потому что ты такой же, какъ и стихіи, Божій рабъ, а не творецъ ихъ. Но Творцу удобно поднять водное естество, не только на верхъ горы, но и въ воздушное пространство. Ему удобно воду горькую усладить, разрешенную связать, связанную разрешить, непрерывно лиющуюся раздѣлить, текущую остановить, обычно стремящуюся внизъ заставить течь вверхъ, и холодную согрѣть безъ огня. И дѣлаетъ Онъ это для тебя, неблагодарнаго, чтобы ты могъ пользоваться сими перукотворенными теплыми водами и

врачевать ими телесные недуги. И это опять уразнообразилъ Онъ для тебя приспособительно къ противоположнымъ потребностямъ; потому что однѣ воды ослабляютъ напряженныя жилы, а другія стягиваютъ и укрѣпляютъ разслабленныя; однѣ противодѣйствуютъ мокротности, другія черножелчно, пныя же иссушаютъ гнойныя струны. Столько пользы предлагаетъ тебѣ въ теплыхъ водахъ Некущійся о тебѣ. А тебя ничто не убѣждаетъ удержаться отъ хулы; напротивъ того остаешься ты неблагодарнымъ, злословишь, страдаешь однимъ недугомъ съ манихеемъ, который, вкушая пищу и питіе, злословитъ, укоряетъ доставляющихъ ему это, и жнецовъ, и хлѣбопекарей, прокликаетъ разрѣзывающихъ хлѣбъ по поламъ, не соглашается рѣзать самъ, но ѣсть разрѣзанное. Такъ и ты, наслаждаясь столькими тысячами благъ, которыя Зиждитель каждый день предлагаетъ тебѣ въ тварн, не благодарншь Предлагающаго, злословишь, хулишь, утверждая, что не промышляетъ Онъ о существахъ Имъ сотворенныхъ.

Смотри же, въ какой несправедливости обвиняешь Его, возводя такую клевету. Для чего и сотворилъ Онъ, если не хочетъ имѣть попеченія о сотворенномъ? Да и почему не имѣетъ попеченія? По тому ли, что, хотя можетъ, но не хочетъ? Или по тому, что, хотя и хочетъ, но не можетъ? Но что можетъ, свидѣтельствуетъ о семъ все сотворенное. Ибо какъ произвелъ бы это величіе, эту красоту и стройность видимаго, не имѣя силы соразмѣрной пзволенію? Какъ привелъ бы въ общеніе и взаимный союзъ вещи несходящіяся, во-

ду и огонь, день и почва, и изъ всего содѣлалъ одно стройное и согласное цѣлое, если бы не могъ промышлять? Ибо привести въ бытіе изъ ничего гораздо важнѣе, нежели промышлять о существующемъ. Итакъ, что можетъ Онъ, свидѣтель тому—тварь; а что хочетъ, о томъ она же опять свидѣтельствуешь. Ибо не другимъ кѣмъ припуждаемый—приступилъ къ созиданію, и не потому, что имѣлъ нужду въ твари, произвелъ ее. Но какъ благій, поелику благость Его превосходитъ всякую мѣру, восхотѣлъ даровать бытіе и не существующимъ. Оказавшій же столько благости къ несуществующему, возперадить ли о сотворенномъ? Ибо не возможно сказать, чтобы позавидовалъ Онъ сотворенному; потому что естество Его свободно и отъ зависти и отъ всякой страсти.

Но чтобы еще въ большей мѣрѣ обнаружить безсиліе сего печестія, предложимъ имъ нѣсколько вопросовъ. Скажите: почему позавидовалъ бы Онъ твари, отъ Него получившей бытіе? По причинѣ ли величія твари? Но Самъ Онъ не созданъ, безпредѣленъ, не имѣетъ начала, и никогда не будетъ имѣть конца, все Собою объемлетъ и ничѣмъ не описуемъ. Въ руку Его концы земли, и Онъ измѣрилъ рукою Своєю воду, небо пядію, и всю землю горстію (Иса. 40, 21.). Или позавидовалъ по причинѣ красоты твари? Но Имъ Самимъ произведена красота сія. И ни одинъ даже изъ самыхъ завистливыхъ людей, построивъ благолѣпный и величественный домъ, никогда не завидовалъ ему, но гордится, величается имъ, и самъ восхи-

щается, и показываетъ не выдавшимъ. А сколько красота твари ниже мысленнаго свѣта Самаго Сотворшаго, измѣритъ ли это какое-либо слово! Посему видите, до чего простерлось нечестіе? Когда самые порочные люди, не только не завидуютъ построеннымъ ими домамъ, но и крайне ими превозносятся; остается ли еще какая высшая степень нечестія для утверждающаго, что источникъ благодати, невозмущаемый никакою страстію, предается зависти? Итакъ, если и можетъ управлять кормиломъ твари, и хотеть, чтобы тварь наслаждалась всѣми благами, то очевидно, что и нечестя о ней, и бодрствуетъ, и, пріявъ бразды, править всякимъ сотвореннымъ естествомъ, и ничего не оставляетъ въ небреженіи.

А увѣрившись въ этомъ, перейди еще къ морю, разсмотри его ложе, его обширность, раздѣленіе на моря меньшія, берега, пристани, лежащія среди моря острова, живущіе въ немъ роды рыбъ, виды ихъ, тѣлесный складъ, разнообразіе, пріязнь моря съ твердою землею, плесканіе волнъ и наложенную на нихъ узду Промысла, который не даетъ имъ возможности затопить сушу, и дѣлаетъ, что волны, устремившись на песчаный берегъ, устрашаются сихъ предѣловъ, усматривая тамъ начертанный Божій законъ, подобно тому горделивому коню, который, удерживаемый уздою всадника, изгибаетъ шею, отступаетъ назадъ, и онъ какъ бы раскаяваются, что вступили въ дѣло съ пескомъ. Можно также видѣть, что моремъ приводятся въ дружеское общеніе отдѣльныя и далеко одна отъ другой лежащія части суши; потому что Тво-

рець, желая самую природою вложить въ людей единомысліе, связалъ ихъ между собою разными потребностями. Моремъ совершасмъ дальнія путешествія, у другихъ собираемъ потребное для насъ, и отдаемъ имъ за это необходимое для нихъ. Промыслитель не дозволилъ каждому удѣлу земли производить все потребное людямъ, чтобы довольство во всемъ не повредило дружбѣ; потому что пресыщеніе высокоумно, и поражаетъ неурядицу. Поэтому-то средину обитаемой земли покрываетъ море, и раздѣленное на тысячи залповъ, подобно торжищу въ большомъ какомъ-либо городѣ, предлагаетъ намъ всякое обиліе необходимаго, пріемлетъ на себя множество продавцовъ и покупателей, пересылаетъ ихъ изъ одного мѣста въ другое, и оттуда опять приводитъ въ то же мѣсто. Поелику совершать путешествія по твердой землѣ трудно, а сверхъ трудности даже и невозможно посредствомъ оныхъ удовлетворить всякой нуждѣ; то простираетъ хребетъ свой море, пріемлетъ на него и малыя и большія ладіи, и относитъ, кому нужно, огромный и необходимый грузъ. Ибо видимъ, что грузъ одного корабля переносятъ на себѣ многія тысячи выучныхъ животныхъ. Но, чтобы совершающіе путь свой моремъ не огорчались продолжительностію, Творецъ какъ нѣкія гостиницы поставилъ на немъ острова, гдѣ путники пристають, отдыхаютъ, закупаютъ потребное для нихъ, и снова отправляются, куда лежитъ имъ путь. Итакъ усрамися множества благодѣяній, рече море (Иса. 23, 4.). Тебѣ болѣе, нежели Сидону, приличны сн пророческія слова; потому что Си-

донъ, не зная Творца, на многихъ боговъ дѣлилъ Божество и дробя на части единое поклоненіе, воздавалъ оное богамъ несуществующимъ, не отрицая Промысла, но приписывая оный тѣмъ, которыхъ нѣтъ. Сидонъ не сталъ бы приносить жертвъ именуемымъ у него богами, если бы не былъ вполне увѣренъ, что они и пользу приносятъ, и вредъ отвращаютъ. А ты, освободившись отъ прелести многобожія, признавая, что всѣ видимыя существа суть Божіи твари, и покланяясь Творцу ихъ, гонишь Его отъ сотвореннаго Имъ, ставишь гдѣ-то вдали отъ твари, и утверждаешь, что необъятный этотъ міръ никѣмъ не управляется, и, подобно не оснащенной ладіи, несется, неизвѣстно какъ и куда.

Посему, *усрамися* благодарній, оказываемыхъ тебѣ моремъ, землею, воздухомъ, солнцемъ, *усрамися* этого простертаго надъ тобою крова—неба; *усрамися* данн, какую берешь съ твари; потому что все, теперь исчисленное, приносить тебѣ дань, и какъ некую подать платитъ тѣмъ, что тебѣ потребно: солнце свѣтитъ, грѣетъ, приводя въ зрѣлость земные плоды; луна служитъ для тебя свѣтильникомъ ночью; звѣзды, когда ты на сушѣ, показываютъ тебѣ почное время, и предозначаютъ переменны годовыхъ временъ, а когда ты на морѣ, дѣлаются путеводителями къ твердой землѣ. Воздухъ, когда вдыхаешь его, прохлаждаетъ врожденную тебѣ теплоту; а когда даетъ изъ себя дождь, питаетъ плоды земледѣлія; когда производитъ стужу, прекращаетъ прозябаніе въ верхъ растеній и сѣмень, растительную силу отсымасть въ корни,

и стужею, какъ нѣкимъ бичемъ, гонить внизъ стремящееся вверхъ, убиваетъ пресмыкающихся, вредныхъ растеній и съменамъ, снабжаетъ тебя породами домашнихъ птицъ. Что же должно сказать о плодахъ, доставляемыхъ землею, источниками, рѣками, морями? Пользуясь ими, ужели не приводишь себя на память Подателя? Собирая, что приносить тварь, неистовствуешь, безумствуешь, буйствуешь противъ Творца; не чувствуешь даровъ, имѣя ихъ у себя въ рукахъ, но бользнуешь прекословіемъ.

Знаю твои возраженія, но не помѣщу ихъ, и не дамъ на нихъ рѣшенія въ этомъ словѣ. Употребивъ себя въ помощь другое слово, намѣренъ я разсмотрѣніемъ сихъ возраженій доказать оспориваемый тобою Промыслъ. Поэтому, оставляя тебя здѣсь, посоветовавъ насладиться разсмотрѣніемъ сказаннаго, и отсюда извлечь пользу, воспою Правителя вселенной. Ему подобаешь слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 3.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРОМЫСЛА, ЗАИМСТВУЕМОЕ ИЗЪ УСТРОЙСТВА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА.

У кого въ добромъ состояніи тѣло, тѣ не требуютъ услуги отъ врачей; потому что неповрежденное здоровье не имѣетъ нужды въ пособіи врачества. Преодолеваемые же болѣзнію имѣютъ обыкновеніе призывать на помощь врачей, и оружіе искусства употребляя въ содѣйствіе противъ недуговъ, стараются ихъ, какъ враговъ, изгонять изъ тѣла; потому что врачебное искусство тѣлу подаетъ помощь, а противъ болѣзней дѣйствуетъ непріязненно. Такъ и тотъ, у кого душа не изнемогаетъ, но стлчается здравіемъ благочестія, не нуждается въ наставническихъ врачествахъ; одержимые же лукавыми предубѣжденіями, пріавніе въ себя недугъ мерзкихъ ученій, и худое расположеніе долговременностію обратившіе для себя въ навъкъ, имѣютъ нужду во многихъ очистительныхъ средствахъ, которыя могли бы выгнать вонъ это вредное вещество, и души содѣлать чистыми, а также нуждаются во многихъ врачествахъ, которыя бы сильно замыкали и заграждали исходы вещества сего наружу, и прекращали болѣзнь сего лукаваго порожденія.

А какъ недугъ предпріемлющихъ лишить тварь Промысла, есть самый трудный и упорный; то два уже врачества предложили мы имъ, сраство-

ривъ оныя изъ всѣхъ частей твари, но чтобы съ корнемъ истребить болѣзнь сію и совершенно освободить ихъ отъ этой тяжкой немощи, попытаемся приготовить и подать имъ и третіе врачество. Входящее же въ составъ сего врачества будемъ заимствовать не на небѣ, землѣ и морѣ, не въ солнцѣ, лунѣ и прочихъ свѣтилахъ, не въ воздухѣ, облакахъ и вѣтрахъ, не въ рѣкахъ, источникахъ и кладезяхъ, но въ самихъ предприемлющихъ изрыгать хулу. Ибо, получивъ отъ Сотворшаго уста, чтобы за благо, которыми пользуются, возносить пѣснопѣніе Подателю, не только не хотятъ прославить Его, но еще даже скверняютъ языкъ свой хулами, и безчестятъ словесный свой органъ.

А и сего одного орудія достаточно къ тому, чтобы доказать не только премудрость, но и безмѣрное челоуѣколюбіе Создателя; потому что орудіе сіе подобно органу, который составленъ изъ мѣдныхъ трубъ, надувается мѣхами, приводится въ движеніе перстами художника и издаетъ стройныя звуки. Впрочемъ, не природа у искусства, а искусство у природы научилось, какъ производить пріятныя сіи звуки; потому что образецъ для искусства — природа, а искусство — снимокъ съ природы. Посему ты, который пріямъ даръ слова, но безчестишь Почтившаго тебя сею честію, разсмотри, какъ, на подобіе мѣховъ, помѣщены внизу легкія, поднимаютъ же ихъ вверхъ не ноги челоуѣка, а окружающія ихъ въ груди мышцы, которыя ихъ сжимаютъ и разжимаютъ. Они-то дыхательнымъ горломъ возгоняютъ выдыхаемый воз-

духъ, который, будучи сгнѣтенъ, отверзаетъ язычекъ, и гортанью устремляется къ устамъ. Слово же человѣческое, какъ прабою рукою, дѣйствуетъ языкомъ, какъ къ мѣднымъ трубамъ въ органъ, прикладываетъ его къ зубамъ, и легко съ большимъ удобствомъ заставляетъ двигаться и скользить вверхъ и внизъ. Сему удобному движенію языка содѣйствуетъ лежащая подъ нимъ железа, подобно какому-то источнику, издающая изъ себя благу. Поелику напряженное движеніе сушитъ языкъ; то нужна для него умѣренная влажность, которая бы увлаживала и умягчала его, и движеніе дѣлала легкимъ. Такъ, когда слово посредствомъ языка приходитъ въ столкновеніе съ зубами, выдыхаемый воздухъ, по сказанному, стремится вонъ, губы ужимаются, внѣшній воздухъ стремленіемъ выдыхаемаго приводится въ стройное отрясеніе, тогда образуется членораздѣльный голосъ, и выдыхаемый извнутри воздухъ, уже омраченный, который природа гонитъ вонъ, какъ излишній, дѣлается колесницею слова. Поелику Зиждатель содѣлалъ сердце источникомъ природной теплоты, такъ что изъ этой части заимствуетъ теплоту цѣлое тѣло, но, заключая въ себя много теплоты, сердце имѣетъ нужду въ маломъ нѣкоемъ прохлажденіи: то Творецъ естества устроилъ, что оно охлаждается посредствомъ легкихъ. Легкія посредствомъ дыхательнаго горла совнѣ вдыхаютъ въ себя чистый воздухъ, и посредствомъ гладкой жилы передаютъ лѣвому дуплецу сердца; потому что, какъ говорятъ въ точности описавшіе это, тамъ беретъ она свое начало. Передавъ же чистый воздухъ тѣ же

легкія берутъ въ замѣнъ сдѣлавшійся омраченнѣмъ, и его какъ излишній посредствомъ дыхательнаго горла гонять опять вонъ. И это лишнее и совершенно бесполезное по волю ума, приводящаго языкъ въ соразмѣрное и стройное движеніе, дѣлается колесницею слова; и что износится изъ сердца, какъ вредное, и изгоняется легкими, то содѣйствуетъ образованію членораздѣльнаго голоса. Подлинно, *о глубина богатства, и премудрости, и разума Божія* (Рим. 11, 33.)! Подлинно, *кто возглаголетъ силы Господни: слышаны сотворитъ вся хвалы Его* (Псал. 105, 2.)? Подлинно, *возвеличишася дѣла Твоя Господи: вся премудростию сотворилъ еси* (Псал. 103, 24.)! Какое слово достаточно къ пѣснословію Создателя? Какое слово удовлетворительно изобразить созданіе насъ самихъ? Какое слово въ состояніи объяснить орудія слова? Кто достигъ такой мѣры въ мудрости, чтобы въ точности усмотрѣть премудрость Создателя? А ты, видя это и пользуясь тѣмъ, не хочешь прославить Того, Кто виновникъ всего этого, но обвиняешь еще въ перадѣній Прилагающаго всякое попеченіе о созданномъ Имъ.

Конечно, и сего одного члена достаточно, чтобы доказать попечительность Творца о семъ живомъ существѣ; потому что, содѣлавъ его словеснымъ, сотворилъ и орудія, необходимыя для слова. Подражая сему отчасти, искусство устроило свирѣли, составило лиры и гусли. Въмѣсто зубовъ нагнуло струны, вмѣсто губъ употребило мѣдь; а бряцало дѣлается языкомъ для струнъ. Переходъ руки отъ струны, издающей звукъ тонкій,

къ струнѣ, издающей звукъ густой, подражаетъ слову, которое заставляетъ языкъ перебѣгать вверхъ и внизъ. Однако же при всей точности, видимой въ искусствѣ, слушающіе, хотя удивляются соразмѣрности и стройности въ игрѣ, но не слышатъ члено-раздѣльныхъ словъ; потому что искусство — подражаніе природѣ, а природа одна образуетъ членораздѣльный звукъ, такъ какъ она есть твореніе Бога, Создателя вслческихъ. Какъ искусство подражаетъ живому существу, и мѣдь или камень преобразуетъ въ человѣческой видѣ, придаетъ сему образу глаза, носъ, уста, уши, шею, руки, грудь, чрево, бедра, голени и ноги, но не въ силахъ дать ему чувства, разсудка, произвольнаго движенія. Такъ лира, гусли, и съ мѣдными трубами органъ, при надуваніи и удареніяхъ издаютъ стройный и складный звукъ, но членораздѣльный голосъ издаетъ первообразный только органъ. Ибо органъ сей есть твореніе самого Создателя, а тѣ всѣ орудія, — произведенія Создателява образа; потому что человѣкъ, какъ образъ Творца, усиливается уподобляться Творцу. И произведенія его подобны тѣнямъ, состязующимся съ дѣйствительностію, имѣютъ образъ, но лишены самостоятельности. Посему въ орудіяхъ, устроенныхъ Зиждителямъ, усматривая столько Промысла, перестань обвинять Оный въ нерадѣніи.

А чтобы и изъ устройства другихъ членовъ дознать тебѣ попечительность о насъ Создателя, поведемъ еще тебя къ самому сердцу. Послику сердце — существеннѣйшая часть тѣла, ему ввѣрено владычество надъ всѣмъ тѣломъ; то Богъ, какъ

нѣкоего царя, ограждаетъ его отовсюду, и облагаетъ его крѣпкою стѣною — грудью, чтобы ничто приражающееся совнѣ не могло удобно вредить ему. А послѣку оно въ непрестанномъ движеніи, какъ источникъ кровеносныхъ жилъ, то снизу подстлалъ подъ нимъ, какъ бы мягкую нѣкую постель, клѣтчатое, губчатое, ноздреватое, изъ жилъ сотканное тѣло легкихъ; а сверху, конусообразную вершину его содѣлавъ твердою, наложилъ перепончатую, не проницаемую и твердую оболочку. Питательное вещество доставляетъ ему не вдыхаемый только воздухъ, но и кровь. А кровь, какъ бы водопроводомъ какимъ, привлекаетъ въ себя сердце изъ частей печени кровеносною трубчатую жилую. Печень же почерпаетъ вещество сіе въ чревѣ. И чрево посредствомъ желудка привлекаетъ въ себя пищу, изрѣзанную зубами, истонченную и умягченную губами; а привлекиши въ себя, прежде всего удерживаетъ, превращаетъ въ сокъ, видоизмѣняетъ, преобразуетъ, передѣлываетъ въ нѣчто подобное себѣ самому; потомъ хорошо переваренную и видоизмѣненную правильно отдѣляетъ, и что окажется чистаго, уступаетъ печени, процѣживаетъ и привлекаетъ въ себя, а излишнее отвергаетъ, и передаетъ кишкамъ, употребляя въ содѣйствіе силу самоочищенія. Такъ печень, пріять въ себя оказавшееся въ пищу чистымъ, не довольствуется произведеннымъ уже очищеніемъ и отдѣленіемъ, но, какъ бы сквозь какія цѣдилки, снова отдѣляетъ и очищаетъ и какъ отстой какой и притомъ самый густой, по особымъ какимъ-то причинамъ, привлекая въ себя, селезенка соби-

раетъ и обращаетъ это въ пищу себѣ. И что чрезъ мѣру переварено, приняло въ себя желчное свойство, и превратилось въ желтоватый составъ, то принимаетъ въ себя желчепріемный сосудъ, а жидкое, крайне истонченное, не заключающее въ себѣ питательности, поступаетъ въ пріемникъ влажныхъ излишествъ. Такъ оную пищу, содѣлавшуюся совершенно чистою, уподобившуюся печени и превратившуюся въ естество крови, принявъ въ себя, кровеносная, трубчатая жила доставляетъ потребное сердцу, сама же идетъ вверхъ, и раздѣляясь на многія кровеносныя жилы, питаетъ грудь, питаетъ плеча и руки, доходитъ до самыхъ ногтей, огибаетъ шею, объемлетъ голову, нисходитъ въ нижнія заднія части тѣла, въ бедра, колѣна, голени, ноги, и однимъ словомъ, обходитъ всякую часть тѣла, и ниодичъ изъ живыхъ членовъ не лишенъ ея орошенія; потому что кровеносныя жилы подобны какимъ-то трубамъ и водопроводамъ, и къ тому предназначены, чтобы орошать тѣло; почему имѣютъ тонкую, прозрачную оболочку, чтобы прилежащія части удобно получали отъ нихъ пищу; а жилы біющіяся имѣютъ оболочки, не только плотныя, но двойныя: потому что служатъ пріемниками не крови, но дыханія, дыханіе же тонко и истекаетъ удобно.

Посему и здѣсь усматривай промыслительность Творца. Кровеносныя жилы, какъ доставляющія кровь всѣмъ частямъ тѣла, устроилъ Онъ изъ перепонокъ тонкихъ, и на самое отверстіе ихъ наложилъ какъ бы рѣшетчатые какіе покровы; потому что кровь густа, и для отдѣленія своего

имѣеть нужду въ проходахъ большихъ. А потому, чтобы не вся изливалась, а только доставляла нѣкоторую влажность прилежащимъ частямъ, такого качества устроилъ для нея сосуды. Жилы же бѣющіяся, разливающія повсюду дыханіе (такъ какъ оно удобно разсѣвается, и легко истекаетъ чрезъ самыя малыя части), Зиждитель соткалъ инымъ образомъ, и устроилъ ихъ, не изъ одной только оболочки, но изъ двухъ плотныхъ и весьма частыхъ. Сблизилъ же бѣющіяся жилы съ кровеносными, чтобы кровь, побуждаемая теплымъ дыханіемъ, повсюду пробѣгала. Ибо зналъ, что застой ея производитъ охлажденіе. Посему-то въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣ и другія жилы соединилъ между собою весьма малыми нѣкими отверстіями, чтобы и кровъ въ малой нѣкоей мѣрѣ принимала въ себя дыханіе, которое бы невольно сообщало ей толчокъ, и понуждало быть въ движеніи, а также и дыханіе пользовалось мокротою крови, которая бы орошала, увлаживала его, и не позволяла приходить въ совершенную сухость. Какой богачъ, любящій великолѣпіе, устроя себѣ домъ, столько заботился когда-либо о водопроводахъ, придумывалъ такое множество водотечей, устраивалъ для увеселенія столько водометовъ и водоемовъ, какъ Зиждитель всяческихъ, созидая сей словесный домъ, остѣнилъ его такимъ множествомъ разныхъ сосудовъ, доставляющихъ все потребное? Какой архитекторъ, ухитряясь сдѣлать, чтобы дома освѣжались вѣяніемъ зефира, расширяетъ такъ входы для воздуха, какъ наилучшій художникъ Богъ устроилъ, чтобы омраченный и

смердный воздухъ выходилъ изъ тѣла вонь, а чистый втекалъ и проходилъ по всѣмъ бѣющимъ жиламъ? Какой садовникъ проводитъ такъ водное естество, и доставляетъ орошеніе корнямъ растѣній, какъ Пасадившій сіе живое растѣніе, и Создавшій всю тварь, неизъяснимымъ образомъ кровоносными жилами распространяетъ орошеніе на всѣ члены тѣла?

Въ разсужденіи питанія и мы человѣки ничѣмъ не отличаемся отъ неодушевленныхъ деревьевъ; потому что, подобно деревьямъ, и мы имѣемъ въ немъ нужду. Не питаемое дерево вянетъ и засыхаетъ, и человѣкъ томимый голодомъ, также теряетъ всю силу, и предается смерти. Посему, какъ деревья, пріемля или дождь изъ облаковъ, или потоки изъ рѣкъ и источниковъ, посредствомъ корней всасываютъ влагу, и она питаетъ вѣтви, кору, сердцевину, раждаетъ листья, производитъ цвѣтъ, и дѣлаетъ, что созрѣваютъ плоды, такъ и сіе живое существо принимаетъ устами пищу, и уста дѣлаются источникомъ, а пищепріемный проводникъ, обыкновенно называемый желудкомъ, уподобляется водопроводу. Чрево же, подобно какому-то корню, принявъ сно пищу, передаетъ ее печени, какъ нѣкоей подставѣ вѣтвей. Печень же, не сама только пользуется для своей potreбы, но по всѣмъ членамъ тѣла разноситъ сіе орошеніе посредствомъ кровоносныхъ жилъ. Такъ питаемое тѣло, въ младенцахъ растеть, удлинняется расширяется, и мало по малу воспріимлетъ надлежащій объемъ, а какъ скоро придетъ въ опредѣленную мѣру, перестаетъ расти, но только питается. Такъ Творецъ всяче-

скихъ печется о нашемъ ествѣ, и не только зиждетъ, но не престаетъ и питать, и не питаетъ только, но прилагаетъ о насъ и всякое иное попеченіе.

Подлинно недоумѣваю, какъ восхвалить мнѣ Творца! Разнообразіе промышленности Его о насъ преобъждаетъ мой умъ; всякое слово уступаетъ побѣду премудрости созданія, никто не въ состояніи познать устройство тѣль. И этого одного достаточно для тебя къ пѣснословію Создателя! Не въ землю ты смотришь, подобно безсловеснымъ, не на чрево приникаешь взоромъ, на подобіе свиней. Возведи только взоръ, и усматривай Промыслъ. Тебя одного изъ всѣхъ животныхъ создалъ Богъ ходящимъ въ прямомъ положеніи, — на двухъ ногахъ, и каждую изъ нихъ не изъ одного члена устроилъ, но составилъ изъ трехъ, и связалъ тремя сочлененіями: и одно прикнулъ къ бедру, другимъ связалъ въ колѣнахъ, и еще другое ввѣрилъ пятамъ. И сочлененія стянулъ крѣпкими жилами, въ мышцы вложилъ произвольныя движенія, и связи сдѣлалъ не слишкомъ слабыми, а также не совершенно натянутыми. Въ последнемъ случаѣ вовсе было бы отнято всякое движеніе, а въ первомъ сомкнутые члены стали бы расходиться и скользить одинъ по другому. Посему-то промышленности о тебѣ Божію, и ходишь, и бѣгаешь, когда хочешь, и имѣешь возможность и стать и сѣсть. Смотри же, и еще новая попечительность о тебѣ! Чтобы не чувствовать тебѣ непріятности и не имѣть боли, когда сидишь на землѣ и камнѣ, дана тебѣ какъ бы самородная подушка. А ты все также не

благодаренъ ; не чувствуешь даровъ, съ неистовствомъ и безуміемъ встаешь противъ Премудрости, столько о тебѣ промышляющей !

И песь знаетъ того, кто его кормить, не отойдетъ прочь, когда онъ дома, ищетъ, когда нѣтъ его, и какъ скоро возвращается, выказываетъ удовольствіе, опуская уши, вертя хвостомъ, выражая покорность, сознавая рабство, провозглашая благодареніе. И все это дѣлаетъ, будучи порабощенъ безсловесію, лишенъ всякаго разума, только временемъ, привычкой, и частыми благодареніями научаемый различать знакомаго и незнакомаго, друга и навѣтника. А ты—причастникъ дара слова ; тебѣ данъ вождь—умъ, который окрыленъ и быстротечнѣе всего видимаго. Солнце въ одинъ день пробѣгаетъ двойное поприще вселенной, а онъ въ одно мгновеніе проходитъ вселенную, и представленіемъ касается небесъ, идетъ далѣе, по мѣрѣ силъ, какъ въ зеркаль, видитъ Бога, созерцаетъ неисчетныя тмы Ангеловъ и тысячи Архангеловъ, любознательно довѣдывается о томъ, что подъ землею, усиливается простереться далѣе всего этого, но не можетъ ; потому что предѣломъ представленію ума служить то, бытіе чего дознано имъ. И его-то имѣя вождемъ, правителемъ, браздодержцемъ, не чувствуешь ты Божіихъ даровъ, не исчисляешь множества благодареній, но остаешься неблагодарнымъ. И когда столько у тебя учителей, не желаешь изучить начатковъ Промысла. Смотри, чтобы не остаться тебѣ безъ всякаго о тебѣ попеченія, и опытомъ не дознать, какая раз-

ность между промысломъ, попечительною и лишениемъ этого.

Теперь, любезный, поведемъ тебя къ другой части человеческого тѣла. Разсмотри хребтовую кость, которая ведетъ начало отъ широкой кости въ задней части тѣла, простирается до выи, подобно твердому столбу, составленному изъ многихъ позвонковъ, и держитъ на себѣ чрево, плеча, руки, шею, голову. Поелику Творецъ совѣ не обложилъ чрева ни одною костью, чтобы, принимая пищу, удобно расширялось, и достаточную вмѣстительность давало съденному; то сзади подпираетъ его хребтовая кость. Ее же сложилъ Творецъ изъ многихъ костей, чтобы, и удобно сгибалась, когда человѣкъ хочетъ нагнуться, и при сгибѣ не могла ломаться. Питаетъ ее хребтовый мозжечекъ, имѣющій источникомъ головной мозгъ.

Что же должно сказать о рукахъ, пользу которыхъ провозглашаютъ — разнородныя искусства? Но о нихъ сдѣлаемъ упоминаніе въ слѣдующемъ за симъ словѣ. Посему для него соблюдаемъ и повѣствованіе о пользѣ рукъ.

Итакъ взойди до выи, и разсмотри ея устройство. Приведи себѣ на память столбы, снизу вверхъ просверленные, въ которыхъ много продольныхъ скважинъ, и въ срединѣ самая большая, чрезъ которую водопроводы поднимаютъ вверхъ большее количество воды, и распредѣляя оную, заставляютъ течь въ низъ въ другія скважины, и одну часть воды препровождаютъ въ южную часть города, другую въ восточную, третью въ западную, и четвертую въ сѣверную. Таковую же пользу и выа

доставляетъ человѣческому тѣлу. Ибо, какъ говорилъ уже я, искусство подражаетъ природѣ, и въ своихъ изобрѣтеніяхъ уподобляется ея произведеніямъ. По этому шея имѣетъ у себя уста желудка, и чреву препровождаетъ пищу и питіе ; имѣетъ также дыхательное горло, простирающееся отъ легкихъ до гортани ; имѣетъ и кровеносныя жилы и жилы біющіяся, чрезъ которыя мозгъ принимаетъ въ себя кровь и воздухъ, питаясь же и возрастая самъ, посредствомъ соединенныхъ съ нимъ костей, препровождаетъ хребтовый мозжечекъ въ хребтовую кость, отъ которой питаются весь костяной составъ, а также идутъ нервы самыя крѣпкіе, толстыя и тонкіе, плоскіе и круглые, служащіе къ тому, что ими связываются суставы, и мышцы получаютъ движущую силу.

Поелику же приходимъ къ самой головѣ ; то смотри, какъ она, подобно нѣкоей крѣпости, стоитъ на виду въ градѣ тѣла, и какъ нѣкое богатство и сокровище, за самою крѣпкою оградою хранить головной мозгъ ; потому что черепъ, подобно оградѣ и шлему (у Грековъ подобоименны и черепъ *τὸ κρανίον* и шлемъ *τὸ κράνος*, какъ устроенный по подобію черепа), окружая головной мозгъ, предотвращаетъ, по возможности, угрожающій ему совнѣ вредъ. Но чтобы мозгъ, будучи крайне нѣженъ и весьма мягокъ, при удареніи не терпѣлъ какого-либо поврежденія отъ костей, которыя жестки и упорны, Творецъ обложилъ его двумя покровами, которые у врачей называются мозговыми оболочками. И тончайшую, называемую темноцвѣтною, срастилъ съ мозгомъ, и сдѣлалъ, что она

весьма близко прилегая къ мозгу, можетъ его сдерживать, но по чрезвычайной тонкости не имѣетъ силы поражать, а другую содѣлалъ плотною и твердою; и она занимаетъ средину между мозгомъ и черепомъ, чтобы не причинять боли мозгу, имѣя сущность болѣе жесткую, и не терпѣть боли отъ костей, будучи ихъ нѣжнѣе. Посему головной мозгъ, какъ сказалъ я, подобно нѣкому богатству, сохраняется въ головѣ, какъ въ крѣпости.

Поелику же начальнику стражи—уму нужны были соглядатаи, которые бы предусматривали и враждебныя и дружественныя движенія; то Творецъ далъ и ихъ, и не одному поручилъ сіе наблюденіе, но поставилъ двухъ стражей, и узаконилъ наблюдать и высматривать одному, что дѣлается на правой сторонѣ, а другому, что на лѣвой. А какъ и они имѣли нужду въ стражахъ, въ зубчатыхъ стѣнахъ, въ оградахъ и частоколѣ; то и о семъ не понерадѣлъ Творецъ сего града, но глазамъ, которымъ ввѣрилъ чувство зрѣнія, на подобіе какихъ-то зубчатыхъ стѣнъ и оградъ, далъ въ защиту брови, укрываясь подъ которыми, могутъ безопасно осматривать и то, что въ дали. Къ симъ же зубчатымъ стѣнамъ подобно нѣкоей крышѣ, защищающей отъ надающихъ сверху дождей, присоединилъ нѣсколько тонкихъ волосъ, которые, склонившись къ внѣшней сторонѣ глаза, принимаютъ на себя текущій съ чела потъ, передаютъ его другъ другу, сливаются въ капли на вискахъ, и избавляютъ глаза отъ вредныхъ дѣйствій пота. Но поелику стражи имѣли нужду въ полномъ вооруженіи; то Творецъ облекъ ихъ покровами —

вѣками, и вмѣсто копій и стрѣль присовокупилъ рѣсницы, которыя не наклонены подобно бровямъ, чтобы изъ защитниковъ не сдѣлаться злоумышленниками, и не по прямой чертѣ простираются впередъ, чтобы при смѣженіи вѣкъ, не происходило между ними тренія, но наклонены не много наружу, чтобы предотвращать вредъ отъ самыхъ мелкихъ тѣлъ. Ибо при сильномъ дуновеніи вѣтра приходятъ въ движеніе не мелкая только, но и крупная пыль, соломинки и иное сему подобное. Нападаютъ комары и другія подобныя мелкія животныя, и увидѣвъ рѣсницы, похожія на частоколь, предаются бѣгству. Такъ общій всѣхъ Зиждитель вооружилъ и колосья пшеницы; ибо, влагилица зеренъ, обложивъ остнами, не позволяетъ питающимся съменами птицамъ дѣлать большой слишкомъ вредъ плоду, но какъ бы остріями какими приводитъ въ страхъ и обращаетъ въ бѣгство.

Но, можетъ быть, страдая недугомъ неблагодарности, скажешь: что же дано мнѣ преимущественно предъ пшеничнымъ колосомъ? Тебѣ же, безумный, на пользу сотворенъ и колось. Почему же остаешься неблагодарнымъ, когда Богъ ради тебя и принадлежащее тебѣ вооружилъ твоимъ же оружіемъ? Ты, неблагодарнѣйшій, съешь пшеничныя съмена, а Онъ орошаетъ, согрѣваетъ, питаетъ, оберегаетъ, хранитъ ихъ, и предлагаетъ тебѣ уже созрѣвшими. Ты же, сжавъ, свезя на гумно, искусно отдѣливъ отъ соломы, очистивъ отъ мякины, смоловъ на жерновъ, отдѣливъ отруби, замѣсивъ руками, передавъ на очагъ, или въ печь, наслаждаешься хлѣбами, и не знаешь Подателя!

Но возвратимся къ глазу. Обрати на него вниманіе, разсмотри, сколько у него оболочекъ, разсмотри внѣшнее его благообразіе, разсмотри тонкость зрачка, окружающаго радугу, которую называемъ вѣнцемъ, роговидный кружокъ, ягодичную плеву, лежащій подъ нею, и проглядывающій сквозь средину ея, кристалловидный шаръ, разлитую вокругъ него стекловидную жидкость, сѣтчатую плеву, железистую основу, на которой держится весь глазъ, эту посредствомъ самаго малаго сосуда, изъ головного мозга сообщаемую пищу, и это изъ глазныхъ кутковъ истеченіе излишествъ.

Посмотри, сколько цвѣтовъ одинъ за другимъ принимаетъ на себя кровь. Сперва была она пищею, измельченная зубами, передана чреву. Чрево придало ей собственный свой цвѣтъ, и сдѣлало бѣлою; а это принявъ въ себя, печень превратила еще въ собственный ея цвѣтъ. Такъ сдѣлавшись настоящею кровью, и поступая въ головной мозгъ, снова дѣлается бѣлою, сгущается въ кости, слагается въ жилы, хотя толстыя, но гибкія.

Но усиливаясь изслѣдовать промыслительность Творца, обнаруживающуюся въ человѣческомъ тѣлѣ, поступаю я, можетъ быть, подобно тѣмъ, которые предприѣмлютъ перечесть песокъ. Поэтому, одинъ самъ съ собою займись обозрѣніемъ по порядку всѣхъ чувствъ, вкуса, обонянія, слуха: какъ одно изъ нихъ различаетъ запахи, и пріятное допускаетъ до себя, а отъ зловоннаго отвращается; почему этому чувству и предоставлено отдѣленіе головныхъ излишествъ. Поелику сіе чувство, на-

ходясь вверху тѣла, принимаетъ въ себя всѣ поднимающіяся снизу испаренія, приливъ же ихъ причинилъ бы великій вредъ самой главной части, разумно головной мозгъ ; то Творецъ всяческихъ и сего не оставилъ въ небреженіи, но устроилъ въ нихъ нѣкіе, какъ въ губкѣ, или свирѣли, проходы, и какъ жидкимъ, такъ и густымъ, излишествамъ указалъ путь къ нѣбу во рту и къ ноздрямъ, и два члена назначилъ для сихъ отдѣленій, чтобы вредное, какъ можно скорѣе выходило вонъ; а для излишествъ парообразныхъ и дымныхъ устроилъ, что они выходятъ и извергаются въ швы черепа. Обрати вниманіе и на дѣйственность слуха. Смотри, какъ, принимая въ себя тысячи звуковъ, не пресыщается, не наполняется, и не все одинаково пріемлетъ, но умѣетъ различать звуки тонкіе и густые, наслаждается благозвучіемъ, отвращается разногласія. Съ помощію слуха внемлемъ мы словесамъ Божиимъ, съ помощію слуха естество наше обучается всякой человѣческой наукѣ, грамматикѣ, риторикѣ, софистикѣ, ариѳметикѣ, врачебному искусству, механикѣ, и всему прочему, что только изобрѣлъ человѣческой родъ.

Сей-то слухъ преклонивъ къ словесамъ нашимъ, пріими врачество очищающее душу, и избавляющее ее отъ лукавой хулы. Устрой для слуха двери — разумъ, и приставь дверника — страхъ Божій. Будь судіею предлагаемыхъ тебѣ словесъ, и придверникъ пусть отворяетъ двери для словесъ благочестивыхъ, а слова хульные, мерзскія, богопротивныя отсылаетъ прочь, затворяетъ для нихъ двери, и какъ несокрушимый нѣкій запоръ при-

ставляетъ къ симъ дверямъ — твердость вѣры. Такимъ образомъ возможно будетъ, и отъ враговъ избавляться, и сохранять душу здоровою, когда, внимая словамъ дружественнымъ и благодѣтельнымъ, не *бывъ чешеми слухомъ*, по слову божественнаго Павла (2 Тим. 4, 3.), не преклоня слуха къ словамъ пріятнымъ, но повреждающимъ разумъ; а напротивъ того, ставъ прямыми и правдивыми судіями того, чтò говорится, избирая изъ сего, чтò приноситъ пользу, и по слову Пророка, днемъ и ночью, ходи и сиди, чтобы то ни было или дѣлая или терпя, будемъ выну предзрѣть предъ собою Бога (Псал. 15, 8.). Ему слава, и честь, и поклоненіе во вѣки! Аминь.

С Л О В О 4.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРОМЫСЛА, ЗАИМСТВУЕМОЕ ОТЪ УСТРОЙСТВА ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РУКЪ И ИЗОБРЕТЕННЫХЪ ЧЕЛОВКОМЪ ИСКУССТВЪ.

Пророческій голосъ, какъ слышу, поетъ и взываетъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвъщаетъ твердь* (Псал. 18, 1.). Но чтобы доносился оттуда такой голосъ, какой производится дыханіемъ, чрезъ дыхательное горло изгоняемымъ въ уста, и словомъ, мѣрно приближающимъ языкъ къ зубамъ, сжимаемыми губами, воздухомъ, поражаемымъ и производящимъ отра-

женіе, — сего никто никогда не слыхалъ изъ подобныхъ намъ людей. Напротивъ того, будучи видимо и показуя, то величіе свое, то красоту свою, и служа для людей покровомъ, небо молча проповѣдуетъ Творца, и языкъ cadaго возбуждаетъ къ пѣснопѣнію. Но, какъ смотря на домъ, который построенъ весьма искусно, поставленъ на крѣпкомъ основаніи, у котораго углы выведены прямо, при его широтѣ, длинѣ и высотѣ сохранена соразмѣрность, окна расположены правильно и въ порядкѣ, соблюдено и все прочее, что придаетъ великолѣпіе такимъ домамъ, немедленно удивляемся художнику, хотя нѣтъ его передъ нами; представляемъ его себѣ мысленно, и все благообразіе примѣчаемаго въ домѣ благолѣпія приписываемъ его искусству: такъ, взирая на небо и на это для многаго полезное движеніе небесныхъ свѣтилъ, не имъ поклоняемся, но Творца ихъ чествуемъ возможными для насъ пѣснопѣніями, и отъ величества и красоты созданій сравнительно познаемъ *Рододѣлателл* (Прем. 13, 5.). Ибо правильно и справедливо заключаемъ: если таково величіе тварей, то каковъ Творецъ? Если такова красота сотвореннаго; то какова же лѣпота наилучшаго Художника и Творца всяческихъ? Такъ небеса похваляютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвыщаетъ твердь. Такъ день дни отпрыгаетъ глаголь, и ночь ночи возвыщаетъ разумъ (Псал. 18, 3.). Не издаютъ они голоса, не произносятъ устами, но непрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ, и другъ предъ другомъ служатъ на пользу людямъ, и такъ велегласно взываютъ, что весь

человѣческій родъ слышитъ ихъ гласъ. Сказано: *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ* (—4.); каждый народъ, каждый языкъ слышитъ, что проповѣдуютъ и день и ночь. Хотя есть различіе въ языкахъ, но единое естество извлекаетъ изъ нихъ одну и ту же пользу.

Такъ изрекшій сіе, въ другомъ псалмѣ прославляя Создателя, сказалъ еще: *удивися разумъ Твой отъ мене: утвердися, не возмогу къ нему* (Псал. 138, 6.). Обративъ взоръ на себя самого, говоритъ Пророкъ, и на себѣ остановившись, освободившись отъ всѣхъ внѣшнихъ мятежей, вознамѣрился я заняться разсмотрѣніемъ своего естества, въ точности извѣдать разумную силу души, тѣ познанія, которыя для нея удобопріемлемы, тѣ искусства, которыми наполнила она жизнь, при помощи которыхъ проводить жизнь пріятную и довольную, то множество понятій, которое изъ себя порождаетъ, ту безмѣрность ихъ, которую въ себѣ вмѣщаетъ; какъ укладываетъ все это и хранить въ раздѣльности? Какъ удобно изъ уложеннаго беретъ, что ей угодно? Какъ распоряжается тѣломъ, и глазамъ поручаетъ различать объемы и цвѣты, языку ввѣрила давать судъ о вкусахъ и поставила его служить при собственныхъ ея порожденіяхъ, а поздри содѣлала судилищемъ запаховъ, и для словъ, приносимыхъ совнѣ, отверзла уши; прочимъ же членамъ тѣла вручила осязательную силу, и имъ сообщаетъ силу ощущенія, а сама воспримлетъ отъ нихъ и скорбь, и веселіе? Соображая въ умъ и это, и все тому подобное, видя стеченіе сихъ противоположностей для устройства одного

живаго существа, соединеніе и сочетаніе смертнаго и безсмертнаго, говоритъ Пророкъ, препобѣждаюсь симъ чудомъ, и не продолжая своего разсмотрѣнія, признаюсь въ томъ, что преодолѣвъ, и провозглашая побѣду премудрости Создательной, прославляя Творца, взываю: *удивися разумъ Твой отъ мене: утвердися, не возмогу къ нему.*

Въ настоящемъ случаѣ слова сіи приличны и намъ, пожелавшимъ извѣдать премудрость, открывающуюся въ устройствѣ частей человѣческаго тѣла и дознавшимъ на опытъ свое безсиліе. Не малую впрочемъ пользу извлекли мы и изъ недостаточнаго разсмотрѣнія. Потому что и въ самаѣйшей части тѣла увидѣли блистательно являющую себя Божию промыслительность. Ибо что малощнѣе волосъ? Какая часть тѣла до такой степени лишена чувствительности? Однако же слово наше показало необходимую потребность и волосъ. Свидѣтельствуютъ это брови и рѣсницы, свидѣтельствуютъ волосы, украшающіе и вѣсть покрывающіе голову. Ибо потребность и сихъ послѣднихъ даютъ намъ знать не имѣющіе ихъ на головѣ. Во первыхъ, они стыдятся, какъ лишенные украшенія; а потомъ придумываютъ другіе какіе нибудь покровы, восполняющіе потребность волосъ. И вѣроятно, головамъ у иныхъ быть обнаженными отъ волосъ Зпкдитель попустилъ для того, чтобы дознали мы, что Творецъ, создавая живое существо, промыслилъ и о волосахъ. Такъ у достигшихъ наконецъ мужества, и переступившихъ возрастъ отроческій, украшаетъ оцъ бороною какъ подбородокъ, такъ и нѣкоторую часть

лапнть. — Сначала появляется на нихъ пушкь, потомъ покрываютъ ихъ небольшіе волосы, чтобы самымъ прибавленіемъ своимъ показывать разность возрастовъ, и наружностію убѣждать, что время оставить дѣтскія игры, и заняться дѣлами важными. А поеліку женамъ для подобнаго наученія достаточно бользней при рожденіи; то Создатель у однихъ мужей увѣнчалъ такъ ланты.

Если же кто, научившись прекословить истинь, въ возраженіе намъ представитъ произрастаніе волосъ и на другихъ частяхъ тѣла; то да знаетъ, что напрасно онъ и за нихъ не благодаренъ. Самородное покрывало наложило природа на тѣ части тѣла, на которыя стараемся налагать покровы рукотворенныя. По этому у тѣхъ, чей разумъ не умѣетъ еще различать добродѣтели и порока, природа не наложила сего волосянаго покрова. А тѣхъ, которые начали уже познавать, и научились потребности каждаго члена, весьма кстати и съ прекрасною цѣлію, украсила она симъ препоясаніемъ, прикрывая ихъ, какъ стыдящихся, чего родоначальникъ Адамъ въ раю не стыдился. Сказано: *бѣста оба нага, Адамъ же и жена его, и не стыдятся* (Быт. 2, 25.). Но по нарушеніи закона, когда пришли въ сознаніе преступленія и услышали гласъ Божій; тогда *сшиста листвія смоковное, и сотвориста себѣ препоясанія* (3, 7.). По этому, строгій обвинитель созданія и вмѣстѣ Промысла, усмотри попечительность Творца и о сихъ членахъ. О чемъ и слышать ты стыдишься, то Создатель творитъ, и одобряетъ. Ибо сказано: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра*

зъло (1, 31.), и: *сотворимъ ему помощника по нему* (2, 18.). Таково же и первое Божіе благословеніе: *раститесь, и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ею* (1, 28.).

Поелику же слово наше, не знаю какъ, принуждено коснуться и тѣхъ членовъ тѣла, *иже*, по слову божественнаго Павла, *миимъ безчестнѣйшихъ быти* (1 Кор. 12, 23.); то смотри, какъ не сказанно челоѡколюбіе Творца. Уста, которыми вѣрено служить слову, принимать пищу, и передавать ее чреву, помѣстилъ Онъ близъ глазъ. А исходу изверженій, поелику можетъ оскорблять взоръ, отвращать отъ пищи, исполнять омерзѣнія, не только далъ мѣсто вдали отъ глазъ, но даже содѣлалъ его совершенно для нихъ невидимымъ. Посему усрамися безмѣрности Божія челоѡколюбія, ужаснись не сказанной Божіей понечтительно-сти, видя, какъ Богъ создаетъ, что ты и называть стыднѣшься, видя, какъ Онъ промышляетъ, о чемъ ты и припоминаешь со стыдомъ. Поелику видимое въ живомъ существѣ смертно, и какъ смертное имѣетъ нужду въ пищу; то по необходимости далъ ему и уста и исходы для изверженій, а внутренности изогнулъ многими кругами; отъ чего, принимая въ себя нужную часть пищи, не вдругъ извергаютъ ее, чтобы не часто безпокоила насъ потребность пищи, для непрестаннаго восполненія опустѣвшаго. И должно ли перечислять всѣ чудеса природы?

Но время уже намъ перейти наконецъ къ рукамъ, упомянувъ о которыхъ въ предыдущій день, общались мы сегодня объяснить ихъ пользу.

Итакъ посмотри, онѣ протянуты не больше, сколько нужно, чтобы не сдѣлаться излишнимъ бременемъ для остальнаго тѣла, но также и длина ихъ не меньше, чѣмъ быть ей надлежало, напротивъ же того, получили онѣ мѣру соответственную дѣламъ, для которыхъ даны. На сей конецъ Создатель раздѣлилъ руку на три части. Первое сочлененіе помѣстилъ въ плечахъ, а въ локтѣ сочленилъ подплечіе и ручной лучъ, къ кисти же прикнулъ другую оконечность сего луча, и придѣвъ къ ней предпястіе, утвердилъ въ немъ пять перстовъ. Каждый же изъ нихъ сложилъ изъ трехъ суставовъ, и оконечности ихъ устроивъ однѣ выпальными, а другіе шаровидными, въ выпалыя оконечности вложивъ шаровидныя, связалъ толстыми жилами; и мышцамъ предоставивъ свободное движеніе, облекъ ихъ тонкою кожею, чтобы жестокость не была препятствіемъ при сгибаніи суставовъ. Оконечности перстовъ на внутренней сторонѣ сдѣлавъ мягкими, Творецъ позаботился о безопасности ихъ совнѣ; потому что наложилъ на нихъ тонкіе и широкіе ногти, съ круглыми выпуклостями снаружи. Сдѣлалъ же ихъ тонкими, чтобы не отягчали нѣжную плоть оконечностей, ставъ излишнимъ бременемъ, — и вмѣстѣ широкими, чтобы имѣли достаточную твердость въ трудныхъ работахъ, поддерживая собою совнѣ мягкость находящейся подъ ними плоти, а выпуклости ихъ устроилъ округленными, симъ видомъ предохраняя ихъ отъ скорого ощущенія боли. Ибо въ тонкихъ тѣлахъ, имѣющихъ видъ треугольника и четвероугольника, углы весьма ломки.

Льванъ, медвѣдьмъ, барсамъ и другимъ звѣрямъ Творецъ далъ когти острые, толстые, длинныя и весьма крѣпкіе, и снабдилъ ихъ симъ естественнымъ вооруженіемъ, потому что безсловесность препятствуетъ имъ пользоваться искусственнымъ пособіемъ. Человѣкъ же, создавъ словеснымъ и одаривъ его умомъ, изобрѣтателемъ множества наукъ и искусствъ, создалъ безъ естественнаго вооруженія. Не далъ ему звѣринныхъ когтей, не покрылъ ногъ его копытами. Иначе, какъ восходить бы ему на лѣстницы? Какъ стоять бы ему на тонкихъ стѣнахъ, когда переплетаетъ между собою камни и кирпичи, и строить себѣ домъ? Какъ держаться бы копытами на вершинѣ дома? Теперь мягкость и продолговатость ступней и гибкость перстовъ дѣлаютъ для него движеніе удобнымъ, и стояніе безопаснымъ; обнаженными ногами весьма легко ходить онъ по деревьямъ, смѣло влѣзаетъ по тонкимъ ступенямъ, и съ большимъ удобствомъ отправляетъ множество нныхъ дѣлъ. Но человѣкъ находитъ, чѣмъ замѣнить у себя и копыты. Взявъ кожу послушнаго ему животнаго, при пособіи кожевнаго и сапожнаго искусства, выдѣлываетъ нѣчто, по положенію, объему, длинѣ и ширинѣ подобное ногамъ, и облакаетъ ихъ въ это, и симъ во время хожденія предотвращается вредное дѣйствіе отъ тѣлъ твердыхъ, и ослабляется пронзительность тѣлъ холодныхъ.

Посему-то Творецъ этому одному живому существу далъ руки, какъ орудія приличныя существу разумному. Ибо при помощи рукъ люди пашутъ землю, паръзываютъ борозды, влагаютъ въ нихъ

сьмена, дѣйствуя лопатою, или заступомъ, роютъ ямы, насаждаютъ деревья, наточивъ кривый ножъ, то обрѣзываютъ виноградныя вѣтви, видя, что скоро дадутъ онѣ побѣги, и освобождаютъ ихъ отъ излишняго, то сѣкаютъ на нивѣ колосья, пожинаютъ руками плоды ихъ трудовъ, связываютъ въ снопы, переносятъ вязанки на гумно, отдѣляютъ зерна отъ соломы, и опять, при содѣйствіи рукъ солому складываютъ въ стога, а зерна собираютъ въ закромы. Руками же обираютъ виноградъ, собираютъ масла, выжимаютъ вино, возвращаютъ всякаго рода овощи, искусственно разнообразя безчисленные роды плодовъ, собираютъ и предлагаютъ ихъ желающимъ пользоваться.

При помощи рукъ, человѣческой умъ не только сушу украшаетъ цвѣтущими лугами, волнующимися жатвами, тѣнистыми рощами, но и море испестрилъ многими путями, и ухитрился сдѣлать, что непроходимое для всѣхъ, покрылось оно многими путниками; потому что по богоданной мудрости, изобрѣтя кораблестроительное искусство, у искусства же кузнечнаго, измышленнаго прежде, заимствовалъ топоръ, пилу, стругъ и другія орудія строительнаго искусства, обдѣлавъ сими орудіями безплодныя деревья, взятая у старшей его сестры — земледѣлія, и подводную часть положивъ какъ бы въ нѣкое основаніе, потомъ на ней въ видѣ стѣнъ сложивъ ряды брусевъ, плотно сомкнувъ шипами и обмазавъ смолою, а чрезъ это преградивъ водѣ возможность протекать внутрь, устроилъ онъ морскую колесницу — ладію. Но какъ для упряжи

въ нее нужны были кони и мски, а ихъ не могла бы носить на себѣ текучая сущность; то кормчій на корабль премудро устрояетъ и это, употребивъ опять въ содѣйствіе руки. Въмѣсто оглобли построивъ мачту, на подобіе пристяжи прикрѣпивъ къ ней вѣтрила, вмѣсто коней и мсковъ употребляетъ приражающеея дуновение вѣтровъ, и ихъ, какъ рѣзвыхъ коней, подчиняетъ своей упряжи. А какъ у ладіи должны быть и возки, то имъ удобляется кормило, и держась за него кормчій, подобно возницѣ, какъ бы краемъ колесницы, имѣя корму, легко туда и сюда обращаетъ ладію, и умѣетъ не только искусно править ее, когда дуетъ попутный вѣтеръ, но сдѣлать безсильными и безпорядочные порывы вѣтровъ, и какъ неукротимыхъ и необузданныхъ какихъ коней, сдерживать ихъ уздою. И все это ухищряется дѣлать человеческій умъ, употребляя служителями руки. Съ ихъ помощію и пловець дѣйствуетъ несломъ, и кормчій править рулемъ, и купецъ складываетъ купленный грузъ, и рыболовъ производитъ свою ловлю, и невидимую добычу уловляетъ искусно сплетенными сѣтями.

Но теперь перейдемъ съ моря на сушу, потому что не достанетъ времени въ точности изобразить каждое искусство. Посему смотри, какъ всѣ искусства одно у другаго заимствуются полезнымъ: строительное у кузнечнаго заимствуетъ орудія, кузнечное у строительнаго — жилища, а то и другое у земледѣлія — пищу, да и земледѣліе опять у первыхъ двухъ — строеніе жилищъ и все, содѣйствующее воздѣлыванію земли.

Лучше же сказать, разсмотри, какъ въ началѣ Творецъ указаль сему живому существу необходимо для него потребное. Ибо откуда узналь человекъ, какъ добывать желѣзо, мѣдь, свинець, олово? Кто указаль ему среброносныя жилы? Кто научиль рыть золотопосную землю, и указаль собирать малыя блестки золота? Откуда узналь онъ составъ стекла? Кто наставиль его различію песковъ? Кто научиль его, какой песокъ, какъ и на сколько времени подвергать дѣйствию огня? И сложившійся въ плотный составъ раздѣлять, а раздѣленный превращать въ плотный, нераздѣлимый составъ? Какъ узналь, употребивъ въ содѣйствіе огонь и дуновеніе воздуха, выдѣлывать изъ песка разнаго вида стаканы, фіалы, чаши, бомбилы, амфоры, всякую посуду и сосуды, пригодные для всякой потребности, при употребленіи пищи и питія? Посему явно, что познаніе о всемъ этомъ получилъ человекъ отъ Творца, что Создавшій его вложилъ въ природу его и силы къ измышленіямъ, и способность къ изобрѣтенію искусствъ.

По сему-то, бесѣдуя съ великимъ Іовомъ, изрекъ: *кто далъ есть женамъ тканія мудрость, или изнещренія хитрость* (Іов. 38, 36.)? Ибо и это — богоданный подлинно цвѣтъ искусства. Хотя со временемъ содѣлалось это пренебрегаемымъ, и знаше дѣла отняло славу у изобрѣтателей; однако же, если кто захочетъ разсмотрѣть все въ подробности, то весьма подивится и сему искусству. Ибо состриженную и промытую водою шерсть сперва чешутъ и дѣлятъ на тонкія волокна, потомъ перебитая шерсть дѣлается клубкомъ. Послѣ сего

береть ее прядильщица, и чистое, состоящее какъ бы изъ прямыхъ волоконъ, отдѣляетъ отъ прочаго; изъ остальнаго же, сложивъ это вѣсть, приготовляетъ утокъ въ основъ, потомъ уже берутся за дѣло женскія руки, выпрядаютъ тонкія нити, и сперва, какъ пѣкія струны, натянувъ порядкомъ въ ткацкомъ станкѣ, пропускаютъ сквозь нихъ утокъ, челнокомъ раздѣливъ нити, въ основъ, однѣ изъ промежуточныхъ нитей опустивъ внизъ, а другія поднявъ вверхъ, а потомъ устроенными на то орудіями, какъ бы толкая и нажимая утокъ, производятъ такимъ образомъ ткань.

Кто же достойно подивится мудрости, данной этому живому существу? Какъ изъ шерстей, или шелковыхъ нитей, одного цвѣта бываютъ вытканы изображенія всякаго рода животныхъ, подобія людей, то занимающихся охотой, то молящихся, а также и виды деревъ, и весьма многое другое. Подлинно да восхвалятъ Господа всѣ народы, сподобившіеся такой мудрости, и наслаждающіеся столькими благами! Кто сдѣлалъ, что морская рыба даетъ краску для шерстей? Кто опять былъ изобрѣтателемъ сего искусства, чтобы и естественный видъ шерстей облекать въ тысячи цвѣтныхъ видовъ?

Но, можетъ быть, бользнуя неблагодарностію, скажешь: черви выпрядаютъ нити еще болѣе тонкія, нежели люди? Но и это — дѣло Божіей попечительности. Чтобы ты не высоко думалъ о мудрости, съ какою успѣваешь въ искусствахъ всякаго рода, и не величался множествомъ богатства, Благопопечитель посредствомъ червей враз-

умяетъ тебя, что не отъ твоей зависитъ это силы, а есть даръ Божія челоуѣколюбія. Но, давая тебѣ этотъ урокъ, и утѣшаетъ вмѣстѣ, чтобы не скорбѣлъ ты, уступая надъ собою побѣду червямъ; потому что тебѣ же предоставляетъ нити сіи, и твоему игу подчиняетъ ихъ дѣлателя.

Ты одинъ изъ всѣхъ живыхъ существъ построилъ красивые города, укрѣпилъ ихъ башнями и оградами, устроилъ прекрасныя фортисшицы и жилища, и пристанями совокупилъ море съ сушею. Но поелику Творецъ создалъ тебя смертнымъ въ настоящей жизни, зналъ, что будешь впадать въ болѣзни (удѣломъ смертнаго страданія); то научилъ тебя и врачебному искусству, и симъ познаніемъ вооружилъ противъ страданій. Онъ научилъ тебя знать различіе невидимыхъ по паружности педуговъ, и по движенію біоущихся жилъ распознавать усиленіе и ослабленіе лихорадочнаго жара, узнавать время начала припадка, высшій его степень и приближеніе къ концу, предусматривать признаки смерти, распознавать родъ того вещества, которое производитъ болѣзнь, и противъ него употреблять то, что съ нимъ во враждѣ, влажное изсушать, горячее охлаждать, холодное разжигать и согрѣвать, скопившееся до излишества изгонять вонъ рвотными и слабительными врачествами, или съченіемъ кровопосныхъ жилъ. И какое слово объиметь, или множество педуговъ, или множество врачеваній? Ибо многое враждебно тѣлесной природѣ, но и противодѣйствующія тому средства многочисленны; искусство много открыло противоборствующаго каждой болѣзни.

Посему-то Творецъ повелѣлъ землѣ произращать и многія травы, не только годныя, но и негодныя для пищи; потому что мы люди имѣемъ нужду не въ одной только пищѣ, но и во врачеваніи. Такъ, однѣ изъ травъ приготовляемъ въ съѣдъ себѣ, другія подаютъ травоядныя животныя, иныя собираютъ врачи, и приготовляютъ изъ нихъ цѣлительныя врачества, и вредное въ пищу дѣлается цѣлебнымъ врачествомъ. Посему и это да не побуждаетъ тебя къ обвиненію Промысла; напротивъ того все сіе уста благопризнательныя призываетъ къ хваленію.

Но я, осмѣлившись пуститься въ море мудрости искусствъ, уподобляюсь тѣмъ, которые плывутъ по морю, отсюда обуреваются волнами, и желаютъ достигнуть суши. Такъ и я усиливаюсь избѣгнуть, подобно прираженію какихъ-то волнъ, скопляющихся у меня мыслей, поспѣшить къ концу, какъ бы коснуться морскаго берега.

Поэтому, оставивъ всѣ прочія искусства, обращаю слово къ искусству грамматическому, которое ближе другихъ къ разуму и прилично животному словесному. Оно избрѣло буквы, опредѣлило число ихъ, сопрягло ихъ однѣ съ другими, и произвело сочетаніе слоговъ. Потомъ, соединивъ вмѣстѣ по два и по три слога, научило чтенію словъ; сложивъ же и связавъ слова, произвело единую стройность рѣчи. Такимъ образомъ тысячи книгъ наполнились изреченіями древнихъ, и однѣ изреченіями священными, божественными, таинственными, а другія — касающимися внѣшняго образованія. Грамматическое искусство, разнообразною

мѣрностию рѣчи, красотою словъ, стройностию сочиненія прикрывая баснословное, услаждаетъ слухъ, а благочестивымъ служитъ оружіемъ противъ питомцевъ кечестія. Съ помощію сей науки, мы и отсутствуя бесѣдуемъ другъ съ другомъ, находясь въ разстояніи пути многихъ дней, когда между нами бываетъ преградою великое число дневныхъ переходовъ, при содѣйствіи рукъ, посылаемъ другъ другу порожденія мысли. Языкѣ, первое орудіе слова, остается въ бездѣйствіи, правая же рука услуживаетъ слову и, воля тростию, начертываетъ на хартіи бесѣду съ другомъ, и колесницею слова служитъ уже не языкъ въ устахъ, но рука, съ теченіемъ времени навывшая искусству и обучившаяся точному сочетанію буквъ.

Съ сею-то цѣлію Творецъ далъ такое устройство нашимъ рукамъ, раздѣливъ на пять перстовъ, четыремъ противопоставилъ большой перстъ. А если бы всѣ персты были расположены паравиъ, то не было бы возможности производить всякаго рода работу. Теперь же, когда большой перстъ противоположенъ другимъ, удобно держимъ и кисть, и лопату, и заступъ, и пилу, и сѣкиру, и молотъ, и клещи, и всякое другое, какое ни есть, орудіе искусства.

Такъ, усмотрѣвъ изъ сего слова, какого промышленія сподобился ты при твоёмъ сотвореніи, сколько даровалъ тебѣ Творецъ искусствъ и познаній, необходимыхъ, не просто для жизни, но для жизни счастливой, какую показалъ великую щедрость въ попеченіи о тебѣ, какимъ обиліемъ благъ осыпалъ тебя, чтобы, съ помощію искусствъ

содѣлать жизнь для тебя пріятною, чтобы не только доставляли они потребное, но даже и то, что сверхъ потребности, лилось къ тебѣ отсюда, — отложи неблагодарность твоего языка, научись прославлять Промысль, *повинися Господеву, и умоляй его (Псал. 36, 7.)*. Научись взывать съ Пророкомъ: *удивися разумъ Твой отъ мене: утвердися, не возмогу къ нему*. Ему слава нынѣ и всегда, во вѣки! Аминь.

С Л О В О 5.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПРОМЫСЛА, ЗАИМСТВУЕМОЕ ИЗЪ ПОДЧИНЕНІЯ ЧЕЛОВѢКУ ЖИВОТНЫХЪ БЕЗСЛОВЕСНЫХЪ.

Какова попечительность Творца всяческихъ о родѣ нашемъ, ясно знаете вы, друзья и соучастники пира, и не имѣете нужды въ словесномъ наставленіи; потому что, постоянно пріемля отъ оной потоки благодѣяній, по мѣрѣ силъ, возносите пѣснь Подателю. Поелнку же иные, педугуя великою безчувственностію, не сознають даровъ Божіихъ, наслаждаясь богоданными благами, изрыгаютъ неблагодарныя рѣчи на Сотворшаго; то по необходимости слово наше, съ великою скоростію обошедши тварь, изведя на среду естество человѣческое, въ каждой части, и всей твари, и нашего

естества указало весьма явственно обнаруживающийся Божій Промысль, а также привело въ известность какъ мудрость, такъ вмѣсть и пользу не многихъ только искусствъ, изобрѣтателемъ которыхъ сталъ умъ человѣческій; но добровольно преминуло искусства, изобрѣтенныя для великолѣпія и услажденія, разумью искусства: живописное, льпное, ваятельное, литейное, поваренное, изобрѣтенія разныхъ печеній, а сверхъ сего искусства, удовлетворяющія непомѣрной любознательности, разумью: астрономію, геометрію, ариметику, музыку, которой весь трудъ—плѣнять и раздражать слухъ, приводитъ душу въ какое угодно расположеніе, унылую разстворять радостію, а разсѣянную дѣлать собранною и мужественною. Сіи и подобныя симъ искусства добровольно преминуло слово, избѣгая длинноты, заботясь о краткости и предоставляя собственному уму слушателей заняться разсмотрѣніемъ каждаго искусства, потому что въ сказанномъ не трудно найти основанія къ уразумѣнію умолчаннаго.

Неумѣющіе пѣснословить Благодѣтеля, а навѣщшіе клеветать на Него скажутъ, можетъ быть, что изобрѣщеніе искусствъ Творецъ даровалъ не одному только человѣческому естеству. Ибо видимъ, что самый мелкій родъ крылатыхъ тварей — пчелы любятъ жизнь гражданскую и общественную, по безсилію вооруженныя жаломъ, одна за другою и въ порядкѣ выбираютъ изъ ульевъ, несутся по воздуху, облетаютъ рощи, луга, пивы, садятся на цвѣтахъ, листьяхъ и плодахъ, собираютъ что-то подобное пуху и для нихъ полезное, сами себя

обременяють ношами, ноши эти кладутъ себѣ на сгибы погъ и на шею, и такъ возвращаются въ ульи. Потомъ устрояють соты, не пуждаясь ни въ лишейкѣ, ни въ наугольникѣ, вѣрнѣе всякаго чертежнаго искусства дѣлають углы одинъ другому равные, переплеты же стѣнъ и разгородки для меда строятъ весьма тонкія, какъ бы нитяныя и волокнистыя, впрочемъ тонкими и частыми этими преградами не даютъ ни мало растекаться влажному меду, и вмѣстилища сѣи наполняютъ сладкою влагою. Говорятъ: родъ человѣческій, который дѣлится на учениковъ и наставниковъ, съ великимъ трудомъ и продолжительное время усовершеншается въ искусствѣ, произвелъ ли что подобное; тогда какъ трудолюбивый и добротолубивый этотъ родъ пчель, не дѣлясь на наставниковъ и учениковъ, не участь искусству подъ бичами и жезлами, по врожденной способности, самоучкою, совершаетъ эту трудную работу, строятъ соты, наполняетъ вмѣстилища, не спрашивая ни о мѣрахъ, ни о средоточіяхъ, ни объ углахъ? И вмѣстилища наполняетъ, не выжимая гроздовъ, и не дѣлая вреда другому какому плоду, но почерпая малую часть росы, и изъ этого выработывая медъ. Итакъ, изъ самаго обвиненія сего составимъ оправданіе; потому что затрудненіе легко разрѣшается само собою.

Пчелы этотъ великій и прекрасный трудъ, а также превосходный и самый сладкій плодъ труда приносятъ въ даръ человѣческому же роду; какъ служители, понуждаемые закономъ владычества, выходятъ онѣ изъ жилищъ, собираютъ потребное,

непрестанно посятъ на себѣ тяжести, тщательно занимаются домоводствомъ, влагаютъ медовую влагу, какъ бы къ сокровищу какому прикладываютъ клейма и печати, и какъ дань какую и налогъ непрестанно отдаютъ людямъ, какъ царямъ. По этому, что же клеветешь ты, жалкій? Принимая дань, хулишь собирателя дани? И пользуясь чужими трудами, того, кто тебѣ отдаетъ добытое сими трудами, язвишь неблагодарнымъ словомъ?

По ты не плоды ихъ трудолюбія только пожинаешь, а извлекаешь изъ всего и другую пользу. Ибо, во первыхъ, дознаешь, сколько благъ доставляетъ единомысліе, и какихъ плодовъ бываетъ оно содѣтелемъ. Рой пчель уподобляется гражданскому обществу. Нѣтъ у нихъ ничего собственного, но общее богатство и недвижимое имущество; нѣтъ у нихъ судебныхъ исковъ и судилищъ; потому что не обижаютъ другъ друга, не желаютъ большаго, одною работою заняты непрестанно. Почему и трутней, которые не терпятъ труда, а въ праздности истребляютъ добытое трудомъ другихъ, гонять вонъ. Пенавидятъ многоначалія и народоправленія: одного имѣютъ вождя, ему покорствоваться пріятно для нихъ: все же это и дѣлаютъ и терпятъ, не слыша приказовъ, не читая законовъ, не ходя къ наставникамъ; потому что у нихъ одна пчела не превосходитъ другую мудростію, и старшая не знаетъ больше младшей, но всѣ одна другой подобно выполняютъ все сказанное выше, не по разумному вѣдѣнію, но съ естествомъ получивъ отъ Творца всяческихъ это трудолюбіе и добротолубіе въ работѣ. А для тебя все это слу-

жить полезнымъ урокомъ. Какъ разумный, паучаешься ты у неразумныхъ гнѹшаться праздною жизнью, какъ вредною, усердно же подвизаться въ трудахъ добродѣтели, и отовсюду заимствовать служащее къ ея пріобрѣтенію, не искать начальства, тебѣ не принадлежащаго, а когда имѣешь его, распорядиться прямодушно и справедливо, что имѣешь у себя, почитать то общимъ, и употреблять въ пользу имѣющихъ въ томъ нужду. Къ наученію тѣхъ, которые судятъ здраво, и отличительный признакъ своего естества сохраняютъ въ цѣлости, достаточно врожденнаго разума, а которые повредили оный и возлюбили жизнь звѣрскую, хищническую и кровожадную, для тѣхъ истиннымъ обличеніемъ служить благоустроенный образъ жизни животныхъ безсловесныхъ. По этому, о твоей промышленности польза, Творецъ и породы безсловесныхъ украсилъ нѣкими естественными преимуществами, чтобы и изъ этого могъ ты пріобрѣсть пользу. Свидѣтель сему Соломонъ, который даетъ тебѣ совѣтъ, и говоритъ: *иди ко мравію, о лѣннине, и поревнуй, видѣвъ пути его. Иди ко пчелѣ, и увѣждь коль дѣлательница есть, дѣланіе же коль честное творить: ея же трудовъ царіе и простиі во здравіе употребляютъ* (Притч. 6, 6 - 8.). Свидѣтельствуетъ же и Самъ Богъ всяческихъ, говоря устами Пророка: *горлица, кузнечикъ и ластовица сельная и врабія познаша времена входовъ своихъ: людіе же Мои сіи не познаша судьбъ Господнихъ* (Іер. 8, 7.); и еще устами Исаіи: *позна воля стяжавшаго и, и осель ясли господина своего: Израиль же Мене не позна, и людіе*

Мои не разумѣша (Иса. 1, 3.). Посему естественныя преимущества безсловесныхъ служатъ обвиненіемъ для одаренныхъ словомъ.

О семъ-то сѣтуя Пророкъ, и представляя плачевное состояніе людей, падшихъ до унодобленія безсловесныхъ, взываетъ: *человѣкъ въ чести сый не разумь, приложися скотомъ несмысленнымъ, и унодобися имъ* (Псал. 48, 13.). Посему-то Пророки называють кого волками (Иезек. 22, 27.), кого львами, уловляющими въ тайнѣ (Псал. 9, 30.), кого псами, лающими на того, кто кормитъ ихъ, кого юницами, *стрѣкаломъ стрѣчемыми* (Ос. 4, 16.), кого змѣями и порожденіями ехиднѣ, кого аспидами, затыкающими уши свои и не слышащими *гласа обавающихъ* (Псал. 57, 5. 6.). Но какъ лукавымъ правамъ они придавали названія звѣрей, такъ душамъ простымъ и не злонаправнымъ присвоили названія животныхъ похваляемыхъ. Можно пайдти, что душу, украшенную простотою вѣры, Пророки называютъ голубицею и горлицею. Смыслъ наименованіемъ въ таинственной книгѣ Пѣсеней Женихъ привѣтствуетъ Церковь, а души благопокорныя и возлюбившія Пастыря именуется овцами. Ибо говорятъ: *овцы Моя гласа Моего слушаютъ* (Іоан. 10, 27.), и: *знаю Моя, и знаютъ Мл Моя* (14.), и еще: *Азъ есмь пастырь добрый: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (11.); и въ другомъ мѣстѣ: *поставитъ агнцы одесную Себе, а козлища ошуюю* (Матѣ. 25, 33.). И также, въ священномъ евангеліи, наименоваль орлами тѣхъ, которые парятъ въ высоту, отрѣшились отъ земнаго, приобрѣли чистое душевное око, и возжелали

принадлежать къ таинственному тѣлу. Ибо, говоря о святыхъ, по воскресеніи восхищаемыхъ на небеса, присовокупилъ: *идъже трунъ, тамо соберутся орли* (Матѳ. 24, 28.).

Посему изъ сказаннаго явствуетъ, что Творецъ и пчеламъ и всѣмъ другимъ безсловеснымъ далъ и удѣлилъ нѣкоторыя преимущества ради насъ, чтобы мы отсюда извлекали пользу. Такъ, на примѣръ, отъ пчелъ приобретаемъ и другую выгоду. Отъ нихъ научаемся не величаться изобрѣтеніемъ наукъ и искусствъ, не высоко о себѣ думать и не забывать естества своего, но познавать Творца, и къ Нему возводить причины благъ. А чтобы не смущаться и не огорчаться намъ тѣмъ, будто бы безсловесныя — сообщники наши въ искусствѣ, и ни чѣмъ отъ нихъ не отличаемся, Творецъ намъ отдалъ плодъ трудолюбія въ медодѣланіи, чтобы вмѣстѣ и общеніемъ въ искусствѣ смирить горделивую нашу волю, и утѣшивъ порабощеніемъ намъ сихъ сообщниковъ, устранить огорчающее насъ. Посему, о чемъ скорбишь, человекъ, видя пчелъ любителями искусства? Трудъ — ихъ, а плодъ — твой; онъ трудятся, а ты наслаждаешься тѣмъ, что произведено ихъ трудомъ.

И науку Творецъ далъ это врожденное искусство, прясъ тонкія и невидимыя нити, чтобы тебя научить, какъ должно ловить разные роды птицъ. Паукъ плететъ сѣти, не разумомъ научаемый искусству, но имѣя учителемъ природу; а ты, поелику есть у тебя разумъ, и видишь представляемый образецъ, измыслилъ тысячи родовъ сѣтей. И это самое малое животное тѣмъ, что, не имѣя разума,

указало тебѣ пользу представляемаго имъ образца, возбраняетъ тебѣ предаваться кичливости и высокомерію: а разнообразіе твоихъ сѣтей опять утѣшаетъ тебя; ибо образецъ одинъ, а подражаній—тысячи. Для птицъ устроишь ты что-то похожее на облако и воздухъ, и утвердивъ это въ мѣстахъ тѣнистыхъ, сходствомъ сѣтей съ воздухомъ обманываешь чувства птицъ; въ содѣйственники же при уловленіи берешь страхъ, возбуждаемый преслѣдованіемъ. Ловимыя птицы, когда ихъ испугнуть и со всехъ сторонъ сгонять къ сѣтямъ, болѣе преслѣдующихъ, не въ состояніи бываютъ ясно рассмотретьъ, что у нихъ впереди, потому, налетѣвъ на невидимо растянутыя сѣти, запутываются въ ихъ петляхъ. Такія сѣти вынаи въ воздухъ, ловишь ты ими птицъ. Но для той же ловли сихъ животныхъ придуманы у тебя и другія, болѣе твердыя, сѣти, которыя распростираешь по землѣ, вырывъ яму, наполняешь ее водою, сажаешь у сѣтей ручныхъ птицъ, чтобы видомъ и голосомъ пригласивать однородныхъ съ ними, потомъ, когда другія, увидя воду и слыша голосъ видимой ими птицы, слетаются къ ней, при помощи особеннаго искусства дѣлаешь, что онѣ остаются подъ сѣтями. Иное опять устройство изобрѣтено у тебя для ловли четвероногихъ; силки, путы и капканы уловляютъ оленей, а тенета—кабановъ, серпъ и зайцевъ; ямы же и подобныя тому устройства служатъ для ловли самыхъ дикихъ звѣрей. Но не достаточно было въ добычу тебѣ птицъ и скотовъ, отважился уже ты на уловленіе и животныхъ морскихъ, устроишь верши,

петли, съти, невода и все тому подобное, преслѣдуешь роды плавающихъ, и что сокрыто подъ водою, искусствомъ своимъ извлекаешь на воздухъ, ловишь питомцевъ водъ, и самъ, живя на сушѣ, привлекаешь къ себѣ тѣхъ, кому мѣстомъ жительства служить водная глубина; къ твоему наслажденію готовы тысячи породъ рыбъ, и ты пользуешься ими съ помощію рыболовнаго искусства.

Поэтому не огорчайся, смотря на паука, прядущаго тонкія нити; и отъ него получаешь ты пользу, учишься не высоко о себѣ думать, но пѣснословить общаго Создателя. Но также и утѣшаешься видя, что добыча паука — комары, мухи и подобныя имъ животныя, а ты своею мудростію превозмогаешь быстролетныхъ птицъ своими орудіями принуждаешь уступать тебѣ побѣду животныхъ плавающихъ и живущихъ подъ водою, и породы тварей, живущихъ на сушѣ, покорствуютъ твоимъ законамъ.

Потому, не огорчайся, что лишенъ ты крыльевъ; ибо въ удѣлъ свой пріямъ мудрость, которая подручными тебѣ дѣлаетъ пернатыхъ: у тебя есть умъ, который быстротечнѣе всякой птицы, лучше же сказать, самага вѣтра: куда ни обратишь свое мановеніе, немедленно бываетъ онъ тамъ: хотя заключенъ въ тѣлѣ, привязанъ къ землѣ, однако же обтекаетъ небо, простирается далѣе небесныхъ красотъ и самага неба, представляетъ что надъ нимъ, обходитъ вселенную, посѣщаетъ тысячи народовъ, бесѣдуетъ съ друзьями, живущими вдали. Почему же лишеніе видимыхъ крыльевъ сокрушаетъ и печалитъ тебя, владыющаго такими мыс-

ленными крылами, съ которыми ты удобно пренобъждаешь пернатыхъ.

Не окриленное у тебя тѣло, но мудростію уловляешь ты птицъ, носящихся по воздуху. При ея содѣйствіи вола, вооруженнаго крѣпостію силъ и рогами, ведешь подъ ярмо, принуждаешь работать, подвергаешь непрестаннымъ трудамъ, заставляешь пахать пшву, влачить возъ, переносить тяжести, которыя не по силамъ другимъ вычнымъ скотамъ, перевозить вещества, нужныя для постройки домовъ. Прикажешь, и идетъ онъ подъ ярмо, терпѣливо несетъ это иго, забываетъ о пользѣ роговъ, боится твоего голоса, не знаетъ различія въ крѣпости силъ, но терпитъ порабощеніе существу гораздо слабѣйшему. Столько-то разумъ лучше тѣлесной силы. Онъ и ослу, и мску, и верблюду повелѣваетъ нести тяжесть, и каждое изъ поименованныхъ животныхъ преклоняется къ землѣ по сему приказу, обремененное ношами встаетъ, какъ скоро прикажутъ, утомленное длинными путешествіями терпитъ тѣхъ, которые доводятъ его до страданія, покорствуешь тѣмъ, которые обременяютъ его, принимаетъ подаваемый ему кормъ, но томимое голодомъ не вопіетъ на владыющихъ имъ; потому что закону рабства научилось у самой природы; поэтому, самыхъ сильныхъ животныхъ приводитъ въ страхъ одинъ голосъ некущагося о нихъ.

А ты презираешь Владыку всей твари, и въ образъ животныхъ находя для себя побужденіе служить на пользу, не хочешь подчиниться Господу и умолять Его, и не несешь на себѣ благочинно

бремень добродѣтели ; когда ихъ возложимъ на тебя Владыка. Но скачешь , ведешь себя самовольно, избѣгаешь сего ига, какъ не извѣдавшій ярма телець, не терпишь узды, но рвешь ее, бѣжишь и несешься по стремнинамъ , свергаешь съ себя природою даннаго тебѣ браздодержца.

Напротивъ того тѣ, которые возлюбили сіе благое рабство, уязвлены пламенною и неустрашимою любовію къ Владыкѣ, великую пользу извлекли для себя и изъ примѣра безсловесныхъ. По этому и въ псалмахъ всѣ они устами одного зываютъ: *скотенъ быхъ у Тебе, и азъ выну съ Тобою* (Псал. 72, 22. 23.); то есть, за Тобою слѣдую, подобно ведомому скоту, не допытываясь, на какому ведешь пути, не любопытствуя о томъ, кратокъ ли, длиненъ ли, труденъ ли онъ, не огорчаюсь ни его тѣснотою, ни его крутизною, ни его опасностью ; потому что увѣрилъ себя, что Ты благъ, и ко благу путеводишь мною. По этому, во всемъ прочемъ и любовѣдущъ и разуменъ я, знаю, какъ разсудить, о чемъ должно, и ясно вижу, какъ избѣгать скорбнаго, а когда ведешь Ты, я отказываюсь отъ разсудка, подражаю благопокорности скота, разумный предъ другими, *скотенъ бываю у Тебе*. Потому не отлучаюсь отъ твоего сопребыванія, но *выну азъ съ Тобою*. Поелику по Твоимъ слѣдую стопамъ , то покоряюсь уздѣ, даю себя вести, куда ни поведешь, заставляешь ли идти меня путемъ гладкимъ, или шероховатымъ, узкимъ, или широкимъ: потому что полагаюсь на Твою премудрость, вѣрю Твоей бла-

гости ; знаю, что дѣйствительно прекрасно и благо то, что Тебѣ угодно.

Умѣющіе пріобрѣтать такую пользу получаютъ ее отъ природы безсловесной. Поэтому и ты, видя, что покорны тебѣ роды безсловесныхъ, покорствуй Тому, Кто ихъ содѣлалъ тебѣ рабами. Онъ подчинилъ тебѣ стада коней ; и взявъ горделиваго коня, неумѣющаго носить на себѣ всадника, преобразуешь его своимъ искусствомъ, отучаешь отъ дерзости, смиряешь до того, что перестаетъ бить задними ногами, поднявшаго вверхъ выно сгибаешь въ кольцо, заставляешь поникнуть лицомъ въ землю, научаешь ходить мѣрною поступью, чинно переставлять копыта, и бѣжать скоро, когда это нужно, дикаго дѣлаешь ручнымъ, доводишь до такой покорности, что слушается твоего голоса и твоей руки, тершитъ отъ тебя удары бичемъ, хотя много превосходитъ тебя и силою, и проворствомъ, сносить твои угрозы, боится тебя, и тѣмъ, что дѣлаетъ, признаетъ свое рабство. Когда ты на охотѣ, съ тобою охотится и онъ ; и когда воюешь, съ тобою подвизается, стремительно наступаетъ на противниковъ ; а если пожелаешь бѣжать, отважность свою перемѣняетъ въ робость, обращивается назадъ, бѣжить, несясь съ быстротою, избавляетъ тебя отъ преслѣдующихъ ; не оказываетъ непослушанія, когда велишь ему идти прямо въ лице непріятельской дружинѣ, не противорѣчитъ, когда прикажешь обратиться въ бѣгство ; одинъ законъ спасенія извѣстенъ ему, — это приказъ всадника.

И что говорю о конѣ, ослѣ, верблюдѣ ? Тебѣ

желаетъ повиноваться и величайшее изъ животныхъ земныхъ—слонъ, который можетъ хоботомъ и самыя великія деревья вырывать съ корнемъ. Не разсуждаетъ о крѣпости, не думаетъ о силѣ, не смотритъ на огромность тѣла тотъ, кто величиною уподобляется инымъ холмамъ, но терпитъ твое владычество ; и ты (разумью весь твой родъ), сидя, даешь приказъ, а онъ дѣлаетъ , что вѣлно. Если получить отъ зрителей плату за зрѣлище, тебѣ подаетъ ее хоботомъ, какъ горстью. Идешь ты на войну, и онъ ратоборствуетъ вмѣстѣ съ тобою, и когда вступаешь въ битву, онъ принимаетъ на хребетъ свой многихъ стрѣльцевъ, съ него, какъ съ башни какой, мещутъ стрѣлы въ противниковъ ; и наступая на дружину непріятелей, приводитъ онъ въ страхъ, легко разрываетъ ихъ ряды, разсѣваетъ ратниковъ.

По этому не огорчайся, что малое имѣешь тѣло; но смотри, сколько животныхъ согласны служить ему, и съ усердіемъ пѣснословъ Подчинившаго ихъ тебѣ, и за это самое исповѣдуй благодареніе Творцу. Ибо, промышляя о душевномъ твоёмъ спасеніи, не обложилъ тебя слишкомъ великимъ тѣломъ, чтобы , преимуществуя тѣмъ и другимъ, и душою и тѣломъ, не впасть тебѣ въ діавольское высокомеріе. Если и при маломъ своемъ тѣлѣ, бѣснуешься и неистовствуешь противъ Сотворшаго ; то чего не сдѣлалъ бы ты, получивъ и тѣлесное величіе ? Теперь же, какъ малость тѣла учитъ тебя быть цѣломудреннымъ и познавать Творца, такъ даръ разума вознаграждаетъ за тѣлесную малость.

Посредствомъ разума правяшь ты естественномъ безсловесныхъ, употребляешь ихъ въ дѣло, водишь стада овецъ, козъ, свиней, табуны коней, пасущихся въ степяхъ, и носящихъ выюки верблюдовъ, смѣшанную породу птицъ и мсковъ. Одни изъ сихъ безсловесныхъ служатъ тебѣ въ пищу, дѣлаютъ трапезу твою многоцѣнною, доставляютъ тебѣ всякаго рода наслажденія, идутъ въ составъ различныхъ для тебя снѣдей: другія привозятъ тебѣ хлѣбъ и дрова, переносятъ потребное для иныхъ нуждъ. Псы, то ходятъ съ тобою на ловитву, то пасутъ вмѣстѣ стада, то служатъ стражами при домѣ. Пастухи, полагаясь на ихъ бдительность, вкушаютъ сонъ; при ихъ содѣйствіи не многіе могутъ пасти множество овецъ; потому что псы готовы ввергаться въ опасность не только за господь, но и за овецъ; защищаютъ пастуховъ, усердно ведутъ брань съ волками, и уязвленные никакъ не предаются постыдному бѣгству, но лаемъ призываютъ на помощь пастуховъ. И это дѣлаетъ песъ, не имѣя учителемъ разума, но отличаясь какимъ-то естественнымъ преимуществомъ. По приказанію ловчаго слѣдитъ онъ добычу, различаетъ запахи, и по нимъ, какъ по нѣкимъ слѣдамъ, идя неуклонно, не останавливается, пока не отыщетъ добычу. Отыскавъ же и держа зубами и цогтями, не ѣстъ самъ добычи, но хранитъ ее въ цѣлости пославшему, и хотя поработченъ неразумію, однако же признаетъ господство, и никакъ не осмѣливается вступить въ раздѣлъ лова съ господиномъ. Если же отыщетъ звѣря, который больше его, и превышаетъ собственныя его силы,

напримѣръ, кабанъ, или медвѣдя, или что-либо подобное, то бережетъ себя отъ пораженія клыками, но борется мужественно; и дѣлая частыя нападенія сзади, пытается съ безопасностію для себя задержать добычу, и усиленною борьбою не даетъ ей спастись бѣгствомъ; потому что, частыми нападеніями принуждая звѣря часто оборачиваться назадъ, дѣлаетъ, что остается онъ на одномъ мѣстѣ, пока не подойдетъ ловець. А онъ, какъ скоро приходитъ при содѣйствіи искусственныхъ оружій, весьма легко и безъ труда овладѣваетъ добычею.

И напрасно кто-либо изъ скорыхъ на возраженія будетъ мнѣ выставлять здѣсь на видъ бѣшеныхъ псовъ, бьющихъ задними ногами ословъ, кусающихся верблюдовъ, бодающихся воловъ. Изъ большаго числа въ немногихъ только бываютъ сіи недостатки, — и это крайне необходимо; изъ сего познаешь, что природа безсловесныхъ подчиняется тебѣ не сама собою, но покорствуя маноушеніямъ Творца: сіе подтверждаютъ животныя, мятежно востающія противъ твоего владычества — кусающійся верблюдъ и бодающій волъ и все тому подобное; потому что и все такимъ же образомъ вышло бы изъ подъ твоего владычества, если бы не возбранялъ божественный законъ; такъ что, безчиніе безсловесныхъ для тебя дѣлается урокомъ благочинія, ихъ скаканія прекращаютъ твои необузданныя движенія, подвергаясь ихъ своеволю, научась самъ не быть своевольнымъ, но признавать Владыку. Для сего-то Творецъ создалъ и дикихъ звѣрей и роды пресмыкающихся, чтобы

твою опрометчивость и дерзость обучить добродетели, и страхомъ звѣрей привести тебя въ необходимость искать Божіей помощи; потому что наложенный на тебя страхъ звѣрей, непрестанно тебя поражая и уязвляя, возбуждаетъ къ молитвѣ, и заставляетъ призывать въ защиту Помощника. А поелику нужда повелѣваетъ тебѣ просить помощи; то стараешься угождать Тому, Кто можетъ оказать тебѣ помощь, и Его бываешь принужденъ неотступно умолять о томъ, чтобы избѣжать тебѣ вреда отъ злоумышляющихъ; возводишь очи на небо; ищешь Попечителя, желая освободиться отъ оскорбителей. И страхъ сей дѣлается для тебя руководителемъ къ Богу.

Но чтобы, непрестанно подвергаясь страху сему, не проводить тебѣ горестной жизни, Богъ поселилъ звѣрей вдали отъ тебя. И породу животныхъ ядовитыхъ сокрылъ въ какихъ-то норахъ, мѣстомъ ихъ жительства содѣлавъ подземелья, не дозволивъ имъ небоязненно приближаться къ человеку, повелѣвъ же всегда скрываться, а въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ показываться, давъ законъ; и показываясь избѣгать взора людей, какъ бы нѣкихъ властителей, не многимъ же и весьма рѣдко причинять вредъ, впрочемъ не начинать съ ними битвы, а только защищаться; ибо иначе мы не стали бы и бояться ихъ, если бы родъ нашъ не испытывалъ отъ нихъ вреда. Да и родамъ четвероногихъ звѣрей Попечитель вселепной повелѣлъ жить въ непроходимыхъ лѣсахъ, на утесахъ, въ мѣстахъ, наполненныхъ пещерами, и гдѣ совершенно нѣтъ людей, а для снисканія пищи опредѣлилъ имъ

ночь. Ибо сказано: положилъ еси тму, и бысть ношь: въ ней же пройдутъ вси звѣрїе дубравнїи: скимни рыкающїи восхитити, и взыскати отъ Бога пищу себѣ. Возсія солнце, и собрашася, и въ ложахъ своихъ лягутъ. Изыдетъ человекъ на дѣло свое и на дѣланїе свое до вечера (Псал. 103, 20—23.). Потомъ, удивившись Божїю домо-стронтельству, Пророкъ взываетъ: яко возвеличишася дѣла Твоя Господи; вся премудростїю сотворилъ еси (24.).

А что по вторженїи грѣха и безсловесные отреклись признавать надъ собою владычество человека, прежде же подчинялись ему, и признавали свое рабство, о семъ свидѣтельствуеть родоначальникъ Адамъ, давшїй всѣмъ имъ наименованїя, не боявшїйся, не убѣгавшїй ихъ, и не терпѣвшїй отъ нихъ никакого вреда. Свидѣтельствуеть о семъ и второй родоначальникъ людей, искра всего рода, блаженный Ной, которїй въ ковчегъ былъ пастыремъ не кроткихъ только, но и самыхъ свирѣпыхъ животныхъ, и въ продолженїе цѣлаго года тѣхъ и другихъ пасъ вмѣстѣ, и заставляя плотоядныхъ питаться травою: свидѣтельствуеть и число животныхъ чистыхъ сохранившееся въ ковчегъ цѣлымъ и неприкосновеннымъ. Свидѣтельствуеть такъ же и великїй Данїилъ, отданный въ пищу львамъ, но поразившїй ихъ молнїею добродѣтели и крайне устранившїй чертами Божїя образа. По велику они видѣли, что въ образъ весьма яснымъ сохранилось подобїе Прообразу; то признали свое рабство, отложили звѣрство, и какъ бы предположили, что видятъ того Адама, которїй до грѣха

далъ имъ имена. Такъ, когда блаженный Павелъ, чтобы поддержать огонь въ костръ, принесъ связку дровъ, и съ помощію огня умѣрилъ холодъ воздуха, скрывавшаяся въ дровахъ эхидна бѣжала отъ огня, какъ отъ пагубнаго для нея, коснулась же руки Апостоловой, какъ бы отмщая за то, что могла она потерпѣть въ огонь. Но нашедши не слабость и уступчивость грѣха, а твердое и несокрушимое оружіе добродѣтели, отскочила немедленно, подобно какой-либо стрѣль, пущенной въ твердое тѣло и обращающейся назадъ къ пустившему ее, удаллась же подъ горящій костеръ, какъ бы подвергая себя наказанію за дерзость, что поступила гнѣвно съ рукою своею владыки.

Поэтому роды звѣрей подобны бичамъ, жезламъ и наказаніямъ пѣстуна; для тѣхъ, которые достигли уже совершенства и вышли изъ дѣтскаго возраста, они крайне не страшны, а для младенцевъ по образу мыслей весьма необходимы и полезны. И какъ, по словамъ божественнаго Апостола, *праведнику законъ не лежитъ, но беззаконнымъ и непокорнымъ, нечестивымъ же и грѣшникомъ, неправеднымъ и сквернымъ* (1 Тим. 1, 9.), отцеубійцамъ и подобнымъ сему; такъ и звѣри служатъ для людей, какъ бы нѣкоторымъ наказаніемъ, ужасая и устрашая удобопреклонныхъ ко грѣху, а питомцами добродѣтели пренебрегаются, подобно чему-то дѣтскому.

Поэтому, и въ этомъ находя Божію попечительность, и дознавъ всяческое Божіе промышленіе, перестань другъ, клеветать, и воздай Благодарителю пѣснопѣніями. Ибо не явная ли несообразность—

хвалить учителя грамматики, который при времени наказываетъ дѣтей жезломъ, изгоняетъ лѣность бичемъ, влагаетъ твердое памятованіе буквъ, также свидѣтельствовать благодарность врачу, не только когда предлагаетъ больному пищу и пиіе, но и когда рѣжетъ, прижигаетъ, ведетъ борьбу съ болѣзнію, не даетъ ей идти впередъ, — хулишь же Бога, который съ высшею премудростію и великою попечительностію промышляетъ о душахъ, и подаваніемъ благъ и страхомъ наказаній обучаетъ начаткамъ добродѣтели, съ корнемъ исторгаетъ болѣзнь порока, и приводитъ душу въ полное здравіе. *Посему, удержи языкъ твой отъ зла, и устынь твои, еже не глаголати хулы. Уклонися отъ зла, и сотвори благо (Пс. 33, 14, 15.).* Примѣчай попеченіе о тебѣ, и воспой Промыслителя, чтобы, видя тебя благопризнательнымъ за милости, и нынѣ *осыпалъ тебя благодѣяніями, и сподобилъ обѣтованныхъ благъ, которыя да улучимъ и мы о Христвъ Іисувъ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ ! Аминь.

С Л О В О 6.

О ТОМЪ , ЧТО БОГАТСТВО И БѢДНОСТЬ ПОЛЕЗНЫ ДЛЯ
ЭТОЙ ЖИЗНИ.

Неоднократно съ Пророкомъ говорилъ уже я *беззаконнующимъ, не беззаконните: и согрѣшающимъ, не возносите рога, не воздвизайте на высоту рога вашего, и не глаголите на Бога неправду* (Псал. 74, 5. 6.), утверждая, будто бы созданную Имъ тварь оставилъ Онъ безъ управленія. Но крайне непризнательныхъ не убѣждаютъ ни небеса, по слову Пророка, повѣдающія славу Божію (Псал. 18, 1.), ни солнце, яко женихъ исходящее отъ чертога своего (6.) и до краевъ вселенной достигающее и свѣтомъ и теплотою; ни луна измѣняющаяся, устроющая мѣры времени, ни звѣзды восходящія и заходящія, указующія путь мореплавателямъ, возбуждающія земледѣльцевъ къ жатвѣ и посѣву; ни преемство годовыхъ временъ, ни повороты солнца, ни благовременныя и соразмѣрныя порожденія облаковъ, ни согласіе суши и моря, ни потоки рѣкъ, ни измѣнѣнія источниковъ, ни обиліе плодовъ, ни разнообразіе и польза жпвотныхъ, ни устройство тѣла, приличное существу разумному, ни безсмертіе души и мудрость, управляющая тѣломъ, ни множество всякаго рода искусствъ, доставляющихъ не только, что необходимо, но даже что и сверхъ потребности, —

ни все прочее, что Великодаровитый ежедневно даруетъ естеству человеческому. Но и всѣмъ этимъ пользуясь, предаются они неистовству и безумству, великое о всѣмъ попеченіе называютъ нерадѣніемъ, выставляютъ намъ на среду богатство и бѣдность, жалуется на недостатокъ однообразія въ жизни. Посему, въ помощники слова пріявь Того, Кто премудро правитъ ладіею вселенной, противостанемъ симъ нападеніямъ, рѣшимъ возраженіе, и покажемъ, что соплетаемая ими жалоба — тоже, что и ткань наука.

Говорятъ: почему люди самые порочные богатыютъ, отсюда текутъ къ нимъ тысячи благъ, попутнымъ водясь вѣтромъ, проходятъ они жизненный путь, и въ напутствіе неправды пріемлютъ потоки богатства; потому что изобиліе питаетъ въ нихъ пламень любостыжательности, и порокъ, пріявь въ содѣйственники богатство, воспаляетъ величайшій пожаръ, и къ хотѣнію присоединяемая сила дѣлаетъ зло невыносимымъ. А рачители добродѣтели живутъ въ бѣдности, подавлены бѣдствіями, терпятъ недостатокъ въ самомъ необходимомъ, изнурены, не омыты, поникли взоромъ въ землю, поруганы, осмѣяны, терпятъ тысячи всякихъ скорбей?

Посему, прежде всего спросимъ ихъ: въ чемъ поставляютъ они верхъ благополучія. И если скажутъ: въ богатствѣ, немедленно изобличимъ ихъ ложь. Ибо какъ быть зиждителемъ благополучія тому, что, по словамъ ихъ, служитъ содѣйственникомъ неправды? Если живущіе порочно, по причинѣ богатства, поднимаютъ вверхъ брови, надмѣ-

ваются, носясь на коняхъ и колесницахъ, въ волненіе приводятъ торжище, столько презирая другихъ, сколько сами достойны презрѣнія, причиняютъ обиды, преданы любостыжательности, присволяютъ себѣ чужое, желаютъ имъ не принадлежащаго, отнимаютъ собственность у ближняго, наслаждаются чужими благами, наживаются несчастьями бѣдныхъ, и все это дѣлаютъ, пользуясь содѣйствіемъ силы богатства: то будетъ ли богатство верхомъ благополучія, основою счастія? Если же превосходнѣйшимъ изъ благъ назовутъ добродѣтель, и скажутъ, что пламенный любитель добродѣтели и рачительный ея дѣлатель находится на самой вершинѣ благъ; то для чего же обращаютъ взоръ на богатство, и обогащающихся называютъ достойными соревнованія? Обиліе денегъ и преизбыточество преспѣваній въ добродѣтели прямо между собою противоположны.

Пріявъ же въ помощники свѣтъ истины, и произведя общее изысканіе, изслѣдуемъ, сколько видовъ добродѣтели, и какъ удобно для человѣка пріобрѣтеніе оныхъ. Къ добродѣтели причисляемъ, конечно, благоразуміе, цѣломудріе, мужество, справедливость, и всѣ части любомудрія, отъ нихъ происходящія и въ нихъ заключающіяся. Посему изслѣдуемъ, что означаетъ каждое изъ сказанныхъ именованій, каковы его смыслъ, или истолкованіе, или сила. Благоразуміе, конечно, есть бодрствованіе разумной въ насъ силы, какъ безуміе и неразуміе, безъ сомнѣнія, есть опьяненіе этой силы, производимое страстями, и оно, подобно пѣкюему облаку, находитъ, сгущается, омрачаетъ, и не

дозволяеть разуму усматривать, что должно ; почему здоровое состояніе разумной силы именуется благоразуміемъ. Но и цѣломудріемъ называемъ также свободу отъ страстей. Когда разумная сила приобрѣла здоровый и правильный образъ мыслей, — тогда страсти ослабѣваютъ, опадаютъ, разсѣваются, воспламененіе ихъ прекращается, и браздодержецъ — умъ несется чинно на коняхъ. Почему благочиніе страстей и здоровіе браздодержца именуемъ цѣломудріемъ. Мужествомъ же называемъ справедливое движеніе раздражительной силы, равно какъ дерзостию — движеніе несправедливое и беспорядочное. И справедностию называемъ правдивое владычество души и соразмѣрность подвластныхъ ей страстей ; потому что приведеніе въ стройность силъ вождельвательной и раздражительной съ силою разумною и ихъ взаимное сраствореніе способствуетъ намъ къ приобрѣтенію справедливости.

Итакъ, поелику дознали мы, сколько частей добродѣтели, и каковы значеніе и сила каждой ; то рассмотримъ еще, какъ желающему можно преуспѣвать въ нихъ, употребивъ ли содѣйственникомъ богатство, или въ помощь къ приобрѣтенію принявъ бѣдность ? По богатство при множествѣ мятежей, при заботахъ всякаго рода, при тысячахъ разныхъ тревоженій, служить навѣтникомъ, а не помощникомъ добродѣтели. Ибо какъ преуспѣвать въ цѣломудріи тому, кто непрестанно служитъ чреву, преданъ пиршествамъ, готовитъ угощенія, озабоченъ устройеніемъ ложъ и столовъ, у кого не выходятъ изъ ума хлѣбники, повара,

пирожники, благовои́е ви́нъ, ста́каны, чаши, всякаго рода сосуды и разные припасы. Кто съ жадностию пьетъ неразтворенное вино, сверхъ мѣры обременяетъ чрево; угашаетъ въ себѣ послѣднюю искру разумной силы, даетъ всегда новую пищу пламени страстей; какъ можно болѣе разжигаетъ въ себѣ непотребное сластолюбіе, до высшей степени возбуждаетъ свою раздражительность на прислуживающихъ, властителя страстей дѣлаетъ рабомъ ихъ, владыку обращаетъ въ служителя чреву, пріавшаго отъ Творца право господства надъ жизнью низводитъ въ невольники вождельшія, князя отдаетъ въ плѣнь подданнымъ, дѣлаетъ, что браздодержца кони влекутъ по земль, что кормчій не держится уже за кормило, не править всею ладіею, но предаетъ ее тревоженіямъ страстей, заливающимъ и затопляющимъ ладію? Такой чловѣкъ, конечно, не только лишенъ благоразумія, но даже преданъ всякому непотребству; не только не имѣетъ мужества, но сталъ уже невольникомъ враждебныхъ страстей. О справедливости же должно ли и говорить что, когда сами противники согласны въ томъ, что желающій большаго и большаго стяжанія не хочетъ и знать различія между правдою и неправдою; а напротивъ того у такихъ все безпорядочно, неопредѣленно, безразлично?

Посему и тѣмъ, которые до крайности любятъ спорить, не трудно дознать изъ сказаннаго, что употребляющимъ въ содѣйственники богатство не легко преуспѣвать въ добродѣтели. А что бѣдность содѣйствуетъ любомудрію, и безъ нея чело-

вѣку невозможно преуспѣвать въ совершеннѣйшей добродѣтели, сіе познаемъ немедленно. Во первыхъ недостатокъ въ необходимомъ принуждаетъ страсти подчиняться разумной силѣ, не дозволяетъ имъ воспламениться и разбивать браздодержца, какъ бываетъ это у роскошныхъ и чревоугодниковъ. А потому душа, избавленная отъ излишнихъ бремень, свободная отъ внѣшнихъ мятежей, наслаждающаяся всякимъ безмолвіемъ и тишиною, углубленная сама въ себя, усматриваетъ собственное свое достоинство, познаетъ и рабство подвластныхъ ей страстей, и пользуясь правомъ владычества, подвластнымъ ей предписываетъ благочиніе, а безпорядокъ того или другаго изъ нихъ наказываетъ чрезъ нихъ же самихъ: то пламеняющей раздражительности противопоставляетъ вождельніе, и уступчивостію послѣдняго ослабляетъ стремительность перваго; то сію же распорядительность въ наказаніи обращаетъ на вождельніе, и бичемъ раздражительности сокращаетъ его дальнѣйшее стремленіе. Разумной силѣ къ приведенію въ благочиніе страстей содѣйствуютъ также труды. Ибо нужда скудости возбуждаетъ къ трудолюбію, и недостатокъ необходимаго приводитъ къ трудамъ, а обременительность трудовъ, ослабляя страсти, не дозволяетъ имъ воспламениться, истощая то, что питаютъ ихъ.

Почему же косишь въ неблагодарности, видя сочетаніе нищеты съ праведными, и оуждаешь сіе орудіе добродѣтели, поступая подобно тому, кто хвалитъ въ домѣ сѣдалища, скамьи, ложе, двери и красоту зданій, смѣется же падъ орудіями до-

мостроиителя и плотника, нарицаетъ топоръ, буравъ и все прочее, чѣмъ дѣлается каждая вещь въ домъ? А о томъ, что преуспѣвать въ добродѣтели гораздо удобнѣе при бѣдности, нежели при богатствѣ, свидѣлствуютъ сами питомцы нечестія; свидѣлствуютъ и у Еллиновъ бывшіе любителями мудрости, и единственнымъ наставникомъ имѣвшіе законъ естественный. Ибо всѣ они при нищеть преуспѣвали въ нравственной добродѣтели, и притомъ не слыхавъ еще Божіихъ словесъ, ясно взывающихъ: *иже не отречетъ всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ* (Лук. 14, 33.). Однако же имъ и естества достаточно было къ наученію; потому что Божіе слово не новые преподаетъ уроки, но напоминаетъ законы естественные, и тѣ самыя письма природы, которыя по нерадѣнію челоуѣковъ испортило время, Творецъ природы начертываетъ снова чрезъ Своихъ проповѣдниковъ. Посему, если и Сократъ, и Діогенъ и Анаксархъ, и подобные имъ, возлюбивъ пріобрѣтеніе нравственной добродѣтели, отвергли пріобрѣтеніе богатства, и нищету пріяли въ содѣйственники къ благому пріобрѣтенію;—и поступили такъ, будучи слѣпы для усмотрѣнія истины ученій, не ожидая царствія небеснаго, не зная въ точности дѣйствительнаго блага; то почему же ты, возлюбленный, обвиняешь нищету, при которой поприще добродѣтели протекается удобно, путь негладкій и трудный для совершающихъ оный дѣлается равнымъ и легкимъ?

И говоримъ это, не богатство осуждая, не зломъ врачау злю. Ибо, если богатство худо, то хула

падаетъ на Давшаго оное. Напротивъ того говоримъ, что богатство и бѣдность самимъ Творцемъ предлагаются людямъ, какъ нѣкія вещества, или орудія ; и люди, имѣя ихъ, какъ художники, могутъ, или изваять образъ добродѣтели, или слѣпить кумиръ порока. Но при богатствѣ едва кто и нѣсколько членовъ добродѣтели изваяетъ во всей красотѣ ; а при бѣдности многіе могутъ произвести цѣлый образъ. Поэтому, не будемъ осмѣивать бѣдность, сію мать добродѣтели, и охуждать богатство ; но станемъ обвинять не пользующихся имъ, какъ должно. И желѣзо дано людямъ, быть содѣйственникомъ при строеніи дома, въ земледѣліи, въ мореходствѣ, и помощникомъ въ другихъ искусствахъ, нужныхъ для жизни. Но съ непростовствомъ нападающіе другъ на друга не даютъ желѣзу служить только для необходимыхъ потребностей, а употребляютъ его на убіеніе другъ друга. Однако не желѣзо обвиняемъ за это, но осуждаемъ лукавство употребляющихъ его во зло. Такъ и употребленіе вина дано людямъ для веселія, а не на безуміе сердца ; но любящіе неумѣренность и предавшіеся пѣнству сего родителя веселія дѣлаютъ отцемъ безумія. И мы произносимъ справедливый приговоръ, употребляющихъ Божій даръ во зло называемъ винопійцами, пѣнцами, людьми дурными, а въ винѣ видимъ Богоданный даръ. Такъ будемъ судить и о богатствѣ и о пользующихся богатствомъ : первое освободимъ отъ обвиненія ; а послѣднихъ, если будутъ справедливыми его распорядителями, увѣнчаемъ великими похвалами ; а если, превративъ порядокъ, окажутся рабами бо-

гатства, исполняющими всякое его повелѣніе и услуживающими во всякомъ дурномъ дѣлѣ, то составимъ на нихъ приговоръ, обвиняющій въ худомъ поведеніи, потому что, поставленные властелинами, нарушили право владычества, и господство обмѣнили на рабство.

Но, можетъ быть, иной изъ умѣющихъ дѣлать возраженія только на сказанное хорошо спроситъ: почему Творецъ пріобрѣтеніе богатства даровалъ не всякому человѣку, но однимъ опредѣлилъ жить въ богатствѣ, а другимъ далъ въ удѣлъ бѣдность, и жизнь содѣлалъ исполненною великаго неоднобразія? Но и мы охотно спросимъ возражающаго: почему Создавшій тѣлесныя члены не всѣмъ имъ далъ одну и ту же дѣятельность, но глазамъ поручилъ различеніе цвѣтовъ и очертаній, слуху далъ способность знать различіе голосовъ и звуковъ, ноздрямъ—принимать въ себя испаренія и отличать зловонное отъ пріятнаго, языку — судить о качествахъ вкусовъ, знать различіе сладкаго, кислаго, прянаго, горькаго, жирнаго; ногамъ далъ силу ходить, рукамъ удѣлилъ силу производить всякаго рода работы; чрево содѣлалъ пріемникомъ пищи, печень — мѣстомъ ея очищенія, головной мозгъ — сокровищницею мозжечковъ, сердце — источникомъ теплоты; въ біющихся жилахъ заключилъ дыханіе, и кровеносныя жилы содѣлалъ проводниками крови, каждому члену далъ особую дѣятельность? Всѣ поименованныя члены, и тѣ, о которыхъ умолчано, служатъ къ совершенству единаго тѣла; впрочемъ каждому ввѣрено нѣчто особое, хотя служить онъ и дѣлу общему. Глазъ

служить путеводителемъ ногамъ, указываетъ, гдѣ гладко, и отвращаетъ отъ мѣстъ неровныхъ ; но его самого посятъ ноги. Ухо, принимая въ себя звуки, возбуждаетъ глазъ къ зрѣнію, и посредствомъ зрѣнія открываетъ причину, производящую звукъ. И сказанное нами да будетъ подтверждено апостольскимъ свидѣтельствомъ: *не можетъ око реши руцѣ, не требъ ми еси: или паки глава ногамъ, не требъ ми есте.* Но много паче, мнящіяся уди тѣла немощнѣйши быти, нужнѣйши суть: и ихъ же мнимъ безчестнѣйшихъ быти, симъ честь множайшую прилагаемъ (1 Кор. 12, 21—23.). И никто, если не совершенно растроенъ въ умѣ, никогда не огорчался, видя различную дѣятельность въ членахъ. Напротивъ того, всякій любитъ Творца, и удивляется Ему, что такъ премудро отличилъ каждый членъ, удѣлилъ каждому приличную потребность, частную пользу сдѣлалъ общемою ; потому что не одно зрѣніе наслаждается видимымъ, не одно ухо — слышимымъ, не одни уста—вкусомъ, не одинъ носъ — обоняніемъ, не однѣ ноги пользуются хожденіемъ, не однѣ руки — работою, не одно чрево наслаждается пищею, не одно сердце—теплотою, не одинъ головной мозгъ — чувствомъ: но каждый членъ имѣетъ свою особенную дѣятельность, доставляетъ же пользу цѣлому. Одинъ членъ все тѣло согрѣваетъ, другой все тѣло питаетъ ; иной же другую какую-либо дань приноситъ всему живому существу; и разнообразіе дѣятельности раздѣлено на всѣ члены тѣла, всѣ же пользуются другъ отъ друга, и достигается общая польза. Ухо не гнѣвается на то, что

не видитъ, глазъ не негодуетъ на то, что не слышитъ; но каждый членъ любитъ предѣлы естества, и отдаетъ ту подать, какую изъ начала приносить повельно ему.

Но ты крайне гнѣваешься, что не ко всякому чловѣку лиются отвсюду потоки богатства, не всѣ живутъ въ великолѣпныхъ домахъ, не всѣ украшаютъ тѣло отличіемъ должностныхъ и воинскихъ одеждъ, не всѣ ѣздятъ на коняхъ и мскахъ, не у всякаго есть множество предходящихъ и послѣдующихъ, и рой плугъ, готовыхъ на всякія услуги, не у всякаго позлащенные ложи, мягкая и нѣжная постеля, искусные повара, придуманныя удовольствія, отвсюду стекающіяся забавы, воспламеняющія сластолюбіе. И какъ чловѣку пріобрѣсти цѣломудріе, возбуждая противъ него столько враговъ, изгоняя его изъ всѣхъ составовъ души и тѣла? Какъ ему навикнуть благоразумію, столько бремени взгромоздивъ на разумную силу? И что говорить о цѣломудріи, справедливости, мужествѣ, благоразуміи, когда не терпятъ слышать даже ихъ именъ?

Да и какъ богатство можетъ быть пріобрѣтено всѣми, когда всѣ состоятъ въ одинаковомъ достоинствѣ? Какъ достанешь для себя необходимое, когда права всѣхъ равны, и у всѣхъ одинаково избытокъ достатокъ? Кто согласится служить, имѣя такое же во всемъ обиліе? Кто захочетъ стоять при очагѣ и готовить кушанье, если не принуждаетъ его скудость? Кто будетъ печь хлѣбы, или молоть жерновомъ пшеницу, рѣшетомъ отдѣлять отруби, мѣсить тѣсто, сажать въ печь,

терпѣть пылающій огонь? Кто рабочихъ воловъ поведетъ подъ ярмо, станетъ обрабатывать землю, и сжавъ, что выросло и созрѣло, передавать на гумно, отдѣлять отъ соломы; если бѣдность не понуждаетъ къ трудамъ? Кто займется обтесывашемъ камней, повезетъ ихъ на постройку домовъ, и искусно приладивъ одинъ къ другому, будетъ строить дома, если не нудитъ его скудость и не побуждаетъ къ работѣ? Кто возмется за кораблестроительное искусство, будетъ кормчимъ, станетъ промышленять торговлею, мореходствомъ? Кто будетъ ткачемъ, кожевникомъ, горшечникомъ, мѣдникомъ? Если бы все пріобрѣли равныя состоянія; это не позволяло бы служить другъ другу, но необходимо было бы одно изъ двухъ: или каждому человѣку со тщаніемъ заниматься по нуждѣ всякимъ искусствомъ, или всемъ вмѣстѣ гибнуть отъ недостатка вещей необходимыхъ. А что одному человѣку заниматься всеми искусствами невозможно, объ этомъ нѣтъ нужды и говорить, потому что свидѣтельствуемъ о семъ опытомъ. Если бы кто пожелалъ изучить вдругъ два искусства, то оба погубить, потому что одно будетъ вредить другому. Умъ его, дѣлясь между обоими, и не будучи въ состояніи обнять того и другаго, хотя изъ обоихъ схватываетъ нѣкоторыя части, но ни объ одномъ не получаетъ точнаго и совершеннаго свѣдѣнія. Почему оставалось бы всемъ потерпѣть конечную гибель, по причинѣ равно изобильнаго у всехъ достоянія, и со всеми случиться тому же, что бываетъ съ уничтожающими въ себѣ пресыщеніемъ удовольствіе при вку-

шенія пищи. Последніе частымъ употребленіемъ лакомыхъ яствъ ослабляютъ позывъ на пищу; а первые по привязанности къ имѣнію желаютъ сдѣлаться скудными въ самомъ необходимомъ, и погибель при богатствѣ предпочитаютъ жизни при бѣдности.

Но ихъ оставимъ въ ихъ безуміи, сами же и изъ сего докажемъ Божію попечительность, и дадимъ видѣть, что сей такъ называемый ими недостатокъ однообразія служитъ средствомъ къ жизни пріятной, и основаніемъ наилучшаго образа жизни. Ибо окажется, что Правитель всяческихъ и при этомъ имѣлъ въ виду равенство. Во первыхъ всѣмъ далъ Онъ землю, какъ общій помостъ, общее жилище, общую питательницу и мать, и общій гробъ, всѣмъ далъ единое начало происхожденія, сію прамать — персть, надъ всѣми распростеръ общій кровъ—небо; всѣмъ даровалъ солнце, луну и другія свѣтила, какъ общихъ нѣкихъ свѣтоносцевъ; посреди разнилъ воздухъ, и его предложивъ также всѣмъ, какъ общее нѣкое богатство; потому что богатые вдыхаютъ его больше бѣдныхъ; напротивъ того и бѣдность получаетъ здѣсь равную, или лучше сказать, большую долю, питомцы ея многочисленнѣе, и чувства ихъ крѣче, и свободны отъ излишнихъ бремени. Рѣки и источники для всѣхъ также изливаютъ общіе токи. И тѣла опять богатыхъ и бѣдныхъ создалъ Богъ также одинаковыми, лучше же сказать, и въ этомъ преимуществуютъ бѣдные; потому что тѣла ихъ здоровѣе. Скудость, по слову мудрѣйшаго изъ врачей, — мать здравія, труды и тѣлесныя упраж-

пенія, по слову того же учителя, — содѣйственники здравія. И дунни у богатыхъ и бѣдныхъ одного и того же естества. Для тѣхъ и другихъ одинъ образъ зачатія; одно основаніе происхожденія — супружество, и равно число мѣсяцевъ чревоношенія. Время не уважаетъ обилія имуществъ, и не соглашается, устыдятся богатства, прежде положенныхъ предѣловъ извести младенца на свѣтъ, или долѣе удержать его въ матерней утробѣ; по одинаково и у богатаго и у бѣднаго исходитъ младенецъ на свѣтъ; рожденіе того и другаго бываетъ въ бользняхъ; лучше же сказать, если вѣрять опыту, роды бѣдной легче, и бользней рожденія у ней меньше; потому что привычка къ трудамъ облегчаетъ для нея сіи бользни, почему врачи и живущимъ въ роскоши, во дни чревоношенія, предписываютъ необходимый трудъ. Поэтому богатая и бѣдная, хотя во чревѣ носятъ одинаково, однако же раждаютъ неодинаково; по гдѣ утѣшеніе богатства, тамъ большая трудность; а гдѣ скудость необходимаго, тамъ помогаетъ природа, утѣная легкостію; лучше же сказать, Самъ Творецъ естества такъ уравниваетъ сіи неравенства, и при трудности родовъ, происходящей отъ довольства во всемъ, подаетъ утѣшеніе во врачахъ и врачествахъ, а лишеной сего пособія, по причинѣ бѣдности, дѣлаетъ помощницею природу.

Видишь, каковы всѣы правдиваго Судін, и подвигни уста, восписать Ему хвалу. Смотри, и раждающіеся одинаково исходятъ на свѣтъ нагими. И младенецъ богатаго не облеченъ въ багряницу, и младенецъ бѣднаго раждается не въ рубищѣ; но

оба являются на свѣтъ пагими, чѣмъ Создатель провозвѣщаетъ ихъ равенство. Одинаково вдыхаютъ они воздухъ ; одинаково принадлежатъ къ сосцамъ , не инымъ молокомъ питается младенецъ бѣднаго, не иное предлагается младенцу богатаго ; но тотъ и другой въ равной мѣрѣ питаются одною и тою же пищею.

Не только же вшествіе въ жизнь и всѣхъ насъ одно и тоже, но и исшествіе одинаково. Всѣхъ насъ ожидаетъ одна смерть. Она не боится богатства, не страшится копьеносцевъ, не трепещетъ багряницы, ни во что вѣняетъ стѣны, и башни, и царскіе дворцы, проникаетъ внутрь брачнаго чертога, не милуетъ плачущаго, не оказываетъ жалости умоляющему, не подкупается дарами, не удерживается врачевнымъ искусствомъ, не дѣйствительными оказываетъ силы врачествъ, часто не позволяетъ сдѣлать распоряженіе, объявить преемника наслѣдству, но похищаетъ, увлекаетъ, разлучаетъ душу съ тѣломъ. Поэтому, общій имѣютъ конецъ и надмѣвающіеся богатствомъ, и живущіе въ бѣдности ; одинаково для нихъ и то, что по кончшъ и по преселеніи отсюда. Одинаково слѣдуетъ гнилость, разливается гной, зараждаются черви, величавое око угасаетъ и разлагается ; ненасытныя уста и пенстовый языкъ дѣлаются съдѣю червей, горделивая выя не только преклоняется, но и разрушается ; надменные ланиты не только опадаютъ, но и превращаются въ небольшое количество праха ; цвѣтъ лица увядаетъ, и исчезаетъ, пишущіе лукавство персты лежатъ рассыпанными безъ всякаго сочлененія. Такъ все это,

какъ нѣчто общее, предлежитъ и богатымъ и бѣднымъ.

Поэтому, остается сказать, что и бѣдность и богатство, которыя почитаешь ты собственностію, какъ, при помощи Божіей, покажетъ наше слово, суть общее достояніе; потому что избыткомъ богатыхъ одинаково пользуются и живущіе въ бѣдности. Поелику Создатель тѣхъ и другихъ и бѣдность обогатилъ искусствами всякаго рода, то ради оныхъ богатые приходятъ къ дверямъ бѣдныхъ, даютъ имъ деньги, заимствуются у нихъ необходимымъ на свои потребности; а по причинѣ богатства имѣя больше нужды, терпятъ они недостатокъ во всякой потребности. У однихъ покупаютъ хлѣбъ, у другихъ припасы: иные вымѣривъ по ногѣ шьютъ обувь, иные приготавливаютъ верхнія женскія и почетныя мужскія одежды, а иные — ковры, повязки, покрывала; кто строитъ дома, кто дѣлаетъ ложи и сѣдалища; кто доставляетъ разныхъ родовъ овощи, разнаго вида плоды, а кто — пшеницу, ячмень и прочія блага земледѣлія, безъ которыхъ невозможно прожить, хотя бы имѣлъ кто Крезово и Мидасово золото. А бѣдному довольно просянаго и чернаго хлѣба, достаточно и какой нибудь снѣди. Кого же, судя прямо и справедливо, назовешь скуднымъ, бѣднымъ, не имѣющимъ у себя необходимаго: того ли, кто имѣетъ нужду въ немногомъ, или того, кто пуждается весьма во многомъ? Того ли, у кого въ рукахъ всѣ средства жизни, или того, кто вѣрнѣе невѣрному золоту, котораго не держатъ печати и клейма, и которое, оставляя въ цѣлости двери и

запоры, уходить руками подкапывающихъ стѣпу? Искусства у бѣднаго не отниметъ никакой разбойникъ, а богатство, не разбойникъ только, но и ябедникъ отнимаетъ у владыющихъ имъ. Бѣдный сидитъ на торжищѣ, занимаясь кожевеннымъ дѣломъ, или чеканя золото и серебро, или готовя одежду и другое что необходимое. А гордящійся богатствомъ, стараясь подняться выше своей головы и разводи руками, въ сопровожденіи многихъ тѣлохранителей, приходитъ къ бѣдному. И одинъ, какъ и естественно, сидитъ, или разрывая кожу, или расколочивая серебро, или дѣлая что другое по ремеслу, которымъ занимается; а другой стоитъ, разговаривая съ нимъ, и присутвіемъ своимъ даетъ видѣть свою нужду.

Итакъ, почему же ты гнѣваешься, и обвиняешь бѣдность, когда видишь, что и богатство имѣетъ великую въ ней нужду, и обладающіе богатствомъ не могутъ безъ нея прожить? Подивись Тому, Кто такъ премудро распоряжается въ этомъ, однимъ даетъ деньги, другимъ искусства, и посредствомъ нужды приводитъ ихъ въ согласіе и пріязнь. Одни даютъ деньги, а другіе доставляютъ за это произведенія искусства. Бѣдность входитъ въ состояніе съ богатствомъ, и препобѣждаетъ его дарами. Что богатство признаетъ бесполезнымъ, то бѣдность, передѣлывая съ помощію искусства, обращаетъ въ необходимое, пригодное на всякую потребность.

А если кто захочетъ въ точности дознать; то и самую основу богатства собираетъ бѣдность же. Она добываетъ изъ рудниковъ золото, серебро,

мѣдь, желѣзо, изъ которыхъ составляется богатство. Да и у всякаго искусства заимствуется чѣмъ нибудь богатство; искусства же собственность бѣдности. Она, и самые металлы взявъ еще не имѣющими вида, даетъ имъ надлежащій видъ и образъ, приготовляетъ изъ нихъ перстни, серги, ожерелья, разныя утвари, блюда, стаканы, и все прочее, что надмѣваетъ ланиты богатыхъ.

Посему, если и богатство составляется съ помощію бѣдности, и бѣдность имѣетъ въ искусствахъ помощникомъ богатство; то почему ты это уравненіе обвиняешь въ неравенствѣ? Для чего пріязненное называешь враждебнымъ? Почему оуждаешь такой порядокъ вещей, при которомъ и бѣднымъ и богатымъ жизнь бываетъ пріятною; потому что ты и другіе, заимствуя другъ у друга нужное для нихъ, удовлетворяютъ своимъ потребностямъ?

Но скажешь, можетъ быть: почему же большая часть людей достаточныхъ живутъ неправдою? Почему не все чтутъ справедливость? Но и здѣсь отъемлешь свободу, и живое существо лишаешь той чести, какую пріяло оно отъ Сотворшаго. Сверхъ того, если бы Судія въ настоящей жизни удѣлялъ богатство однимъ праведникамъ, то дѣлателямъ грѣха дана была бы большая возможность къ оправданію. Они сказали бы, что говорилъ наставникъ ихъ противъ Іова: *оградилъ еси вѣншия и внутренняя дому ихъ вся: пшеницу и вино умножилъ имъ. Но послѣ руку Твою, и коснися всѣхъ, лже имутъ, аще не въ лице Тя благословятъ* (Іов. 1, 10. 11.). Сіе сказали бы живущіе порочно,

если бы одни читатели добродѣтели пріяли даръ богатства. Но поелику Творецъ предложилъ на среду бѣдность и богатство, употребляютъ же ихъ иные на пріобрѣтеніе добродѣтели, а иные въ поводъ ко грѣху; то ни богатымъ, ни бѣднымъ, живущимъ порочно, не остается предлога къ извиненію. Одни, хорошо и на добро распоряжаясь богатствомъ, и нуждающихся дѣлая участниками своего изобилія, служатъ достаточнымъ облеченіемъ для тѣхъ, которые пользуются богатствомъ несправедливо и корыстолюбиво. Другіе, сраствовавъ бѣдность съ лобомудріемъ, терпѣливо и мужественно переносятъ ея прираженія, и дѣлаются истинными обвинителями тѣхъ, которые въ бѣдности научились худымъ дѣламъ.

Разсмотри и иное домостройство Міроправителя, чтобы съ большею горячностію вознести Ему пѣснопѣніе. Поелику Творецъ видѣлъ, что у богатыхъ много прислуги, то въ удѣль бѣдности далъ здоровье. Одного носятъ на рукахъ, а другой ходитъ, не имѣя пужды въ чужихъ ногахъ. Одинъ желалъ бы имѣть здоровье бѣднаго, а другой съ сожалѣніемъ смотритъ на помощи богатаго. И въ болѣзняхъ, какъ видишь, у богатаго тысячи прислужниковъ, а онъ горько сътууетъ, не въ состояніи переносить припадка болѣзни, и во время зимы лежитъ онъ въ натопленномъ жарко домѣ, разметавшись на мягкой постели, окутавшись во множество теплыхъ одеждъ, имѣя вокругъ себя нѣсколько жаровень, чтобы преобороть холодъ, и тысячи врачебныхъ пособій, чтобы препобѣдить болѣзнь, слушаетъ утѣшительныя обѣщанія врачей

и предстоящихъ друзей, своими бесѣдами притупляющихъ жало страданій. Если же время лѣтнее, больного помѣщаютъ въ другомъ домѣ, открытомъ для наружнаго воздуха, и въ который свободно проходятъ вѣянія вѣтровъ; а если и онъ прекратится, слуги ухитряются опахалами производить вѣтеръ. Повсюду разставлены древесныя вѣтви на подобіе сада, и превращаютъ домъ въ рощу. Въ верхнихъ жпльяхъ устроятся водометы, чтобы журчаньемъ своимъ наводили они сонъ на вѣжди больного. И при столькихъ, отовсюду подаваемыхъ услугахъ, тѣмъ не менѣе онъ страдаетъ, сбрасывая съ себя одежду, мечась туда и сюда, движеніемъ рукъ давая знать, какой внутри его скрывается жаръ. А бѣдный имѣетъ одну малую хижину, и ту часто наемную; нный же не въ состояніи заплатить за наемъ, и домомъ служитъ ему торжпще, ложемъ — земля, постелью — куча сора. Нѣтъ при немъ ни врача, ни челоѣка, который бы выполнилъ приказанія врача, нѣтъ ни слуги, ни служанки; а иногда и жены помощницы. Но все замѣняетъ для него Божій Промыслъ, Онъ ослабляетъ мучительность страданій, смягчаетъ боль, безъ врачества утишаетъ жаръ горячки, предотвращаетъ вредъ и отъ стужи, и отъ зноя, и отъ сырости. Никто не учитъ его, какія свѣди питаютъ болѣзнь, и какія содѣйствуютъ выздоровленію; безъ разбору и различія онъ вѣстъ, что случится, и вредное дѣлается полезнымъ, глотокъ холодной воды оказывается врачествомъ, сухой хлѣбъ угашаетъ жаръ. Не имѣетъ онъ нужды въ слабительныхъ, даваемыхъ внутрь тѣмъ, или дру-

гимъ путемъ. Природа восполняетъ недостатокъ, и сама подаетъ больному помощь, какую доставилъ бы врачъ. И видимъ, что этотъ распростертый на землѣ легче переноситъ болѣзнь, нежели богатые, пользующіеся описанными выше прислугами.

Поэтому во всемъ, что ни совершается, усматривая Божию попечительность, не любопытствуй, какъ это совершается. А если и это хочешь сдѣлать, то въ содѣйственники своей любознательности прими благочестіе. Оно пусть управляетъ твоимъ шествіемъ, оно пусть путеводитъ тебя въ изслѣдованіи искомаго. Ему покорствуя, пользуйся всякимъ поводомъ къ пѣспопѣнію Сотворшаго. Подражай онымъ тремъ отрокамъ, которые, будучи ввержены въ печь, и неодушевленную тварь призвали къ участию въ славословіи, и мучителя, безжалостно ввергнувшаго ихъ въ печь, привлекли къ зрѣнію чуда, и симъ чудотвореніемъ принудили его поклониться Богу, противъ Котораго всталъ онъ. И печь не поядила ихъ подвигнуть языкъ на хулу; но, преданные пламени, нѣспопѣніями они почтили Благодѣтеля. А тебя ни печь, ни львы не понуждаютъ хулить; напротивъ того, наслаждаясь богоданными благами, не чувствуешь даровъ. Но если слушаешься меня, и языкъ украсишь благочестіемъ, то и тварь восхвалишь, и Творца прославишь, и повсюду присущему Его Промыслу поклонишься; потому что Ему слава и держава, нынѣ и всегда и во вѣки! Аминь.

С Л О В О 7.

О томъ, что рабство и господство полезны для настоящей жизни.

Творецъ всяческихъ не имѣеть пужды въ языкѣ человѣческомъ для благодарственныхъ Ему пѣснопѣній. И ангельское пѣснопѣніе пріемлетъ Онъ не потому, что пужно Ему; но, видя усердіе, одобряетъ благопризнательность. И приносящіе подзаконныя жертвы, когда приносили ихъ, конечно, не потребности какой-либо удовлетворяли симъ приношеніемъ, но старались посильнымъ благодареніемъ воздать за тысячи получаемыхъ ими благодѣлій. Посему и видимъ тотчасъ, что не все приносили одну и ту же жертву. Кто закалалъ телца, кто агнца, кто козла. Одинъ приносилъ большее, а другой меньшее число жертвъ. Кто и сего не имѣлъ, и жилъ въ бѣдности, тотъ приносилъ пару горлицъ или птенцевъ голубиныхъ. У кого же и въ этомъ былъ недостатокъ, тотъ приносилъ нѣсколько пшеничной муки и какую-либо малость ладана. А изъ сего, конечно, познаемъ, что праведный Судія взираетъ на качество расположенія, а не на количество даровъ. И мы приносимъ въ даръ сіи скудныя слова наши не съ тѣмъ, чтобы сама малѣйшею каплею придать что ишбудь безднѣ премудрости, но стараемъ показать подобающее служителямъ усердіе, и имѣя въ помышленіи облн-

чить дерзость подобныхъ намъ рабовъ, возложигъ даже и на нихъ владычнее иго. Ибо весьма прискорбно для насъ видѣть, что клеветуютъ они на Божію всемія распоряжающуюся премудрость. Почему и пріяли мы на себя трудъ настоящаго слова, и постараемся прекратить хулу обличеніями.

Что крайне неразумно жалуются они на кажущійся недостатокъ единообразія въ жизни, и въ заблужденіи своемъ не усматриваютъ того, что должны были видѣть, — сіе достаточно открыло предыдущее слово, показавъ пользу бѣдности и недостаточность богатства. Но послѣку не на бѣдность только жалуются, но также оплакиваютъ рабство, сътуютъ о данихъ вносимыхъ царямъ, и о многомъ другомъ, что весьма сообразно съ настоящею жизнью; то поговоримъ нѣсколько и о семъ. Будемъ же въ этомъ подражать наилучшимъ врачамъ, которые видя, что больные ничего не ѣдятъ, и чувствуютъ отвращеніе отъ всякой предлагаемой имъ пищи, какими-либо медицинскими пособіями преодолеваютъ въ нихъ сіе отвращеніе. Къ сладостямъ примѣшавъ сухое и пріаое, казавшееся больному отвратительнымъ дѣлаютъ пріанымъ. И востающіе противъ Промысла Божія, подобно больнымъ, порицаютъ все видимое и совершающееся въ мірѣ. Но однимъ приключается болѣзнь противъ ихъ воли, отъ пищи воздерживаются они по причинѣ крайняго страданія, и желали бы вкусить, но препятствуетъ болѣзнь, а другихъ одолеваетъ страданія добровольныя, отъ нихъ самихъ зависящія, и имѣютъ они отвращеніе, не отъ хлѣба и отъ състныхъ припасовъ, но отъ всего, что пре-

мудро и правдиво устрояется Божиимъ промышленіемъ. Если съютъ , желаютъ дождей , а если отираваются въ путь , жалуются на дожди. Нужно имъ , чтобы лучи солнечныя стали болѣе знойными и плоды посѣяннаго привели въ зрѣлость , и въ то же время негодуютъ и жалуются на жарь . Ради чрева всякій трудъ принимаютъ на себя , и земледѣліе , и кораблеплаваніе , и дальнія путешествія , и дѣлаются опять строгими обвинителями чрева , будто бы узаконено ему не служить мановеніямъ души , а господствовать . Жалуются на громы , градъ и подобныя наказанія , и также обвиняютъ Божіе долготерпѣніе . И правосудіе и долготерпѣніе не уважаются ими . Напротивъ того сами , и погрѣшая въ великомъ , желаютъ пользоваться долготерпѣніемъ ; а кто ихъ оскорбилъ , о томъ молятъ , чтобы строго поразило его правосудіе . Увидятъ нищаго , и тотчасъ подвигнутъ языкъ противъ Промысла , множествомъ насмѣшекъ осыплютъ бѣдность . Увидятъ богатаго , который выступаетъ на концахъ ногтей , озирается по львиному , поводитъ глазами , ѣздитъ на колесницахъ , окруженъ множествомъ служителей и жезлоносцевъ , и хулу свою обращаютъ на богатыхъ имѣніи . Съ негодованіемъ смотрятъ на жизнь , какъ на исполненную неравностей , и ненавидятъ смерть , которая полагаетъ конецъ снѣ неравностямъ , тѣла наши дѣлаетъ равночестными . Между тѣмъ порицающимъ жизнь должно было бы дивиться жизни , или обвиняющимъ жизнь — восхвалять смерть ; потому что смерть и жизнь прямо одна другой противоположны . Они же хулятъ все безъ разбора , и все

одинаково оуждаютъ. Пока они — дѣти, ублажаютъ мужей, а ставъ мужами, достойными зависти называютъ дѣтей. И должно ли пересказывать всѣ клеветы одержимыхъ этою злою болѣзнію? Ничего такого не бываетъ въ міръ, чего не коснулась бы стрѣла злорѣчія, пущенная языкомъ ихъ. Посему, употребивъ врачебные способы, докажемъ имъ, что донынѣ ихъ оскорблявшее весьма пріятно. И какъ въ предыдущемъ словѣ достаточно говорили мы о богатствѣ и бѣдности, о кажущемся въ разсужденіи ихъ недостаткѣ единообразія, доказывая пользу и бѣдности и богатства; такъ теперь объяснимъ о рабствѣ и господствѣ, что не Самъ Творецъ, и не въ началѣ, установилъ сіе раздѣленіе въ естествѣ нашемъ.

Итакъ, обратись къ сему первоначальному нашему созданію, и смотри: одинъ мужъ созданъ изъ земли, а подобная ему жена создается не подобно ему, и не изъ земли; потому что Творецъ, взявъ ребро мужа, изъ него сотворилъ женскій полъ, чтобы жена по инаковой наружности не почиталась принадлежащею къ иному естеству. Посему изъ земли созданъ мужъ, изъ мужа жена, а отъ обонхъ — весь родъ человѣческій. Ибо Творецъ въ началѣ не удѣлялъ однимъ рабства, а другимъ господства, но создалъ единый родъ всѣхъ. И Ною повелѣвъ построить ковчегъ, и въ награду за праведность устроивъ его спасеніе, въ приготовленный имъ ковчегъ повелѣлъ войти ему и супругъ его съ сыновьями и женами ихъ, и никто не вошелъ туда рабомъ; потому что въ родъ человѣческомъ не было еще сего раздѣленія, един-

ственными же, въ подлинномъ смыслѣ, рабами были роды безсловесныхъ, которые для сего самого Творецъ всяческихъ и ввелъ въ жизнь сію.

Но поелику въ послѣдствіи увидѣлъ, что отъ безначалія происходитъ великій безпорядокъ, и люди небоязненно отваживаются на всякое беззаконіе, то раздѣлилъ человѣческій родъ на начальствующихъ и подначальныхъ, чтобы страхъ, внушаемый начальниками, уменьшалъ множество грѣховъ; потому что страхъ въ состояніи обуздать стремленія неразумныхъ страстей, и ослабить въ душѣ склонность къ худшему; и часто, въ чемъ не помогаль разумъ, въ томъ успѣваль страхъ. Поелику родъ нашъ уклонился въ худшее, обуреваемый страстями и погрязшій въ нихъ умъ оставилъ тѣло, подобно не имѣющей груза ладіи, носится въ безпорядкѣ; то необходимо нужными стали для насъ законы, какъ нѣкій якорь, который останавливаетъ ладію, препятствуетъ ей нестись впередъ, и дозволяетъ кормчему изникнуть изъ глубины и взяться за кормило. Но невозможно было бы постановить сіи законы, если бы всѣ имѣли равную власть, и пользовались равными правами. Ибо и въ городахъ, имѣвшихъ народное правленіе, гдѣ народъ былъ полновластнымъ распорядителемъ дѣлъ, не всѣ равно во всемъ участвовали, но одни были законохранителями, другіе законодателями, иные военачальниками, а иные состоявшими въ числѣ подначальныхъ, народоправитель же имѣлъ власть надъ чиновниками и начальниками. И въ городахъ, управлявшихся малоначаліемъ, многіе состояли въ спискѣ подданныхъ, не многіе же, превосходя другихъ

благоразуміемъ и отличаясь добродѣтелию, получили въ удѣлъ общественное служеніе и управленіе. И одни были народными смотрителями, другіе — начальниками кораблей, иные же блюстителями порядка, и управляли народною толпою, какъ имъ казалось лучше. Такъ грѣхъ ввелъ потребность законовъ, а законы возымѣли пужду во власти издающихъ законы, и не только издающихъ, но и тѣхъ, которые могли бы наказывать преступниковъ.

И хотя грѣхъ ввелъ неустройство, однако же Правитель всяческихъ и въ неустройство вложилъ порядокъ, и стремленіе грѣха, какъ бы нѣкою уздою, остановилъ законами, а бразды узды сей, какъ браздодержцамъ, вручилъ правителямъ. Имъ управляются и города, и веси, и воинства. Ибо кто могъ бы выносить самоуправство обидчиковъ, если бы этого пламени ихъ любостыжательности отъ стремленія впередъ не удерживалъ страхъ законовъ? Подобно рыбамъ поядали бы большіе меньшихъ, если бы законъ не показывалъ изощреннаго меча, и пылающаго костра, и всего иного, что измышлено начальствующими въ наказаніе злодѣевъ. Ибо, если, когда и законы угрожаютъ, и начальвики наказываютъ, есть люди, которые въ расположеніи къ ближнему свирѣпѣ всякаго звѣря, приводятъ въ ужасъ какъ скорпіоны, угрызаютъ какъ змеи, бѣсятся какъ псы, и на единоплеменныхъ рыкаютъ какъ львы на звѣрей иного съ ними рода; то чего не сдѣлали бы они, когда бы не было законовъ и наказывающихъ начальниковъ? Теперь же, хотя совершаются иными беззаконія, однако же отваживающіеся на оныя, боясь зако-

повъ, стараются ихъ утаить, и усиливаются прикрыть неправду искусствомъ слова. И обиженный неболезненно приходитъ къ судіямъ, подаетъ жалобу въ обидь, не бонется могущества обидчика, не трепещеть знатности богатаго, но какъ въ пристань, прибѣгаетъ въ судилище, описываетъ причиненныя ему обиды, проситъ предложить на среду законы, и по нимъ судить умоляетъ судію. И судія произноситъ приговоръ, велитъ возвратить обиженному отнятое у него, — домъ, или поле, или сосудъ, перѣдко же отважившагося на обиду наказываетъ денежною пенею. По сему-то страху и подламывающіе стѣны и придорожные хищники, не въявь, но скрытно производятъ грабежъ, и самымъ покушеніемъ утаиться провозглашаютъ о своей боязни. Ибо иначе, взявъ ножъ, стали бы убивать всякаго встрѣчающагося и грабить его имущество. Но изъ боязни многіе не пускаются на злодѣянія, да и отваживающіеся на худое дѣло подстерегаютъ на путяхъ менѣе проходимыхъ, или въ городахъ злодѣйствуютъ ночью, въ помощь къ разбою пріавъ тму, ночь и общее безмолвіе. И если двое или трое изъ нихъ пойманы и наказаны по законамъ; то дѣлаются достаточно полезнымъ примѣромъ для другихъ, которые, смотря на казнь подобныхъ имъ нравами, начинаютъ ненавидѣть порокъ, какъ причину позорной смерти.

Но не знаю, какъ, вознамѣрившись объяснить причину рабства, вошелъ я въ сіи разсужденія. Поэтому время уже возвратиться къ тому, съ чего началъ. Что въ началъ Создатель всяческихъ единымъ содѣлалъ естество всѣхъ людей, отъ одного

мужа, и отъ одной жены наполнилъ цѣлую вселенную человѣческимъ родомъ, сему свидѣтель — божественное Писаніе. А съ божественнымъ Писаніемъ свидѣтельствуемъ и природа. Получившіе себѣ въ удѣлъ страны, лежащія на востокъ и на западъ солнечномъ, также южныя и сѣверныя, и обитающіе въ странахъ среднихъ, имѣютъ одинъ видъ устройства, то же число чувствъ, различаясь только нравами и цвѣтомъ. Но нравы образуютъ обычаи и душевная свобода. Сіе же различіе можно находить и у насъ самихъ. А инаковость цвѣта производитъ положеніе страны. У живущихъ вдали отъ лучей солнечныхъ поверхность тѣла бѣлѣе; а у населяющихъ восточныя и западныя страны къ южному полюсу, тѣло чернѣетъ, подобно дровамъ, которыя отъ долгаго сближенія съ огнемъ обугливаются, и принимаютъ на себя черный цвѣтъ. Поэтому одна человѣческая природа и въ начальникахъ и въ подначальныхъ, и въ подданныхъ и въ царяхъ, и въ рабахъ и въ господахъ. Но, и будучи единою, проповѣдуетъ справедливость Создателя, и раздѣлившись со временемъ на рабство и господство, но въ рабахъ и въ господахъ сохранивъ одно и то же отличительное свойство, какъ обвиняетъ грѣхъ, произведшій потребность сего раздѣленія, такъ и въ этомъ самомъ показываетъ правосудіе Творца; потому что тождество сущности сохранивъ Онъ до конца, а безпорядочность грѣха отвратилъ порядкомъ верховной власти, и притязательность его подчинилъ правилу законоположенія, какъ и строптель корабля по нити выравниваетъ доски, и обсъкаетъ лишнее.

Поэтому, видя рабство, не Создателя обвиняй, но бѣгай грѣха и хулы, за что родъ человѣческій и раздѣленъ на рабовъ и господъ. Когда видишь, что ладія несется попутнымъ вѣтромъ, пловцы сидятъ спокойно, гребцы, или дѣйствуютъ веслами, или тянутъ продольный канатъ, или исполняютъ другое какое приказаніе, передовой высматриваетъ подводные камни, несчаныя и каменистыя мѣли, и указываетъ ихъ кормчему, а кормчій надъ всѣми начальствуетъ, и править ладіей посредствомъ кормила; тогда дивишься порядку, не приказываешь быть всѣмъ кормчими, не всѣмъ ввѣряешь полную власть на корабль, и видя, что шпій остается въ покоѣ, другой исполняетъ приказанное, одинъ сказываетъ, что видитъ, а другій всѣмъ вмѣстѣ отдаетъ приказы, не гнѣваешься, и не обвиняешь въ неустройствѣ, а напротивъ того не перестаешь дивиться порядку. Но тебѣ не угодно, чтобы дома управлялись подобно кораблямъ, ты негодуешь видя, что въ домѣ одинъ начальникъ, а другіе — подчиненные. И домъ и корабль, что касается до управленія, весьма между собою сходны. Хозяинъ дома, какъ кормчій какой, взявшись за кормило дома, надъ всѣми дѣлается наибольшимъ. А первенствующій между служителями, которому ввѣрено попеченіе о всѣхъ прочихъ, уцѣлбляясь передовому на ладіи, вразумляетъ хозяина, что по его мнѣнію полезно. Изъ прочихъ же служителей, одни, подобно гребцамъ, неся на себѣ порученныя имъ частныя работы, исполняютъ, что имъ приказано, а прочіе, подобно пловцамъ, оставаясь среди шхъ, зависятъ отъ ихъ распоряженій, и чрезъ шхъ

получаютъ необходимое. Итакъ, почему же ладно, когда такъ она управляется, хвалишь, а надъ домомъ, въ которомъ введено тоже управленіе, смѣешься? Думаю же, похвалишь и воинство, въ которомъ предводительствуетъ военачальникъ, малыя дружины охраняются начальниками дружинъ, полки въ устройствѣ выводятся полковниками, сотни же и тысячники разносятъ имъ распоряженія военачальника, и войско разставляютъ, то въ отряды, то въ одну сомкнутую дружину, иногда же разводятъ полукругомъ, а въ иномъ случаѣ, каждое крыло растянувъ на большое пространство, окружаютъ непріятелей, и не даютъ имъ возможности спастися бѣгствомъ, со всѣхъ сторонъ равно поражая стрѣлами и побивая всѣхъ до одного. Но всего этого не было бы, если бы войско не раздѣлялось на начальствующихъ и подначальныхъ, потому что въ войскѣ наипаче всего вреднѣе многоначаліе, которое, разсѣкая его на многія части, препятствуя единомыслію, и покушаясь распоряжаться имъ со многими цѣлями, болѣе вредитъ ему, нежели управляетъ имъ. Поэтому не странно ли тебѣ, который дивишься на корабль начальству одного, и въ воинствѣ хвалишь порядокъ, производимый приказами военачальника, порицать домъ, управляемый такимъ же образомъ?

Но говоришь: тяжело быть въ рабствѣ, въ томъ, чтобы пользоваться необходимымъ, зависѣть отъ власти господъ, и изнурять себя непрестанными трудами.—Если съ искреннимъ желаніемъ узнать истину вникнешь во все тебѣ сказанное; то, оставивъ свои возраженія, найдешь, что въ этомъ,

хотя много непріятнаго, однако же много и великой пользы. Хозяинъ дома стѣсняется многими заботами, разсуждая, какъ доставить потребное домашнимъ, какъ внести царямъ установленную подать, какъ излишнее изъ прибытковъ продать, и купить, въ чемъ настоятъ нужда. Если земля неблагодарна была земледѣльцамъ, подражая въ этомъ нѣсколько человѣческой неблагодарности Творцу; онъ беспокоится, перебираетъ въ умъ займодавцевъ, пишетъ обязательства, и навлекаетъ на себя самопроизвольное рабство. И если земля принесла плоды, обременена своими порожденіями, покрыта жатвами, и древесныя вѣтви заставляють наклоняться къ ней отъ тяжести многихъ плодовъ; опять у него другаго рода скорбь; перебираетъ въ умъ покупателей на плоды, и не находитъ, обиліе плодоносія и для него самого дѣлается не менѣе обременительнымъ, какъ и для деревъ. Заботы сіи, не днемъ только нападаютъ на нихъ, остѣпляютъ и мучатъ душу, но и ночью еще непріятнѣе тревожатъ ее: потому что душа, безмолвствуя и освобождаясь отъ вѣшнихъ дѣлъ, полнѣе чувствуетъ собственное свое состояніе, и доброе и худое. А у слуги, работающаго тѣломъ, душа свободна и изъята отъ всего этого. Не стѣсняетъ онъ о бесплодіи земли, не оплакиваетъ не продажу съѣстныхъ припасовъ, не печалится, видя займодавца, не боится толпы сборщиковъ, не принужденъ ходить по судебнымъ мѣстамъ, не страшится вызова глашатая и судіи, обращающагося съ грознымъ взоромъ. Мѣрою получаетъ продовольствіе, но свободенъ отъ заботы. Спитъ на

полу, но никакое попеченіе не гонитъ отъ него сна; сладкій сонъ, ліясь ему на вѣжди, не даетъ чувствовать жесткаго ложа. И это, дознавъ изъ естествословія, сказалъ премудрый: сонъ сладокъ работающему (Еккл. 5, 11.). Одною одеждою прикрываетъ свое тѣло, но тѣло его крѣпче, нежели у господина. Бѣсть хлѣбъ изъ отрубей, не пользуясь ни малой при немъ приправой, но съ большею пріятностію, нежели господинъ, принимаетъ пищу. Тотъ, непрестанно угождая чреву, и преступая предѣлы сытости, отталкиваетъ отъ себя снѣди, и съ принужденіемъ передаетъ ихъ чреву; а овъ, измѣряя вкушеніе потребностию, и данную долю ломая бережливо, принимаетъ пищу съ вождельніемъ, и легко перевариваетъ, пріявъ въ содѣйствешники трудъ. Но ты смотришь на рабство, а не смотришь на здоровье; видишь служеніе, а не усматриваешь довольства; жалуешься на трудъ, а не ублажаешь беззаботной жизни; охуждаешь обязанность быть въ услугахъ, а не зриаешь на пріятный сонъ.

И здѣсь должно было тебѣ усматривать Божій Промыслъ, видѣть равномѣрность Божія смотрѣнія. Поелику грѣховная нужда раздѣлила естество человеческое на владычество и рабство; то смотрѣніе Божіе съ владычествомъ сопрягло заботы, жребіемъ его назначило бдительность, и удѣлило ему многія болѣзни; а рабству дало больше здравія, пріятное наслажденіе пищею, сонъ сладкій и продолжительный, который можетъ успокоить тѣло послѣ усталости, и сдѣлать его болѣе крѣпкимъ для трудовъ слѣдующаго дня. Поэтому не смотри

на одни только труды, но обрати вниманіе и на утѣшенія послѣ трудовъ, и за все восхваляй Правителя всяческихъ.

Да и почему ты, съ такою легкостію клеветуешь на все, оуждаешь труды? Какое изъ благъ человѣческихъ заслуживается безъ труда? Какое благополучіе не трудами пріобрѣтаетъ родъ человѣческій? Трудами пріобрѣтаемъ блага земледѣлія, плоды торговли, съ трудомъ предуготовляя, создаемъ города, при помощи предшествующихъ трудовъ пользуемся тѣмъ, что живемъ въ домахъ, покрываемъ тѣло одеждою, имѣемъ на ногахъ обувь, вкушаемъ всякаго рода снѣди. И должно ли перечислять все, удовлетворяющее человѣческимъ потребностямъ, и производимое трудами?

Но ты представляешься какимъ-то трутнемъ, воспитанъ въ праздности, покинаешь плоды чужихъ трудовъ, а самъ ничего не вносишь въ жизнь, кромѣ одного языка, которому вмѣнилось въ обязанность все осмѣивать. Да и это пустословіе породила въ тебѣ праздность. Кто прилеженъ къ трудамъ, тотъ говоритъ мало, а дѣлаетъ весьма много. Поэтому, если каждое изъ благъ заслуживается трудомъ, то не оуждай, другъ, рабства по причинѣ трудовъ.

Обрати же вниманіе, что многіе изъ господъ трудятся не меньше слугъ, лучше же сказать, гораздо ихъ больше, если и заботы причислишь къ дѣламъ. Но ты разсмотри самъ рачительныхъ нынѣшняго времени; а я покажу тебѣ древнихъ, потрудившихся больше слугъ. Смотри, какъ блаженный Ной рубитъ дерева, очищаетъ ихъ топоромъ,

обтесываетъ подь прямымъ угломъ, строить ковчегъ, какъ было повелѣно, *отъ дровъ четвероугольныхъ* (Быт. 6, 14.), смыкаетъ связи клиньями, и такимъ образомъ все приводитъ въ одинъ составъ, обмазываетъ горною и древесною смолою, и преграждаетъ токъ водамъ. И великій патриархъ Авраамъ, господишь трехсотъ осмидесяти домочадцевъ, самъ трудится, прислуживаетъ странникамъ, идетъ въ стадо, ведетъ тельца, и супругу побуждаетъ изготовить немедленно хлѣбы; и она также мѣситъ муку, печетъ *потребники* (Быт. 18, 6.), и не допускаетъ до служенія рабынь; а самъ чудный оный старецъ предстоить странникамъ, не раздѣляетъ съ ними трапезы, но исполняетъ должность служителя. Смотри, какъ и Ревекка, дочь Ваѳуилова, внука Нахорова, въ такомъ возрастѣ, когда вступаютъ въ супружество, отличаясь красотою, не хочетъ сидѣть въ теремъ, но сама работаетъ, носитъ воду, идетъ на источникъ за городъ, и не только носитъ воду домой, но сама трудится для проходящихъ, и имъ и верблюдамъ черпаетъ и паливаетъ воду; въ цѣлости хранить прекрасное достояніе цѣломудрія, неприкосновеннымъ блюдетъ дѣвство, и со всѣмъ усердіемъ принимаетъ на себя труды, ими украшается болѣе, нежели сколько блистаетъ красотою. И сынъ ея, великій Іаковъ, какъ сынъ такой матери, двадцать лѣтъ проводилъ въ трудахъ, пасъ стада, боролся со звѣрями, терпѣлъ солнечный зной, и ночью не могъ въ сытость вкушать сна; да и супруги его, для которыхъ терпѣлъ сіи труды, какъ находимъ въ исторіи, пасли стада. И

сыновья Иаковлевы были *скотопитатели* (Быт. 46, 39.), сами работали, пасли стада и многократно несли на себя труды слугъ. Да и божественный Моусей сорокъ лѣтъ проводилъ такой же образъ жизни, и жена его, дочь іерея, пасла овецъ, и его помощію избавленная отъ обиды пастуховъ псирошена имъ въ жену. Но излишнее дѣло длить слово и изводить на среду всѣхъ, которые, по сказанію божественнаго Писанія, въ трудахъ протекли поприще жизни.

А если не слугамъ только, но и господамъ свойственно трудиться, почему жалуешься на рабство по причинѣ трудовъ? Въ трудахъ рабы имѣютъ соучастниками и господъ, но не участвуютъ въ заботахъ господина. Если же трудъ — общее дѣло рабовъ и господъ, а забота — исключительное дѣло господъ; то почему избавленныхъ отъ заботъ не признаемъ блаженными, причисляемъ же ихъ къ бѣдствующимъ? Итакъ, поелику и въ этомъ явно указать Промыслъ Попечителя всяческихъ; то, совокупивъ вмѣстѣ сказанное порознь, представимъ это въ сокращенномъ видѣ, и уяснимъ для лучшаго уразумѣнія.

Показали мы, что въ началѣ Творецъ создалъ единое естество, и почтилъ оное свободнымъ разумомъ, и что потомъ естество сіе, произволь воли употребивъ ненадлежащимъ образомъ, вринулось въ худшее, и совратилось въ тысячи видовъ прегрѣшній. Поэтому стремительность грѣха нужно было остановить законами, а законы потребовали законодателей. Отсего родъ человѣческой необходимо раздѣлялся на двѣ части. Одни поставлены

начальствовать, другіе обязаны повиноваться начальствующимъ, чтобы страхъ законовъ и опасеніе начальниковъ останавливали сильное стремленіе порока. Поэтому, надъ городами начальствуютъ градоправители, надъ всѣями—понечители, надъ воинствомъ—военачальники, а надъ тѣми и другими — цари. На корабль начальствуетъ кормчій, у борцовъ—наставникъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ; а учитель граматки—у отроковъ, кожевникъ—у своихъ учениковъ, а также мѣдникъ — у желающихъ учиться его ремеслу. Поэтому и въ домъ начальствуетъ господинъ; потому что безъ господина нельзя хорошо вести домъ. И это подтверждаютъ дома, которые лишились господина, и пришли въ совершенное запустѣніе. Начальство сіе имѣютъ и сонмы Ангеловъ; ибо изъ божественнаго Писанія научаемся, что небо, которое у насъ надъ головою, обитаемо не только Ангелами, но и Архангелами; и одни поставлены начальствовать, другіе же повсюются. Но если и сія свободная отъ беззаконія область, и сіе естество превысшее тѣль и страстей, не отеклась отъ сего порядка, но одни благопокорно повинуются, а другіе—мѣрно управляютъ; то почему негодуешь ты, человекъ, видя начальство и подначаліе у людей, гдѣ велика наклонность къ худшему? Какъ въкое врачество, цѣлительное для струповъ беззаконія, Творецъ употребилъ это смотрѣніе начальниковъ. И отецъ начальствуетъ надъ дѣтьми, наказываетъ дѣтей своихъ вольныхъ, и похваляетъ цѣломудренныхъ, начальствуетъ и учитель надъ дѣтьми, и мужъ надъ супругой, и господинъ надъ слугами, одобряя усерд-

пѣйшихъ, и удостоивая ихъ чести, угожденія, а часто и свободы, наказывая же лѣннихъ и привыкшихъ къ дѣламъ худымъ и уча ихъ добротолубію. Сей порядокъ Богъ всяческихъ далъ и іеремъ. Однимъ сподобилъ священства, другимъ ввѣрилъ начальство надъ ними, и подъ ними учинилъ иные виды чиновъ.

Если же видя, что пѣкоторые изъ господъ весьма жестоки и крайне своевольны, и пѣкоторые изъ начальниковъ продаютъ справедливость за дары, находишь для себя въ этомъ преткновеніе, и болѣзнуешь прекословіемъ; то предупреждаю сіе лукавое порожденіе ума, и сказываю, что таковымъ не Богъ ввѣрилъ власть, но начальство ихъ навлечено пороками подначальныхъ; потому что не пожелали извлечь для себя какую-либо пользу отъ начальниковъ добрыхъ, но худыми нравами оскорбляли внушенныя ими правила, и тѣмъ сами себя лишили Божія о нихъ попеченія; а потомъ, оставленные безъ Божія о нихъ домогательства, получили такихъ властителей, чтобы узнавъ на опытѣ худшихъ, привели себя на память лучшихъ, и воспомянули ихъ честное и доброе правленіе. Находимъ же, что Богъ всяческихъ, по преизбытку челоѣческой злобы, ослабляетъ перѣдко броды, и попускаетъ челоѣческому роду влаться, какъ угодно. И сему Самъ научая насъ устами Пророка, сказалъ Опъ и Израилю: *и рѣхъ; не имамъ пасти васъ, умирающее да умретъ, и исчезающее да исчезнетъ, и прочая да поятъ кіиждо плоть ближняго своего* (Зах. 11, 9.). Поэтому, когда властвуютъ начальники худые, и домомъ правятъ господа

жестокіе и злые, надлежитъ молиться Правителю всяческихъ, и переменною образа жизни, исправленіемъ правовъ, преклонять Его на милость, возбуждать на помощь и пламенно умолять, чтобы времена трудныя премѣнилъ на лучшія. А что охотно внемлетъ Онъ просящимъ Его искренно, потому что благъ и обыкъ миловать, лучше же сказать, есть источникъ милости, — о семъ Самъ свидѣтельствуетъ, когда молящимся такъ даетъ обътованіе, и говоритъ: *воззовеши, и Азъ услышу тя, и еще глаголющу ти, реку: се приидохъ* (Ис. 58, 9.).

А что и крайне беззаконные, усиливающіеся всѣхъ затмить своимъ злочестіемъ, не могутъ дѣлать вреда имѣющимъ здравый разумъ и любителямъ благочестія, сіе, при помощи Божіей, объяснимъ въ послѣдующемъ словѣ. Въ настоящемъ же воспрославимъ Того, Кто ниспосылаетъ и общіе и частныя дары людямъ, ущедряетъ родъ нашъ многими тысячами благъ. Ему слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 8.

О томъ, что для здравомыслящихъ нѣтъ вреда
служить господамъ злымъ.

Великій даръ слова и умъ (очень ясно это знаю) потребны тому, кто покушается говорить о предметъ столько важномъ; потому что слава самыхъ дѣлъ имѣетъ обыкновенно нѣкоторую зависимость отъ слова. По немощи и силѣ слова любятъ судить о дѣлахъ тѣ, кому угодно принимать во вниманіе не качество дѣлъ, но искусство слова. По я, положившись на важность предмета, не соразмѣрялъ съ нею порожденій моего ума, не размышлялъ о томъ, что порожденія сіи малы и скудны, имѣлъ же только въ виду, что для желающихъ видѣть ясенъ свѣтъ истины, какъ ясно и солнце для имѣющихъ здоровое зрѣніе. И если бы никто не признавалъ истины; то вопіеть о ней самъ промысль Творца и Спасителя нашего. Поэтому думалъ, что не сдѣлаю ничего неприличнаго и достойнаго порицанія, сему повсюду раздающемуся гласу предоставивъ на служеніе уста свои, и огласивъ имъ загражденный слухъ неблагодарныхъ.

Что бѣдность и богатство нужны и полезны для настоящей жизни, что рабство и господство Врачъ душъ даровалъ намъ, какъ нѣкое врачество для грѣховныхъ струповъ, — сіе, при содѣйствіи благодати Божіей, показали мы достаточно. А что

рабство не вредить находящимся въ ономъ, но даже весьма благотельно, если кто хочет имъ воспользоваться, — сіе (скажемъ такъ съ Богомъ) докажемъ теперь. Ибо и вчера обѣщались говорить объ этомъ.

Кому угодно, тотъ, и безъ древнихъ примѣровъ, можетъ испытать находящихся нынѣ въ рабствѣ, и увидить, что много между вами ревнителей добродѣтели, которые облегчаютъ для себя рабство добрымъ изволеніемъ, не требуя побужденія, исполняютъ должное по собственной воли, и любятъ угождать господамъ, — а за это получаютъ свободу, дѣлаются обладателями большихъ имѣній, и воспріемлютъ награду за свое доброе рабство. Но, можетъ быть, не излишнимъ будетъ представить въ примѣръ нѣкоторое число изъ бывшихъ древле въ рабствѣ, и открыть собранное ими сокровище благочестія въ обличеніе тѣхъ, которые покушаются охудать рабство, и обращаютъ его въ поводъ къ наибольшей хуль, а на семъ основаніи отваживаются метать стрѣлы противъ Божія Промысла.

Поэтому первымъ изъ всѣхъ да предстанетъ первый служитель патриарха Авраама. Когда состарѣвшійся патриархъ, зная предѣлъ естества, предусматривая конецъ жизни (потому что старость — предначатіе смерти), давалъ этому рабу заповѣдь о сынѣ, повелѣвалъ взять для него жену изъ собственнаго его племени, въря древнимъ клятвамъ и благословеніямъ, строго приказывалъ избѣгать сродства съ Ханацеями, тогда чудный сей служитель прежде всего строго взвѣшиваетъ всѣ

слова господина, страшась же произносимой клятвы и ужасаясь надзирающаго надъ всѣмъ Ока, спрашиваетъ сперва, должно ли возвратить сына въ отеческій домъ Авраамовъ, когда жена откажется отъ преселенія. Поелнку же Авраамъ запретилъ сіе, и сказалъ, что возвращать не должно, а надлежитъ возложить упованіе на призвавшаго Бога, довѣриться Его водительству; рабъ идетъ изъ дома господина своего, и совершивъ много дневныхъ переходовъ, къ вечеру дня достигаетъ Харрана. И верблюдовъ ставитъ онъ, давая имъ отдыхъ во врачество послѣ трудовъ, а самъ, отложивъ въ сторону принесенные имъ дары и всю знатность богатства, воздѣвъ же руки къ небу, молитъ Бога, чтобы Онъ содѣлался невѣстоводителемъ его питомца, и обручилъ съ нимъ дѣвицу, соответствующую правамъ господина. Благочестивыя изреченія его достойны того, чтобы выслушать ихъ. Ибо говоритъ онъ: *Господи Боже господина моего Авраама. Се азъ стахъ у кладезя воднаго: дщери же живущихъ во градъ исходятъ почерпати воды. И будетъ дѣвица, ей же азъ реку: преклони воднось твой, да пію, и речетъ ми: пій ты, и велблюды твои напою, дондеже напіются: сію уготовалъ еси рабу твоему Исааку: и посему увѣмъ, яко сотворилъ еси милость съ господиномъ моимъ Авраамомъ (Быт. 24, 12—15.).* Кто не ублажитъ за благочестіе мужа сего? Лучше же сказать, кто восхвалитъ достойно каждое изреченное имъ слово? Ибо можно видѣть, что молитва его украшена вмѣстѣ вѣрою, мудростію и благочестіемъ. Отложивъ въ сторону все прочее, цѣль путешествій

поставить въ зависимость отъ Божія Промысла, — не признакъ ли это высочайшаго благочестія и высочайшей мудрости? Положитесь же на праведность своего господина, и общаго всѣхъ Бога называть его Богомъ, и надѣяться, что его молитва непременно будетъ исполнена, и увидѣть исполненіе прошенія, — послѣ этого остается ли еще какая высшая степень вѣры? Но и въ томъ, что получилъ просимое, оказался онъ боголюбомъ. Ибо не получилъ бы такъ легко, еслибы не былъ вполнѣ преданъ Давшему. Сію же преданность произвела душевная добродѣтель. Но что получилъ онъ, и получилъ немедленно, сіе открываетъ исторія; потому что по окончаніи молитвы пришла Ревекка, и показала въ себѣ признакъ страннолюбія. Едва услышала, что просятъ у ней воды, какъ спѣшитъ напоить всѣхъ верблюдовъ; и съ трудомъ почерпая воду, утоляетъ жажду и словесныхъ и безсловесныхъ, показывая вмѣстѣ и мужество и челоуѣколюбіе, являя въ себѣ образецъ невѣсты, изображенной въ молитвенномъ словѣ, доказывая, что она достойна Авраамова дома, и водится одинаковыми правилами съ страннолюбивымъ свекромъ. Ибо сего просилъ въ молитвѣ своей вѣрный оный рабъ, не красивой и величавой наружности, не цвѣта ланитъ, не красоты очей, не правильнаго очертація бровей, не знатности рода, не великаго богатства, но страннолюбиваго сердца, тихаго поведенія, кроткой и скромной рѣчи, снисходительнаго и челоуѣколюбиваго нрава, достойнаго дому господина его, который отверстъ для всѣхъ странниковъ, принимаетъ всякаго рода людей, и всякому предлагаетъ, что

требуется. Этого просилъ онъ, это и получилъ. И не тотчасъ, не подумавъ, пріять это, но подвергъ испытанію все съ нимъ совершающееся, хотѣлъ, какъ говоритъ, видѣть, *аще благоустрои Господь путь ему, или ни* (21). Когда же увидѣлъ всѣ признаки, которыхъ испрашивалъ; и тогда прежде пѣснопѣнія не отдалъ залога обрученія, и не забылъ Давшаго отъ полноты удовольствія. Но, взирая на даръ, вѣрилъ, что видитъ и Подателя дара, и Его прежде прославилъ по мѣрѣ силъ, а потомъ пріять уже даръ. Ибо спросивъ дѣвницу, кто она, и къмъ рождена, и узнавъ, что она дочь Ваоуилова, что есть у нихъ пристанище, и достаточно корма для верблюдовъ, рабъ Авраамовъ, какъ сказано, *поспѣшивъ поклонися, и рече: благословенъ Господь Богъ господина моего Авраама, иже не остави правды Своея, и истины отъ господина моего: и мене благоустрои въ домъ брата господина моего* (26—27.). Поелику получилъ больше, нежели сколько просилъ: дѣвница не только дала ему воды, но и сама предложила дать пристанище, обѣщала снабдить пищею и его и верблюдовъ, увидѣлъ при томъ, что и родство, о которомъ не упоминалъ въ прошеніи, показано ему вмѣстѣ съ тѣмъ, о чемъ просилъ: то, какими только могъ, пѣснопѣніями воздалъ Оказавшему сію милость, и засвидѣтельствовалъ неживость Божіихъ обѣтованій. Ибо говоритъ: *благословенъ Господь Богъ господина моего Авраама, иже не остави правды Своея и истины отъ господина моего Авраама. Праведенъ Ты, говоритъ онъ, потому что прилагашь великое попеченіе о благочестивыхъ, и пре-*

даннаго служителя Твоего, моего же милостиваго господина, удостоиваешь всякаго вниманія. Истину же словъ Твоихъ возвыщаютъ дѣла. На дѣтяхъ подтверждаешь вѣрность обѣтованій, какія далъ господину моему. Такъ прославивъ Великодаровавшаго, предлагаетъ дѣвицѣ залогомъ обрученія, золотомъ украшаетъ уши, какъ охотно и скоро внемлющія прошеніямъ странниковъ, также украшаетъ и руки, прекрасно послужившія великодушно сердца. А когда вошелъ въ домъ, увидѣлъ ея родителей, открылъ заповѣдь господина своего, дозналъ и Божию помощь, и испыталъ на себѣ великую услужливость, съ какою приняли его, какъ знакомаго; тогда забылъ ли онъ о господинѣ, при множествѣ заботъ, потерялъ ли его изъ виду, и собственное свое отдохновеніе предпочелъ ли услугамъ ему? Ни мало. Но когда и родитель и родительница дѣвицы и единоутробный ея братъ стали просить, чтобы остался у нихъ, и могли они нѣсколько дней насладиться пребываніемъ отправляющейся въ путь дѣвицы; рабъ сказалъ: *не держите мя, Господь бо благоустрои путь мой: отпустите мя, да иду къ господину моему* (56). Такъ вездѣ украшаетъ рѣчь свою Божиимъ пменемъ, отъ Бога производитъ даяніе благъ, и Божию же промышленію приписываетъ совершающееся съ нимъ самимъ. Чѣмъ же, скажи мнѣ, повредило ему рабство? Кто изъ воспитанныхъ въ свободѣ, и гордящихся свободными предками, показалъ въ себѣ столько добродѣтели? Оставилъ ли онъ недостигнутою какую либо мѣру высокаго благочестія?

Но, можетъ быть, кто либо изъ знающихъ, какъ

соплетать клеветы, и научившихся оуждать хорошее, скажетъ, что любомудріе господина послужило назиданіемъ рабу, и на него взирая, какъ на нѣкое зеркало, извлекъ онъ для себя сн черты добродѣтели. А имѣющіе худыхъ господъ также отпечатлѣваютъ въ себѣ подобіе своего образца, и заимствуя у господъ начатки худаго нрава, становятся дѣлателями порока, показывая въ себѣ своихъ учителей. Итакъ обличимъ ложь ихъ, и покажемъ, что пріобрѣтеніе добродѣтели и порока есть дѣло произвольное, и что раба, который не хочетъ жить порочно, викакой худой господинъ не принудитъ къ тому.

Да будетъ же изведевъ на среду божественный Іосифъ, внукъ Ревекки, правнукъ патріарха Авраама, изведевъ въ веснѣ дней его, въ юности, во всей красотѣ (потому что весна есть самое цвѣтущее время года). Въ веснѣ дней своихъ былъ онъ, цвѣтущіе были годы его, но отличаясь красотой тѣлесною, имѣлъ онъ душу, и тѣло превосходившую красотой; любимъ былъ онъ отцемъ, пользовался самою нѣжною его привязанностію, не только какъ послѣ рожденный, но и какъ сходный съ нимъ по правамъ, какъ точный отпечатокъ отцевой добродѣтели. Когда же онъ увидѣлъ сны свои, и пересказалъ ихъ отцу въ присутствіи слышавшихъ братьевъ, немедленно ополчается противъ него зависть, и терпитъ онъ укоризны, порожденныя завистію. А по прошествіи небольшого времени не терпѣвшіе счастья, возвышеннаго снами, увидѣвъ идущаго къ нимъ отрока, устремляются, какъ звѣри на агнца, отлученнаго отъ стада и оставшагося безъ попече-

нія о немъ пастыря, не уваживъ сѣдинъ отца, не сжалившись надъ старостию, которой, какъ нѣкій жезлъ, служилъ опорой юноша, забывъ и законъ естества, и право родства, и единство происхожденія, и юность возраста, и невѣдѣніе порока, и эту невольную (потому что была во снѣ) власть и начальство, пока еще незначительнѣйшее всякой тѣши, немедленно вознамѣрились предать его смерти и осквернить руки родственною кровію. Потомъ, когда Рувимъ воспретилъ убійство, и далъ совѣтъ избѣгать сего оскверненія, на краткое время скрывъ во рвѣ, вскорѣ послѣ сего продаютъ Іосифа купцамъ Измаильтянамъ, и убійство замѣняютъ продажею, не терпя видѣть, хотя и во снѣ, но имѣвшаго надъ ними властительство. Такое наказаніе потерпѣвъ за сны, Іосифъ приведенъ въ Египеть, снова проданъ Пентефрию, который былъ архимагиромъ у царя. Но и здѣсь оставшись, сохранилъ онъ отеческую свободу, соблюлъ въ чистотѣ благородство предковъ, не измѣнялъ въ себѣ добраго чувства, соображаясь со временемъ, его бѣдствія не еопровождались переменою нравовъ, и рѣшимость воли не мѣнялась въ немъ, какъ цвѣтъ. Напротивъ того, вступивъ въ иной образъ жизни, изъ свободы перейдя въ рабство, остался твердъ въ прежнемъ добромъ чувствѣ, и говорилъ ли, дѣлалъ ли, что бы то ни было, всегда на чель его ясно видима была стыдливость. А поэтому немедленно удостоивается онъ всякой почести, и ему поручается правленіе господскаго дома. И господамъ постоянно оказываетъ онъ преданность, а другимъ служителямъ справедливость. Благопризнательный къ почтившимъ,

прилагаетъ должное попеченіе о продчипенныхъ его управленію, за что и сталь любимъ тѣми и другими; потому что пользовался свыше соразмѣрною добродѣтели милостію, лучше же сказать, пожиналъ во много кратъ обильнѣйшіе плоды трудовъ. Посему, что ни дѣлалъ онъ, все благоустраивалъ Богъ въ рукахъ его.

Но и здѣсь снова открылось для него иное бѣдствіе; за тревоженіемъ рабства послѣдовала болѣе жестокая буря. Одна волна миновала, другая настигла его; и совершая путь среди толикихъ волнъ и обуреваній, сохранилъ онъ ладію не погрязшею въ водахъ. Былъ онъ, какъ сказано, молодъ, украшался свѣжестью возраста, подобно цвѣтку, едва изникшему изъ чашечки, на подбородкѣ его растилался пушекъ, и на подобіе вѣнка окружалъ ланиты, лучи красоты его сливались съ скромностію, срастворились свободою, на чель возсѣдала стыдливость, на губахъ имѣла мѣсто убѣдительность. Непрестанно видѣла это госпожа, и когда должно было почерпнуть изъ сего пользу, впала въ ровъ непотребства. А какъ зрѣніе, служа пищею огню похотѣнія, внутри ея возжигало высокій пламень; то разумная сила, не угасивъ искры въ самомъ началѣ, была уже не въ силахъ утушить ее въ послѣдствіи, когда отъ искры сдѣлался большій пожаръ. И тогда, принявъ въ сборники безстыдство, пыталась она словами уловить въ сѣти юношу. Но какъ добыча не поддавалась сѣтямъ, легко перескакивала чрезъ вбитые въ землю колки, любодѣйныя, прикрашенныя сладострастіемъ рѣчи упранивавшей госпожи оставались безъ дѣйствія, и не вели ни къ чему; оставивъ уже

слова, рѣшается она искупить самымъ дѣломъ, воспользовавшись тѣмъ, что никого не было въ опочивальнѣ, схватываетъ юношу, подумавъ, что онъ рабъ, а не господинъ страстей. Но не на отсутствіе людей надѣялся Іосифъ, а видѣлъ повсюду присущее Око, не привелъ себѣ на мысль своего рабства, не убоился ея господства, разсуждая о великости бѣдствія, какое претерпѣвалъ, не захотѣлъ ослабить броды страстямъ, такъ какъ бы никто не надзиралъ надъ дѣлами человѣческими, и не потребовалъ отчета у рѣшившихся дѣлать неправду; но противосталъ разсудкомъ рабству, господству, перемѣнѣ въ образъ жизни, стремленію вождельніа, легко воспламѣняющемуся возрасту, убѣдительнымъ, обольстительнымъ рѣчамъ, съ какими госпожа обращалась къ рабу, отсутствію обвинителей, ожидаемой клеветы, тысячамъ бѣдствій, какія могли произойти отъ сего. И прежде всего, отступивъ отъ законовъ рабства, и пріавъ на себя должность совѣтника и учителя, дѣлается защитникомъ цѣломудрія и обвинителемъ непотребства. И юноша—старѣйшей лѣтами, рабъ—госпожѣ, не посвящій еще супружескаго яга и подверженный сильнымъ прираженіямъ вождельніа — живущей съ мужемъ, имѣющей законно удовлетворять похотѣнію, подаетъ урокъ цѣломудрія. И самыя священныя слова цѣломудреннаго юноши достойны того, чтобы выслушать. *Аще господинъ мой, говоритъ онъ, не вѣсть мене ради ничто же въ дому моемъ, и вся елика суть ему, вѣдаде въ руцѣ мои, и ничтоже есть въ дому семъ, ниже изъято бысть отъ мене что либо, кромѣ тебе, понеже ты жена ему*

еси: и како сотворю глаголь злый сей, и согрѣшу предъ Богомъ (Быт. 39, 8. 9.)? Не видишь Того, говоритъ юноша, Кого вижу я. Ты упоеваешься страстию, а я не принялъ этого упоенія, напротивъ того вижу Правителя этой вселенной, Который видитъ каждое событіе. Сему Оку, если угодно Ему что видѣть, не препятствуютъ ни кровля, ни стѣна, ни запертыя двери, и мракъ ночной не служитъ препятствіемъ Его зрѣнію. Ясно видитъ оно и зараждающіяся мысли, и въ точности усматриваетъ прежде рожденія едва зачавшіяся въ умѣ слова. Взирая на сіе Око, страшусь и ужасаюсь, не могу поругать брачное ложе, этотъ источникъ естества, эту дверь, вводящую въ жизнь, которая причиною, что не оскудѣваетъ человѣческій родъ, и которая не дозволяетъ смерти угасить естество наше, но руки сѣкающей утомляетъ новымъ пасаженіемъ, и серпъ пожинающей препобѣждаетъ новымъ произращеніемъ, — которая уподобляется веснѣ, являющейся послѣ грабительствъ зимы, и снова одѣвающей, что было обнажено ею. Ты пріяла на себя иго, жена; люби это иго. Не разрывай ярма, и не смотри на то, что въѣ, но обращай взоръ на супруга. Съ нимъ повельно тебѣ влечь земледѣльческій плугъ. Не безчести сунружескихъ законовъ и уставовъ природы, не причиняй поруганія ложу, сподобившемуся чести отъ Бога. Ты поставлена господствовать надъ другими, не будь рабою сластолюбія, не оскорбляй господства лукавымъ снмъ рабствомъ, рабственныхъ похотей не дѣлай госпожами души, не извращай порядка, не отнимай власти у разсудка, не вручай броды страстямъ. Миѣ же-

лательно, чтобы и ты стала свободною отъ страстей. Но если и не послушаешься, не захочешь освободиться отъ упоенія, то я не соглашусь быть преступникомъ закона. По тѣлу я рабъ, а не по душѣ. До и по другой причинѣ ненавижу несправедливаго дѣла. Одолженный вашими многими благодареніями, обладательница моя, не согласенъ я воздавать господину противнымъ. Будучи купленъ за деньги, предпочтенъ я урожденнымъ въ домъ, вчера, или за день вступилъ къ вамъ въ домъ, принялъ броды правленія надъ всѣмъ, господинъ поставилъ меня попечителемъ надъ всѣми въ домъ, и не давно купленному вельмъ быть властелиномъ всѣхъ. Тебя одну, уважая законы брака, оставилъ внѣ предѣловъ моего господства. Поэтому, какими глазами буду смотрѣть на того, кто столько почтилъ меня, если воздамъ ему такимъ поступкомъ? Гнусно, обладательница моя, крайне гнусно забвеніе милостей, непамятованіе благодарній. Но и этого хуже, до крайности хуже обида, и при томъ такая обида, сдѣланная благодѣтелю. Хранить, а не расхищать, поставленъ я господское достоиніе. Не сдѣлаюсь грабителемъ вмѣсто надежнаго стража. Не коснусь того, что поставлено внѣ моей власти, не буду подражать прародителю Адаму, который, принявъ во власть всѣ растенія, простеръ руку къ оставшемуся внѣ его власти, и пожелавъ одного, лишился всѣхъ.—Такъ объяснялся этотъ рабъ предъ лукавой этой госпожей, ни рабство, ни лукавство госпожи не сдѣлали ему вреда, лучше же сказать, показали его въ большемъ блескѣ, подобнымъ золоту, или драгоценному камню. Но послыку

не убдиль словами, и принуждаемый долженъ былъ спастись бѣгствомъ ; то, бросивъ одежду, ушелъ нагой, подъ однимъ покровомъ цѣломудрія; потому что не стыдился, какъ Адамъ по преступленіи; но какое тотъ имѣлъ понятіе о тѣлесной наготѣ до преступленія, съ такимъ же и онъ вышелъ отъ госпожи. Тогда прибѣгаетъ она къ клеветѣ, увѣряетъ въ ней мужа, защитника цѣломудрія называетъ злоумышленникомъ противъ цѣломудрія. А онъ, молча, принимаетъ приговоръ господина, и не хочетъ обнаружить лукавства госпожи; рѣшается лучше молчаніемъ подтвердить клевету, нежели раскрыть злой умыслъ и обличить госпожу въ явномъ непотребствѣ. Далъ онъ ей совѣтъ, какой должно было дать, а жалобы, какую могъ произнести, не произнесъ; но какъ осужденный заочно, не являясь предъ очи судіи, не слыша обвиненій, принялъ наложенное наказаніе, переселился въ темницу, заключенъ въ узы съ злодѣями, и всѣ несчастія перенесъ мужественно.

Но множество другъ за другомъ непрерывно слѣдующихъ бѣдствій не расхитили въ немъ душевной силы, и мужества не превратили въ боязнь. И въ несчастіяхъ столько имѣлъ онъ веселости и благодушія, что ободрялъ и другихъ узниковъ, и если видѣлъ кого унывающимъ, утѣшалъ его. Признакомъ душевнаго расположенія служитъ часто положеніе лица; съ движеніями мысли не только согласуется цвѣтъ въ лицѣ, но и движеніе глазъ, поднятіе и опущеніе бровей. Возбужденіе гнѣва показываетъ грозный взглядъ очей, а тихое состояніе негнѣвливости даетъ видѣть сложеніе вѣждъ, произ-

водящее улыбку; сжатіе бровей на средину чела подаютъ мысль о заботахъ, а дугообразное поднятіе тѣхъ же бровей вверхъ—о надменности. Посему, такъ какъ большая часть душевныхъ движеній выражается на лицахъ, чудный этотъ подвижникъ, припимая лица, какъ бы вѣстниками какими души, ободряетъ унывающихъ. И однажды увидѣвъ, что въ уныніи двое изъ царскихъ слугъ, одинъ—главный виночерпій, а другій—главный хлѣбодаръ, заключенные въ темницу за какіе-то проступки, подходитъ къ обоимъ, спрашиваетъ, дѣпытывается причины унынія. Человѣкъ, обремененный столькими бѣдствіями, правнукъ Авраамовъ, внукъ Исааковъ, сынъ Іаковлевъ, котораго больше всѣхъ любилъ отецъ, на котораго смотрѣлъ, какъ на свѣтъ въ очахъ, въ которомъ находилъ свою отраду, впалъ въ рабство, терпя это бѣдствіе, не отъ взявшихъ его въ плѣнь какихъ-либо свирѣпыхъ варваровъ, но отъ поработившихся зависти братьевъ, и не въ неправдѣ какой уличившихъ его, но въ поводъ къ непріязни принявшихъ сны, не приводитъ себя этого и на мысль, а равно и того, что было съ нимъ по впаденіи въ рабство, и подвиговъ цѣломудрія, и осужденія послѣ одержанной побѣды, и наказанія вмѣсто вѣнца, и темницы вмѣсто хвалебныхъ провозглашеній, приходитъ же съ утѣшеніемъ къ другимъ, вдавшимся въ уныніе, и подобныхъ ему узниковъ спрашиваетъ, говоря: *что, яко лица ваша уныла днесь* (Быт. 40, 7.)? Когда же сказали, что видѣли сны, и что незнаніе, какъ истолковать ихъ, тревожитъ ихъ помыслъ, божественный этотъ мужъ не заплакалъ, услышавъ о снахъ, не предался сѣто-

вашию, вспомнивъ о своихъ несчастіяхъ, не пролилъ малодушной слезы, не зарыдалъ, не сталъ выстав- лять на среду печальной исторіи своихъ страданій; лучше же сказать, не сталъ громко смѣяться, услы- шавъ о снахъ, лживость которыхъ лживенно ви- дѣлъ дотоль, не сказалъ этимъ узникамъ: не знаете, видно, друзья, лживости сновъ, и не испытавъ, вѣроятно, обманчивости ихъ, желаете знать ихъ истолкованіе. Имѣя учителемъ опытъ, повелѣваю вамъ посмѣяться надъ сими снами; потому что не показываютъ они ничего истиннаго, предрекаютъ же все противное истинѣ. Надѣялся и я стать власте- линомъ братьевъ, начальствовать въ отеческомъ домѣ, повѣривъ некогда снамъ; и не только не по- лучилъ этого властительства, но, лишившись сво- боды, сталъ самымъ жалкимъ рабомъ, да и въ раб- ствѣ не попутнымъ ношусь вѣтромъ, но и здѣсь, подвергшись тысячамъ тревоженій, принужденъ жить въ темницѣ. Поэтому, пусть не смущаютъ васъ ночные призраки. Сны далеки отъ истины. — По- ничего такого не сказалъ, и не подумалъ муже- ственный этотъ узникъ, говоритъ же имъ: *еда не Богомъ изъясненіе ихъ есть? Повѣдите убо мнѣ* (8). Вездѣ у него Божіе имя, имъ украшаетъ вмѣстѣ и душу, и рѣчь свою. И говоря, что истолкованіе отъ Бога, отваживается на оное, какъ уготовившій себя въ Божій храмъ. Посему рассказали ему сны, и онъ истолковалъ, и раскрылъ, что было загадочно и прикровенно. По окончаніи же истолкованія, гово- ритъ главному виночерпцю: *по помани мя, егда благо ти будетъ: яко татьбою украденъ быхъ изъ земли еврейскія, и здѣ ничто зло сотворихъ, по*

ввергоша мя въ ровъ дома сего (14. 15.). Когда и нужда вызывала, не открывъ лукавства братьевъ, но прикрываетъ дѣло личиною татьбы, и тѣхъ, которые самымъ дѣломъ сдѣлали его рабомъ, не хочетъ обезчестить словомъ, изъ уваженія къ естеству скрываетъ обиду; и не только на братьевъ не жалуется, но и лукавства госпожи не дѣлаеть извѣстнымъ для незнающихъ онаго; извѣдавъ, что столько въ ней похотливости, непотребства, лжи, клеветы, злоумышленности, ничего этого не вывелъ наружу, но представилъ одно простое за себя оправданіе: *яко татьбою украденъ быхъ изъ земли еврейскія, и здѣь ничто же зло сотворихъ, но ввергоша мя въ ровъ* ограды сея. Смотри, какое любовіе въ словахъ его! Смотри, какое великодушіе въ мысляхъ! Смотри, какой нерабскій и неустрашимый образъ мыслей! Смотри, какаѧ душа! всегда она одна и таже, не превозносится въ благоденствіи, не унижается въ злополучіи, но всему посмѣвается, и скорбному, и пріятному въ жизни, удивляется же одной добродѣтели, и въ ней старается преуспѣвать. Какой вредъ причинила ему гнусность госпожи? Чѣмъ повредило лукавство еѧ? Поэтому не утверждай, что служить во вредъ рабамъ развратность господъ; ибо служащимъ у лукавыхъ господъ можно всѣми силами избѣгать подражанія лукавству.

А что не господство учитель лукавству, не богатство содѣтель порока, то смотри, этотъ же самый Іосифъ, освободясь отъ рабства и занявъ второе мѣсто въ царствѣ, не превозносится высокою властію, но начальство срастворяеть кротостію,

власть свою доказываетъ попечительностію, видитъ братьевъ, замышлявшихъ убійство, и не убиваетъ, вспоминаетъ о снахъ, и забываетъ о зависти, возбужденной снами. Ибо голодъ привлекъ братьевъ въ Египеть, и нужда заставила поклониться, когда не знали, кому кланяются. Сны, противъ которыхъ воставали, приведены въ исполненіе замыслившими содѣлать ихъ неисполнимыми; ради сновъ продавшіе брата, чтобы не кланяться, какъ предсказывали сны, продажею брата уготовали поклоненіе; потому что проданный сталъ рабомъ; ставъ рабомъ, возненавидѣлъ непотребство госпожи; возненавидѣвъ, претерпѣлъ оклеветаніе, оклеветанный поселился въ узилищъ, заключенный истолковалъ сны слугамъ царскимъ, и чрезъ это дѣлается извѣстнымъ царю, успокоиваетъ его, встревоженнаго снами, и ясно истолковавъ, и присовѣтовавъ, что должно дѣлать, поставленъ уже распорядителемъ того, что самъ присовѣтовалъ. Обиліемъ плодовъ умѣряетъ ожидаемое неплодіе земли; обильные сборы хлѣба сберегаетъ во врачество отъ голода, и дѣлается питателемъ не Египтянъ только, но и братьевъ, которые отдали его на снѣдніе. Такъ въ дѣйствительности кланяются ему тѣ, которые позавидовали поклоненію въ снахъ, и непринявшіе поклоненія во снѣ на самомъ дѣлѣ воздали ему поклоненіе. А онъ, хотя пріемлетъ поклоненіе, однакоже не воздаетъ братьямъ тѣмъ же, что сдѣлано ими, но питаетъ ихъ, услуживаетъ имъ, даромъ снабжаетъ ихъ хлѣбомъ. Напоследокъ же, увидѣвъ единоутробнаго брата, устройвъ мнимую улику въ зломъ умыслѣ, когда примѣтилъ, что крѣпко стоятъ они за юношу,

и попеченіе о старцѣ отцѣ предпочитаютъ собственной своей свободѣ, сложивъ съ себя грозную личину и повелѣвъ всѣмъ идти изъ судилища, говорить: *азъ есмь Іосифъ братъ вашъ, его же продасте во Египетъ (45, 4).* И чтобы для пораженныхъ внезапнымъ страхомъ не сдѣлался гибельнымъ такой ударъ, немедленно присовокупилъ, сказавъ: *и нынѣ не убойтеся, ниже жестоко вамъ да левится: на жизнь бо посла мя Богъ предъ вами (5).* Поелику видѣлъ, что нѣтъ у нихъ никакого оправданія, что языкъ ихъ связанъ грѣхомъ; то самъ, претерпѣвшій тысячи бѣдствій, въ сторону отлагаетъ обвиненіе, и замѣняетъ оное оправданіемъ. *На жизнь бо посла мя Богъ предъ вами, препитати народъ многочисленный (7).* Не ваше это дѣло, говоритъ онъ, но Божіе; не огорчайтесь моимъ рабствомъ, оно было по Божію смотрѣнію. Отложите страхъ, изъ этого не вышло ничего худаго; чрезъ рабство пріялъ я власть надъ всѣмъ Египтомъ, чрезъ рабство сталъ я вторымъ по царь, и мнѣ ввѣрено править бродами великаго народа. Таковъ былъ Іосифъ, и рабствуя, и царствуя; таковъ—и въ благополучіи, и въ злополучіи, таковъ—и бѣдствуя, и премного благоденствуя. Поэтому, не богатство, не господство, не бѣдность, не рабство раждаютъ порокъ, но вездѣ превозмогаетъ произволеніе духа.

А что лукавство господъ не вредитъ добродѣтели слугъ, не трудно дознать и изъ другихъ примѣровъ. Кто изъ обучившихся божественному не знаетъ Ахаавова лукавства и Іезавелина злостія и бѣснованія противъ Бога? Однакоже Авдїи, имъ служа,

и отъ нихъ имѣя ввѣренное смотрѣніе надъ домою, не только не слѣдовалъ по стопамъ господь, но даже шелъ путемъ противоположнымъ. Они, неистовствуя противъ Пророковъ Божіихъ, всѣхъ спѣшили предать смерти, и въ забаву вмѣняли себѣ истребленіе Божіихъ служителей, усиливался совершенно угасить всякую искру благочестія. Но Авдій противодѣйствовалъ нечестивымъ поступкамъ господь, и старался въ цѣлости сохранить свѣтильникъ благочестія, и сто Пророковъ скрывъ въ пещерахъ, препиталъ ихъ, когда цѣлую вселенную обдержалъ жестокой голодъ, какой въ наказаніе за нечестіе наслалъ на людей великій Илія. Авдія не устрашило звѣрское опредѣленіе господь, не привело въ болзнь избіеніе благочестивыхъ, мучительный голодъ и скудость въ необходимомъ не сдѣлали его скуднымъ на услуженіе святымъ Пророкамъ. Напротивъ того, гнушался онъ жестокости господь, а Пророкамъ въ достаткъ давалъ потребное, спасеніе ихъ предпочитая своей безопасности, и жизнь безъ нихъ признавая для себя смертію. И въ чемъ не выказывалось ни малой вражды противъ Бога, въ томъ исполнялъ онъ надлежащее служеніе господамъ. Законы же, издаваемые противъ Сотворшаго, признавая достойными смѣха, ненавидѣлъ издававшихъ, и сожалѣлъ о принуждаемыхъ исполнять повелѣнное. Но такое служеніе почитая гибелію, спасалъ тѣхъ, кого вѣрно было убивать, признавая, что кончина въ благочестіи честнѣе жизни въ нечестіи. Поэтому не повредило ему развращеніе владыкъ; напротивъ того, лукавство господь содѣлало его славнымъ и знаменитымъ. Ибо всего крѣп-

че рѣшительное намѣреніе предпочитающаго благочестіе, всего сильнѣе душа, которая не хочетъ служить пороку.

Но не знаю, что мнѣ дѣлать, потому что добродѣтель людей доблестныхъ вынуждаетъ у меня слово, и заставляетъ длить оное сверхъ мѣры. Поэтому, продолживъ оное, перейдемъ къ другому примѣру. Последнимъ царемъ у Іудеевъ былъ нѣкто Седекія, который болѣзновалъ великимъ нечестіемъ, и не терпѣлъ даже слышать божественныхъ предвѣщаній. Онъ-то божеотвеннаго Іеремію, который тогда пророчествовалъ, и передавалъ людямъ Божіи повелѣнія, заключилъ въ ровъ съ зловонною тицею; потому что Іеремія предрекалъ царю крайне горестныя и скорбныя событія. Но одинъ служитель, Эіоиплнинъ, евнухъ Авдемелехъ, не представивъ въ умѣ ни величія царской власти, ни господствующаго нечестія, ни сильнаго гнѣва на Пророка, ни бѣдствій рабства, обличаетъ неправедный приговоръ царя, обвиняетъ въ незаконномъ поступкѣ съ Пророкомъ, указываетъ на Того, Кто надъ всею надзираетъ, и устрашаетъ царя правдивымъ наказаніемъ. Такъ совѣтникомъ дѣлается служитель царю, эвнухъ мужу, иноземецъ туземцу, Эіоиплнинъ Израильянину, потомокъ Хамовъ ведущему родъ свой отъ Сима; и царя убѣждаетъ онъ благочестивыми словами, и Пророка изводитъ изъ этого горькаго, темнаго и зловоннаго заключенія, и снабжаетъ его необходимою пищею во все время осады города. Въ награду же за благочестіе пріемлетъ отъ Бога благословеніе. Когда городъ взятъ, и всѣ живущіе въ царскомъ дворцѣ избиты, онъ, по обѣтованію

Божію (Іер. 39, 15. 17.), улучшаетъ спасеніе. Посему явствуетъ изъ сказаннаго, что добрымъ слугамъ не только не вредятъ лукавые господа, а напротивъ того первые отъ послѣднихъ пріобрѣтаютъ великую пользу.

Тоже можно еще дознать и инымъ образомъ. Когда городъ Іерусалимъ за великое беззаконіе былъ опустошенъ, многіе истреблены голодомъ, многіе преданы смерти на войнѣ, оставшихся же царь халдейскій отвелъ плѣнниками въ Вавилонъ, а потомъ, отдѣливъ имѣвшихъ благородное происхожденіе, отличавшихся красотою тѣла и цвѣтущихъ юнымъ возрастомъ, повелѣлъ жить имъ въ царскихъ чертогахъ и исправлять царскую службу; тогда прежде всего отдалъ приказъ, хорошимъ содержаніемъ, яствами и припасами, приносимыми съ царскаго стола, вознаградить въ нихъ то, что потерпѣли во время осады и долгаго пути. Усмотри же и изъ этого благородство оныхъ божественныхъ отроковъ. Ни взятіе города, ни сожженіе Божіа храма, ни запустѣніе неприступнаго и неприкосновеннаго святилища, ни то, что божественные сосуды стали добычею варваровъ, ни истребленіе царей, ни избіеніе священниковъ, ни поселеніе вдали отъ святыни, ни пребываніе на чуждой землѣ, ни недостатокъ учителей, ни нечестіе державствующихъ, ни нужды рабства, ни тяжкое иго царя, ни незрѣлость возраста, ни пристрастіе къ жизни, ни страхъ кончины, ни иное что-либо сему подобное не убѣдило ихъ, хотя въ маломъ чемъ, преступить и нарушить предписанія закона. Но сдѣлавшагося ихъ попечителемъ умоляютъ они, давать имъ пищу изъ

сѣмень; потому что гнушались царскою пищею, мерзкими почитали разнообразныя сіи яства, видя, что оскверняли ихъ призываніемъ идоловъ. Столь-коже имѣли упованія на Бога отцевъ, любви къ Нему и вѣры въ Него, что дали обѣщаніе попечителю, отъ сѣмень оказаться доброзачувѣйшими питающихся царскими снѣдками. И не обманулись въ надеждѣ, но пожали плоды вѣры; какъ обѣщали, такъ и сдѣлалось; всѣхъ вообще пользовавшихся роскошными яствами были они нѣжнѣе и упитаннѣе, отличались большею красотою, украшались тѣлесною силою. Когда же время, идя своимъ порядкомъ, содѣлало ихъ совершенными мужами, и показали они опытъ своей добродѣтели, симъ плѣнникамъ дано начальство надъ природными жителями страны, и тогда открывается имъ еще иное поприще. Высокомѣрный этотъ царь, въ безумной кичливости подражая отцу, воздвигаетъ огромный этотъ кумирь, сдѣланный изъ дерева и золота, и всѣмъ повелеваетъ поклоняться кумиру сему, какъ Богу, а нежелающимъ поклониться назначаетъ наказаніе—эту печь, разженную до крайней степени непрестаннымъ безъ мѣры прибавленіемъ дровъ. Тогда многіе въ угодность царю исполняли приказаніе; многіе дѣлали это по обычаю, и какъ одному изъ идоловъ воздавали и кумиру сему чествованіе; но нашлись и такіе, которые по страху быть сожженными губили души, и уязвляемые совѣстію воздавали кумиру божеское чествованіе. Но Ананія, Азарія и Мисаиль, сіи мужественные питомцы закона, наследники Авраамовой вѣры, подвижники благочестія, предтечи благодати, защитники вѣры, рабы

по тѣлу, свободные по образу мыслей, плѣнники, но душою превышавшіе царей, не только не поклонились кумиру добровольно, но обвиненные, какъ неисполнившіе приказа, никакого не приносятъ оправданія, но явно отказываются отъ поклоненія, и громогласно взываютъ: *есть Богъ на небесѣхъ, Ему мы служимъ, силенъ изъяти насъ отъ пещи огнемъ горящія, и отъ руку твою избавити насъ, царю: аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и тѣлу златому, еже поставилъ еси, не кланяемъ* (Дан. 3, 17. 18.). Не за награды служимъ мы Сотворшему, и благочестіе не къ тому у насъ служить, чтобы купить спасеніе, нѣтъ у насъ желанія, какимъ бы то ни было образомъ, только бы получить жизнь. Напротивъ того, любимъ волю Владыки. Если избавитъ насъ отъ бѣдъ, исповѣдуемъ Ему благодареніе. А если попуститъ и впасть въ бѣдствія, поклоняемъ Ему. Что можетъ Онъ укрѣпить насъ и въ наказаніяхъ, какія угрожаютъ намъ, знаемъ, и ни мало не сомнѣваемся въ томъ. Но угодно ли Ему это, не знаемъ; потому что глубина промысла Божія неизслѣдима. Посему, не медли, но предавай насъ уготованнымъ наказаніямъ. Для насъ пріятнѣе смерть въ благочестіи, нежели жизнь въ нечестіи.—Такъ сказали отроки, и царь не умедлилъ, ввергъ ихъ связанныхъ въ пещь. Но огонь разрѣшилъ желѣзные узы, сохранилъ же удобосгараемое естество волосъ; не захотѣлъ коснуться предложенной ему пищи, но обратился въ бѣгство, показалъ тѣло, и устремился на своихъ поклонниковъ, а Божіихъ слугъ сохранилъ неповрежденными. Новое и не-

обычайное произошло чудо. Тѣ, которые были среди огня, и ходили по углямъ, не испытали на себѣ дѣйствія пламени; а тѣ, которые стояли внѣ печи, и доставляли пищу огню, сами сдѣлались пищею огня. И послѣдніе востенали, сгарая, а первые ликовали въ печи, и всю тварь призывали къ общенію въ пѣснопѣннѣи, даже стихіямъ, которымъ поклонялись неразумные, повелѣвали воспѣвать благодѣтеля. И такова была сила сего чудодѣйствія, что самъ этотъ надменный и неистовый мучитель пришѣлъ, и поклонился отказавшимся кланяться кумиру, и всѣмъ подданнымъ повелѣлъ чтить Бога ихъ.

Такъ и великій Даниль, подпадшій одному бѣдствію съ сими отроками, содѣлавшійся плѣнникомъ, и принужденный жить съ варварами, въ точности сохранялъ отеческій законъ, и живя по оному, соблюлъ душу чистою и искреннею, и сіялъ такими лучами добродѣтели, что и звѣронравнаго мучителя изумилъ молніеноснымъ ея блистаніемъ; и сперва сдѣлалъ ему извѣстными невѣдомые сны, потомъ изъяснилъ, что требовало изъясненія, указалъ и присоветовалъ, что могло послужить въ пользу. И должно ли пересказывать все блистательно имъ совершенное: какъ царь запретилъ молиться и испрашивать что-либо у Бога, и какъ Даниль, молившійся по закону и прежде дѣлавшій это тайно, когда изданъ былъ злочестивый законъ, продолжалъ молиться Богу явно, смѣясь надъ закономъ и презирая законодателя; какъ отданъ львамъ, какъ и ихъ поразилъ лучами благочестія, и чертами Божія образа, какъ бы удилкомъ какимъ, преградилъ

неистовыя ихъ уста, какъ на зрѣлище чуда сего привлекъ злочестиваго царя, какъ и его научилъ, что Богъ Евреевъ есть Творецъ и Владыка всѣхъ, какъ обличилъ идольскій обманъ? Все это можно дознать изъ исторіи, и пріобрѣсти ясное свѣдѣніе, что и служащіе лукавымъ господамъ могутъ не отпечатлѣвать въ себѣ никакого лукавства, но достигать самаго верха добродѣтели, и господь освободить отъ заблужденія, приводить къ истинѣ, и для многихъ другихъ служить примѣромъ спасенія. Посему, никто да не обвиняетъ рабства, и не думаетъ, будто бы лукавое владычество препобѣждаетъ добродѣтель рабовъ, но повсюду да усматриваетъ промысленіе Божіе.

Но, можетъ быть, скажетъ кто нибудь: почему Богъ всяческихъ и жившихъ беззаконно предаль царю вавилонскому, да и праведнымъ попустилъ содѣлаться плѣнниками? Какого промысла видно въ семъ дѣло? Какая правда въ такомъ опредѣленіи? Не видны ли въ этомъ безпорядокъ, неустройство и слитность? Но говорить это рѣшаются незнающіе бездны Божія домостроительства. А сподобившіеся тайноводства и вкусившіе божественныхъ тайнъ знаютъ и причину и корень сего. Человѣколюбець печется о согрѣшающихъ, и вразумляетъ ихъ, и одного человѣка не хочетъ оставить безъ попеченія о немъ. Поэтому, посылая въ плѣнъ беззаконныхъ, посылаетъ съ ними вмѣстѣ, какъ бы нѣкіими пѣстунами и наставниками, и людей добродѣтельныхъ, чтобы ихъ жизнию и словомъ и тѣ, какъ нѣкіимъ свѣтильникомъ, озаряясь, могли сколько нибудь идти непогрѣшительной стезею. А что

плѣнъ ихъ не только былъ иною спасенія для со-
племенниковъ, но и иноплеменныхъ озарилъ свѣ-
томъ Боговѣдѣнія, — свидѣтель сему исторія. Посему,
если отличались они подвигами, и содѣлались слав-
ными и знаменитыми, оставили полезный примѣръ
позднимъ родамъ, были причиною спасенія для
плѣненныхъ вмѣстѣ съ ними, доставили пользу вар-
варамъ, сохранивъ неповрежденнымъ благочестіе,
и чрезъ него совершивъ великія чудеса: то почему
обвиняешь Промыслъ, предустроявшій все тому
подобное? Почему не восхваляешь паче Домострои-
теля душъ, Правителя твари, такъ премудро и на
пользу все направляющаго?

Такъ изъ словесъ Божіихъ показалъ я, что и
для служащаго лукавому господину возможно, и
избѣжать порока, и преуспѣвать въ добродѣтели, и
господамъ доставлять много поводовъ къ пользѣ;
а ты обрати взоры на тѣхъ, которые нынѣ вмѣстѣ
съ тобою пребываютъ въ рабствѣ, и увидишь, что
многіе, находясь въ рабствѣ у невоздержныхъ, гну-
шаются невоздержаніемъ, чтутъ же цѣломудріе, и
не отпечатлѣваютъ въ себѣ ни одного порока своихъ
господъ, но подражаютъ жизни недавно описан-
ныхъ нами мужей. И какъ изъ сказаннаго, такъ пзъ
видѣннаго, уразумѣвъ свободу естества нашего, и
дознавъ премудрость Божія промысла, провозгласи
отреченіе, и изглашаемую тобою нынѣ хулу перемѣни
на пѣснопѣніе, и изглашенія твоихъ устъ, которыя
до нынѣ были противъ Бога, да будутъ на славу
Божію, и да воспѣвается ими промыслъ Творца
Христа Бога нашего! Ему слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 9.

О ТОМЪ, ЧТО ТРУДЪ ПРАВДЫ НЕ БЕЗПЛОДЕНЪ , ХОТЯ И НЕ ВИДЕНЪ ВЪ НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ, И О ВОСКРЕСЕННИИ, ДОКАЗЫВАЕМОМЪ УМОЗАКЛЮЧЕНИЯМИ ЕСТЕСТВЕННАГО РАЗУМА.

Еслибы всѣ пожелали внять сему доброму совѣту, ясно взывающему: *крѣпшихъ себе не ищи, и глубочайшихъ себе не испытуй, яже ти повелѣна, сіа разумѣвай* (Сирах. 3, 21.); то намъ бреваящемуся доказать Божіе о всемъ промышленіе не было бы нужды во многихъ словахъ. Ибо освободившимся отъ излишней и суетной пытливости совсѣмъ не трудно и весьма легко усмотрѣть, что Оно крѣпко держится за кормило вселенной, и премудро всѣмъ править. Но поелику много такихъ людей, которые не хотятъ видѣть сего добровольно, но смѣжаютъ глаза, затыкаютъ уши, не хотятъ внимать отвсюду несущемуся гласу, надъ всѣмъ , что такъ хорошо и прекрасно содѣваетъ Богъ , смѣются, хулятъ, охуждаютъ это, собираютъ тысячи всякихъ малостей, соплетая ложное обвиненіе: то, думаю, что справедливо приняли мы на себя трудъ говорить противъ сего обвиненія, съ намѣреніемъ показать, что оно клевета, а не прямая улика. И призвавъ на помощь тотъ самый Промысль, который оспариваютъ они, его предпоставивъ защитительному сему слову, изложили мы уже восемь словъ, обличая хулу неблагодарныхъ, обли-

чителями и вмѣстѣ и свидѣтелями ихъ неблагодарности изводили на среду небо, землю, море, воздухъ и всѣ на нихъ тѣла, одушевленные и неодушевленные, словесныя и безсловесныя, летающія и ходящія по землѣ, плавающія въ водахъ и земноводныя; сверхъ сего представляли устройство человѣческаго тѣла, въ каждомъ его членѣ ясно открывающуюся Божію премудрость и Божіе промышленіе, богоданный даръ разума, при помощи котораго естество человѣческое изобрѣло земледѣліе, мореходную, врачѣбную науки, грамматику, и всѣ иныя искусства и познанія, содѣйствующія къ тому, чтобы жизнь человѣческую содѣлывать пріятною; при помощи Божіей показали также потребность животныхъ кроткихъ и свирѣпыхъ, пользу богатства и бѣдности, необходимость рабства и господства; потомъ кромѣ сего доказали и то, что рабствующіе, если желаютъ пребывать въ цѣломудріи, никакого вреда не навлекаютъ на себя отъ господъ живущихъ порочно; и на сіе представили доказательства изъ божественнаго писанія; а разысканіе о живущихъ въ рабствѣ нынѣ, представили самимъ жестокимъ обвинителямъ Промысла; потому что и нынѣ можно видѣть у господъ лукавыхъ тысячи рабовъ, не только неподражающихъ господскимъ порокамъ, но и весьма ими гнушающихся, любящихъ честность и идущихъ путемъ противоположнымъ пути господъ.

Но, можетъ быть, извлекутъ изъ сего еще иныя предлогъ къ обвиненію Божія Промысла, и скажутъ, что питомцы добродѣтели трудятся напрасно, сѣютъ, какъ говорится, на камень, черпаютъ воду рѣше-

томъ, и дѣлають много сему подобнаго, вовсе не получая добрыхъ плодовъ. Одни, скажутъ намъ, живутъ въ бѣдности, проходятъ жизнь обреченные на великое злостраданіе; другіе влекутъ тяжкое иго рабства, несутъ непрестанные труды, а что и сего гораздо хуже, многіе, гнушаясь порокомъ, принуждены служить порочнымъ господамъ. Какая же, спросятъ, имъ награда? какое воздаяніе за добродѣтель? какое возмездіе за труды? какой плодъ ихъ потовъ? какое вознагражденіе за подвиги? Ибо не видно, чтобы всѣ, кому выпалъ жребій рабствовать, получали свободу, не примѣтно того, чтобы получившіе въ удѣлъ бѣдность и содѣлавшіеся рачителями добродѣтели, со временемъ переходили въ число богатыхъ; напротивъ того большая ихъ часть оставались въ прежнемъ злостраданіи.

Но ты, жалкій и по землѣ пресмыкающійся чело-
вѣкъ, измѣряешь благополучіе по чреву, ланитамъ
и бровямъ, и считаешь предѣломъ благоуспѣшности
имѣть возвышенную колесницу, копыносцевъ, кра-
сивую верхнюю одежду, хорошо выѣзженныхъ коней
съ блестящими украшеніями на лбу и груди, голо-
систаго глашатая, высоко взгроможденный домъ,
гостинныя, разцвѣченныя евбейскими и ѳессалій-
скими камнями, испещренныя живописнымъ искус-
ствомъ, усыпанныя цвѣтами ложа, тарелки, при-
боры, кубки, благовоныя вина, сикелійскій и сибар-
итскій ужинъ, и все прочее, что только служитъ
къ жизни раздольной, изнѣженной, роскошной. Но
всякой благомыслящій обыкновенно все это не толь-
ко не называетъ благополучіемъ, а даже признаетъ
крайнимъ злополучіемъ и бѣдствіемъ; потому что

Правитель всяческих далъ людямъ богатство не на то, чтобы расточать его на непотребство, и обращать въ напутствіе къ пороку; но на то, чтобы, хорошо и разумно имъ распорядившись, и какъ у себя самихъ имѣя въ достаткѣ, что должно, такъ излишнимъ ссужая нуждающихся, дѣлать его средствомъ къ цѣломудрію и справедливости. И не только самъ Богъ всяческихъ такъ установилъ сіе, и не только святые мужи, слѣдуя владыкѣ, любятъ сіи установленныя предѣлы; но и вы даже, болѣзнуюющую крайнею неблагодарностію, имѣете обычай обвинять столь худо употребляющихъ богатство, лучше же сказать, ихъ удостоиваете извиненія, хулите же **Правителя** всяческихъ, въ обладаніе столь порочнымъ людямъ давшаго богатство. Поэтому и вамъ самимъ кажется, что не такую роскошную жизнь называть должно счастіемъ, но что жизнь праведная и цѣломудренная достойна одобренія и высочайшей похвалы, и будетъ ли она въ бѣдности, или въ изобиліи, заслуживаетъ одинаковыхъ вѣнцевъ. Думаю же, что тѣхъ, которые въ бѣдности прилагаютъ попеченіе о добродѣтели, какъ выказывающихъ большее терпѣніе, и вы удостоите даже сугубыхъ вѣнцевъ.

Но не сію награду имѣютъ ревностно служащіе Богу, и не сіе воздаяніе въ виду у ревнующихъ о божественныхъ законахъ. Известно, что похвала человѣческая многихъ часто портитъ, ослабляетъ усердіе, и задерживаетъ въ теченіи. Иной, подумавъ, что достигъ уже конца теченія (эту мысль внушаетъ похвала), перестаетъ простираться впередъ, и теряетъ побѣду. Сіе дасть видѣтъ и Богъ всяческихъ,

сказавъ устами Пророка: *людіе Мои, блажащій васъ льстятъ вы, и стези ногъ вашихъ возмущаютъ* (Пса. 3, 12.); потому что похвалами ослабляютъ ревность усердія, и не дозволяютъ достигнуть цѣли. Такъ совершалъ теченіе блаженный Павелъ, не внимая ни похваламъ ни хуламъ, но задняя забывая, въ предняя же простирался и со усердіемъ гоня къ почести вышняго званія (Филп. 3, 13. 14.).

Поэтому хранители божественныхъ законовъ не въ похвалъ человеческой поставляютъ награду за труды, но ожидаютъ исполненія Божіихъ обѣтованій, въ упованіи на Мздовоздаятеля подвиговъ, ожидаютъ вѣнцевъ неувядаемыхъ, чаютъ себѣ богоданныхъ наградъ, ждуть приговора праведнаго Судіи, воскресенія тѣла, вознесенія на небеса, ликостоянія съ Ангелами, паче же всего этого, непрестаннаго лицезрѣнія самаго Любимаго имъ, ради Котораго, переплывая море жизни, боролись они съ волнами порока, и потопляемые многими трудами, не захотѣли погрязнуть, но съ трудами сопрягши желаніе достигнуть пристани, подкрѣпляли тѣмъ свою немощь. А пристанію сію, устремившіеся на высоту добродѣтели, имѣютъ не жизнь, не воскресеніе, не иное какое-либо изъ желанныхъ благъ, но Самаго воздержнаго, ради Котораго и злостраданіе вмѣняли въ наслажденіе, и многотрудное дѣланіе въ сладкій сонъ, пребываніе въ пустыняхъ почитали отраднѣйшимъ пребыванія въ городахъ, жизнь въ бѣдности—преимущественнѣйшею жизни въ богатствѣ, горькое рабство—пріятнѣйшимъ всякаго самоуправства. Сей-то награды ожидаютъ дѣлатели добродѣтели. Ибо есть наследіе у служащихъ Го-

споду, какъ взываетъ Пророкъ Исаія (Ис. 65, 9.). Свидѣтельствуеть же и блаженный Давидъ, слагая благодарственную пѣснь Подателю благъ, и говоря: *далъ еси достояніе болѣщимся имене Твоего, Господи* (Псал. 60, 6.). Да и Самъ Владыка Христосъ столь же великія блага изображаетъ въ священномъ евангеліи, говоря: *блажени нищій духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное. Блажени кротцыи: яко тѣи наслѣдуютъ землю* (Матѣ. 3, 5.); и прочее, за симъ слѣдующее, кому угодно, безъ труда можетъ самъ дознать, раскрывъ божественныя книги. Ибо тоже найдетъ и въ раздаяніи талантовъ, и въ притчѣ о десяти дѣвахъ, и въ иносказательномъ разлученіи овецъ отъ козлищъ, и въ засѣянной нивѣ, которая пріяла на себя и плевелы, и въ мрежѣ, которую закинувши опустили въ море, и уловили всякихъ безъ разбора рыбъ, а потомъ сдѣлали имъ строгій разборъ. Много подобнаго сему можно найти и въ апостольскихъ поучительныхъ писаніяхъ.

Поелику разысканіе всего этого содѣлало бы слово чрезмѣрно длиннымъ; то, предоставивъ сіе любознательнымъ, перехожу къ тому, что слѣдуетъ по порядку рѣчи. Да и по другой причинѣ, изъ божественнаго Писанія представлять доказательства о воздаяніяхъ за добродѣтель было бы дѣломъ напраснымъ и крайне излишнимъ. Вѣрующіе, что Богъ всяческихъ промышляетъ о людяхъ, не имѣютъ нужды въ нашихъ убѣжденіяхъ, но признають достаточнымъ для нихъ око вѣры и ученіе богодухновенныхъ словесъ; а не увѣровавшіе еще, одержимые же тмою невѣріа и болѣзну-

ющіе неблагодарностію къ Сотворшему, не тернятъ слышатъ словесъ божественнаго Писанія. Почему, оставивъ на сей разъ доказательства изъ Писанія, обличимъ ихъ умозаключеніями естественнаго разума.

Поэтому спросимъ ихъ: цѣломудріе, справедливость и прочія части добродѣтели признають ли они благами и виною благъ, или соприсчисляютъ къ тому, что худо? Но этого никакъ не потернитъ сказать и самъ отецъ грѣха. Ибо можно ли сказать сіе тому, кто съ дѣлателями сихъ добродѣтелей ежедневно ведетъ брань, какъ съ противниками, и всегда противопоставляетъ цѣломудрію невоздержность и справедливости неправду? Посему необходимо и имъ признаться въ этомъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ и не покушаться превзойти въ порокъ самого виновника грѣха; ибо по слову Господню, *нѣсть ученикъ надъ учителя* (Матѣ. 10, 24.).

Посему еще спросимъ ихъ: если добродѣтели сіи прекрасны, и изъ прекрасныхъ прекраснѣйшія, если опъ блага, и наилучшія изъ благъ, и никто, если не крайне безразсуденъ и лишенъ здраваго смысла, не будетъ спорить, что сіе дѣйствительно такъ; то, конечно, и любителямъ ихъ надлежитъ именоваться прекрасными и добрыми, и имѣть плодъ не только равномѣрный трудамъ, но и во много кратъ ихъ большій. Ибо не странно ли это? Земледѣлецъ, вложившій въ землю сѣмена, въ награду за труды пожинаетъ во много разъ больше посѣяннаго, а также и садовникъ насаждающій деревья, имѣетъ утѣшеніе въ уродившихся плодахъ,

а у тѣхъ однихъ, которые заботятся о добродѣтели, содѣлались хранителями онаго божественнаго сада, и въ попеченіи объ оныхъ насажденіяхъ пролили много пота, истощили много труда, и трудъ безплоденъ, и потъ не вознагражденъ? Занимающіеся упражненіемъ тѣла и голоса получаютъ вѣнцы, пріемлютъ награды, удостоиваются рукоплесканія зрителей, а добродѣтель менѣе цѣнится, нежели искусство борца и кулачнаго бойца? И для этого величайшаго подвига нѣтъ ни зрителей, ни мздовоздаятеля, ни почести, ни награды, ни вѣнца? И представляющіе трагедіи и комедіи имѣютъ нѣчто въ виду, для чего упражняются въ искусствѣ, въ надеждѣ вѣнцевъ переносятъ труды; и правящіе колесницами отваживаются на опасности въ ожиданіи побѣды, въ чаяніи похвалы зрителей,—а притомъ берутъ плату и съ тѣхъ, чьего завода кони; и кормчій, имѣя цѣлю пристань, осмѣливается бороться съ волнами, и ободряемый желаніемъ получить прибыль, выноситъ прираженія бурь; и кожевникъ, и ковачь мѣди, и всякій занимающійся какимъ-либо ремесломъ ждетъ конца трудовъ, и съ утомительностію ремесла соединивъ чаяніе выгоды, находитъ срастворенное съ трудами удовольствіе: а одно только, какъ видно, упражненіе въ добродѣтели, пожелаетъ ли кто назвать его искусствомъ, или наукою ратоборства и подвижничества, или воздѣлываніемъ и насаженіемъ, не имѣетъ доброй цѣли, которая могла бы утѣшать во время трудовъ? Но напрасно преуспѣваютъ въ цѣломудріи цѣломудренныя, и борясь со многими и различными страстями, усиливаются угасить ихъ

пламень? Напрасно дѣлатели справедливости ведутъ брань съ неправдою, удерживаясь отъ чужаго и расточая свою собственность? Безполезно и пріобрѣтеніе мужества для преуспѣвающихъ въ ономъ; потому что, великодушно перенося встрѣчающіяся имъ огорченія, не имѣютъ Мздовоздателя?

Но это — неправда, совершенная неправда. Ибо стяжаніе добродѣтели достойно удивленія и пріобрѣтенія. Это скажете и вы, невольно понуждаемые совѣстію. Ибо въдѣніе сіе врождено челоувку, и никто изъ обладающихъ онымъ не имѣетъ нужды въ словѣ придаточномъ, отъ Бога ли сообщаемомъ, или передаваемомъ людьми; потому что для наученія ихъ достаточно слова врожденнаго. Свидѣтельствуютъ и дѣлатели грѣха, которые совершаютъ его тайно, и, если бывають открыты, сами себѣ придумываютъ оправданіе; потому что подрывающіеся подъ стѣны, гробораскопатели, похитители, прелюбодѣи, убійцы и всѣ отваживающіеся на что-либо сродное съ симъ, стараются дѣлать это, употребивъ въ содѣйственники тму; а если кто покусится что-либо такое сдѣлать и днемъ, то въ помощь себѣ беретъ отсутствіе людей. Посему тѣмъ самымъ, что покушаются скрыть, показываютъ, какое понятіе имѣютъ о своемъ поступкѣ; ибо не стали бы скрывать, если бы предполагали, что поступаютъ хорошо; а покушаясь утаить, и страшась быть открытыми, сознаются, что дѣлаемое ими худо.

Поэтому и вы, крайне неблагодарные, знаете, какое благо — пріобрѣтеніе добродѣтели, и съ какими

ми весьма великими трудами сопряжено оное. А потому необходимо, чтобы оно, столько всеми своими и противниками похвояемое, и достигаемое съ великими трудами, имѣло достойное воздаяніе. Между тѣмъ видимъ, что въ настоящей жизни многіе домогаются сего приобрѣтенія, и ради онаго претерпѣваютъ великіе труды, но не все пользуются за это похвалою и честью; одни же устами всѣхъ прославляются, какъ любители добродѣтели, содѣлываются именитыми, и по кончинѣ имѣютъ приснопамятную славу; а другіе совершенно неизвѣстны и отъ всѣхъ сокрыты, и уподобляются жемчужинѣ, кроющейся въ глубинѣ моря, и заключенной въ раковинѣ. Посему, примѣчая это, размыслимъ сами съ собой, почему одни изъ предпочитающихъ всему божественное весьма славны, а другіе совершенно неизвѣстны; потомъ разсудимъ, что Творецъ и Судія всяческихъ, какъ правдивый, содѣлаетъ справедливое мздовоздаяніе Своимъ подвижникамъ, и всы правосудія не потерпятъ, чтобы нарушена была правда. А послѣ сего, усматривая, что тѣ и другіе скончались, но одни въ великой славѣ, а другіе въ крайнемъ униженіи, какъ самыя обыкновенныя люди, заключимъ еще, что Богъ уготовилъ иную нѣкую жизнь, въ которой хорошо жившихъ вознаграждаетъ по достоинству. Ибо тѣмъ, что нѣкоторыхъ почтилъ извѣстностію, далъ Онъ видѣть, каковы вѣнцы добродѣтели, а тѣмъ, что не все дѣлаются славными и именитыми въ настоящей жизни, открываетъ намъ жизнь ожидаемую. И честь, воздаваемая нѣкоторымъ, служитъ знакомъ правды Божіей; а то, что не все дѣлатели добро-

дѣтели получаютъ здѣсь равное воздаяніе, указываетъ на жизнь будущую, и утверждаетъ въ надеждѣ чаемыхъ благъ.

Посему Правитель всяческихъ въ настоящей жизни не всѣхъ жившихъ хорошо провозглашаетъ таковыми, а также и не всѣхъ жившихъ порочно наказываетъ, но иныхъ предастъ наказанію, какъ показывая симъ справедливость опредѣленія Своего, такъ тѣмъ же устрашая и призывая къ покаянію прочихъ: а не истребляетъ всѣхъ дѣлателей лукавства; и симъ опять предуказуетъ намъ будущую жизнь. Ибо, если бы не было иной жизни по преселеніи отсюда, то терпѣли бы явную несправедливость наказанные здѣсь, такъ какъ другіе избѣгаютъ наказанія; терпѣли бы очевидную несправедливость и крайне возлюбившіе лобомудріе, но не воспользовавшіеся за это ни малымъ вниманіемъ и честію, тогда какъ другіе, подобно имъ преуспѣвавшіе въ жизни, проходили оную въ великой славѣ. Но Источникъ правды наименовать несправедливымъ — это выше всякой хулы, и не оставляетъ уже никакой большей мѣры безумія. А если правдивъ (какъ и дѣйствительно правдивъ) надъ всѣмъ Назирающій, и все, что ни дѣлается, видитъ, судитъ правдиво, и ровно держитъ вѣсы правосудія, а если когда угодно Ему уклонить ихъ, и тогда прилагаетъ на нихъ приговоръ челолюбія, а не приговоръ неправды; то есть другая жизнь, въ которой и избѣжавшіе наказанія здѣсь понесутъ достойную казнь, и не воспользовавшіеся въ настоящей жизни никакою честію за труды,

подъятые ради добродѣтели, получать воздаяніе за пролитый ими потъ.

Но, можетъ быть, и вы сами сознаетесь въ этомъ. Ибо и Еллины, которымъ не проповѣдывалъ ни Пророкъ, ни Апостоль, ни Евангелистъ, руководясь одною природою, предполагали, что сіе дѣйствительно такъ, хотя и подвергались многимъ заблужденіямъ, къ истиннымъ мнѣніямъ примѣшавъ баснотворное; ибо и пѣнты и философы вѣрили и учили, и въ письменахъ оставили память такого ученія, что по преселеніи отсюда будутъ и наказанія людямъ порочнымъ, и милости мужамъ праведнымъ.

Потому, вѣроятно, и вы, убѣжденные и наученные природою и понуждаемые тѣмъ, что недавно нами сказано, согласитесь и признаетесь, что сіе дѣйствительно такъ, но предположите, что будетъ или упокоеніе, или наказаніе однѣхъ душъ, тѣло же, какъ совершенно бесполезное и неразумное, будетъ брошено и предано гніенію. — Какое же основаніе душъ, подвизавшейся и побѣждавшей вмѣстѣ съ тѣломъ, одной быть увѣнчанною, или, по разлученіи съ тѣломъ, одной подвергнуться мученію? Тогда наказываемая душа справедливо бы сказала Судивъ: не одна я преступала Твои законы, Владыка, но вмѣстѣ съ тѣломъ блуждала по стремнинамъ порока. Если должно говорить правду, опото и увлекло меня въ бездну грѣха. Его очами уловленная, окрадывала я чужія ложа, и засматривалась на красоту принадлежащую другому, ими понуждаемая обратить взоръ, пожелала достояній и имуществъ. И потому впала въ глубину неправ-

ды ; потому что страсти тѣла поработили меня, и лишили дарованной мнѣ Тобою свободы. Я принуждена была услуживать потребностямъ тѣла, какъ съ нимъ сверстная и раздѣляющая его рабство. Чрево нудило меня къ чревоугодию, а чревоугодіе производило многояденіе, а многояденіе порождало помыслы дѣлать неправду. Часто съ негодоваіемъ повиновалась я нуждамъ плоти, съ безпокойствомъ и крайнею скорбію принуждена бывала услуживать ея похотѣніямъ ; часто противилась, и мужественно отражала ихъ нападенія ; по непрерывность брани нерѣдко преодолевала меня, и я несчастная отдавалась въ плѣнь, покоряясь этой сестрѣ, и въ изнеможеніи скорбѣла о томъ. Ибо снова подвергалась мученіямъ, питая плоть терпѣла отъ нея козни, снова испытывала безпорядочныя ея движенія, и не знала, что дѣлать. И изнуреніе ея причиняло мнѣ великую скорбь, и попеченіе о ней дѣлало борьбу болѣе упорною, и возжигало новую брапь. Поэтому, не меня одну, Владыка, предавай наказанію, но, или вмѣстѣ съ тѣломъ и меня освободи отъ злостраданій, или вмѣстѣ со мною и его подвергни мученію.

Но и тѣло, хорошо послужившее изволеніямъ души (если только будетъ данъ ему какой-либо голосъ), скажетъ подобнымъ образомъ праведному Судіѣ: какъ скоро создалъ Ты меня, Владыка, тотчасъ вдохнулъ въ меня душу. Но, если о всякомъ пути естества заключать по началу, то прежде сподобилось я созданія, потомъ уже вложилъ Ты въ меня жизненную силу души. Наслаждалось я съ нею и жизни въ раю ; одно и тоже время чре-

воношенія проводили мы въ матерней утробѣ ; вмѣстѣ, по окончаніи мукъ рожденія, вошли въ эту жизнь, насладились симъ свѣтомъ, и стали дышать воздухомъ ; вмѣстѣ совершили путь жизни. Душа сама по себѣ никогда не сдѣлала ничего добраго ; но, употребляя въ содѣйственники меня, плоть свою, собирала богатство добродѣтели. Я, терпя изнуренія отъ поста, бдѣнія, возлежащій на голой землѣ и всякаго другаго злостраданія, чрезъ это скопила ей богатство. Я ее молящуюся ссужала слезами, ей, доведенной до воздыханій, на служеніе духу давала сердце. Моимъ языкомъ прославляла она Тебя ; мои уста употребивъ въ орудіе, приносила она Тебѣ моленіе. Мои руки воздвывая къ небу, пожинала плоды Твоего человѣколюбія. Моиши носимая ногами, приходила въ Твои святые храмы. Моиши пользовалась ушами для пріятія Твоихъ словесъ. Моиши очами смотря на солнце, на луну, на сонмъ звѣздъ, на небо, землю, море и всю видимую тварь, возводилась къ созерцанію Тебя, и по величію и красотѣ видимаго умопредставляла себѣ Создателя ; съ помощію Моихъ очей похищала скрытое въ письменахъ сокровище. Мои употребивъ въ орудіе персты, начертала въ письменахъ божественныя Твои ученія, и оставила о нихъ безсмертную память. Этими моими руками въ цѣлой вселенной воздвигла молитвенные дома. Моимъ пользуясь содѣйствіемъ, исполняла законы любви ; моими руками омывала ноги святыхъ ; моими руками удовлетворяла нуждамъ утѣсненныхъ, оказывала услуги утружденнымъ тѣламъ. Посему, Владыка, не разлучай меня съ

супружницею, изначала со мною соединенною, и не расторгай супружества, не просто и не случайно совершеннаго, но изначала самымъ Твоимъ созданиемъ определеннаго; однимъ награди вѣнцемъ одно протекшихъ поприще. Ибо сіе свойственно Твоей правдивости, сіе прилично праведному суду Твоему. — Сіе скажетъ и тѣло, хорошо подвизавшееся съ душою, если только данъ ему будетъ голосъ.

Но ни тѣло не скажетъ сего, ни душа жившая беззаконно; потому что Судія не имѣетъ нужды въ такомъ прошеніи; но какъ премудро править, такъ правдиво судить; и возвращая тѣло душамъ, всѣмъ удѣляетъ по достоинству. Ибо не странно ли, доблестнаго воина, одержавшаго побѣду въ битвѣ, когда соотечественники хотятъ почтить изображеніемъ, или живописать, или отлить, или ваять (смотря потому, что для изображенія употребленъ будетъ ими камень, или мѣдь, или дска) съ тѣмъ оружіемъ, которымъ дѣйствовалъ, обратилъ онъ въ бѣгство непріятелей; и если одержалъ побѣду стрѣляя изъ лука, изображать его съ лукомъ, а если побѣдилъ копьемъ, въ шлемъ, со щитомъ, то представлять въ этомъ вооруженіи, — а душѣ, подвизавшейся вмѣстѣ съ тѣломъ, препобѣдившей невидимыхъ враговъ, и сподобившейся имѣть живописателемъ Знждителя всѣхъ, остаться обнаженною и лишенною вооруженія? Можно же видѣть, что такой чести удостоиваютъ не военачальника только, но и борца, и кулачнаго бойца, и скорохода, и представляющаго трагедіи, и правящаго конницей. Ибо каждый изъ нихъ, въ ка-

комъ видѣ одержалъ побѣду, тотъ и удерживаетъ въ изображеніи. Одинъ стоитъ въ обуви на высокихъ каблукахъ, въ вошнской одеждѣ, съ личиною какого нибудь Инома, или Креона, и едва только не говоритъ всякому : этимъ я дѣйствовалъ , и этимъ побѣдилъ ; другой бѣжитъ обнаженный, показывая, какого рода его подвигъ ; иный представляется борцемъ, или держитъ вѣнецъ , и даетъ тѣмъ знать незнающимъ, какииъ подвигомъ онъ подвизался ; иный вступаетъ въ кулачный бой, и поражаетъ противника ; другой наружностію и бичемъ показываетъ, въ какомъ упражнялся искусствѣ, одержалъ побѣду. Посему не дѣлай безчестнѣйшимъ всѣхъ ихъ то естество , которое во всемъ этомъ преуспѣваетъ, и не думай, что Богъ, источникъ правды, несправедливѣе людей, не подозрѣвай, будто бы Онъ даже, подобно людямъ, не почтетъ Своихъ побѣдоносцевъ. Ибо, если люди, не во многомъ соблюдающіе справедливость, но и крайне о ней перадающіе, имѣютъ обыкновеніе такъ часто воздавать честь за сіи маловажные и бесполезные подвиги: то тѣмъ паче славныхъ и великихъ подвижниковъ добродѣтели, ея Законоположникъ и Мздовоздаятель почтитъ, увѣнчаетъ, и самую справедливость превзойдетъ величіемъ даровъ.

Но знаю, почему дошелъ ты до такой хулы ; по своей немощи заключаешь о Божественномъ, свою немощь полагаешь предѣломъ Божественной силы, и что для тебя крайне невозможно, то считаешь невозможнымъ также и для Бога. Но это — неправда, совершенная неправда. У брениа не таже сила,

что и у скудельника, хотя оба одного естества; и брение и скудельникъ изъ земли. Свидѣтель сему тотъ, кто, бесѣдуя съ Іовомъ, говорилъ ему: *отъ тогожде брениа сотворенъ еси ты, якоже и азъ* (Іов. 33, 6.). Впрочемъ, хотя одного естества и брение и скудельникъ, но не равную силу найдешь въ обоихъ. Одинъ приводитъ въ движеніе, другое движется, одинъ лѣпнтъ, другое вылѣпляется, одинъ мѣситъ, другое смѣшивается, одинъ даетъ видъ, другое пріемлетъ этотъ видъ, и преобразуется, какъ угодно скудельнику. Но если здѣсь, гдѣ естество одно, сила не равна; тѣмъ паче, гдѣ различно естество, различна и сила. По несравнимое невозможно и сравнивать. Ибо какъ можетъ быть примѣняемо къ Сущему всегда то, что изъ не сущаго! къ Сущему прежде вѣковъ то, что во времени? къ Творцу неба и земли то, что изъ брениа? Посему не думай, что крайне невозможное для тебя невозможно и Богу; потому что Его естеству все возможно и крайне удобно.

Поэтому Богъ и естество тѣлесное, шькогда растекшееся въ гной, потомъ превратившееся въ прахъ, и разсыпанное повсюду, въ рѣкахъ, моряхъ, въ хищныхъ птицахъ, въ звѣряхъ, въ огнѣ, въ водѣ (выставляю напреду всѣ порожденія твоего невѣрія) можетъ, восхотѣвъ, снова собрать, привести тебя въ прежнее величіе и въ прежнюю красоту. Ибо восхотѣлъ только, и пришло въ бытіе небо, и пришло столько выпуклости, сколько Ему было угодно. Восхотѣлъ, и простерлась земля, и виситъ, имѣя основаніемъ единый Божій предѣлъ. *Рече, и бысть свѣтъ* (Быт. 1, 3.). Повелѣлъ, и

произошло водное естество; заповѣдалъ, и отдѣлилось оно отъ земли: по мановенію Его украсилась земля лугами, рощами и всякаго рода жатвами. Сказалъ, и произошли тысячи видовъ животныхъ земныхъ, водныхъ и воздушныхъ. И Сотворившій сіе словомъ, и сего еще гораздо удобнѣе воскреситъ тѣлесное естество: ибо гораздо удобнѣе обновить обветшавшее, нежели изъ ничего сотворить несуществовавшее. Если же не вѣришь, то великій учитель вселенной Павелъ скажетъ тебѣ: *безумне, ты еже съеши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже съеши, не тѣло будущее съеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы, или иного отъ прочихъ: Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхоцетъ* (1 Кор. 15, 36—38.).

Если же и его ученіе считаешь какимъ-либо пустымъ словомъ и баснею; то обратись къ природѣ, которая учитъ тебя, и проповѣдуетъ воскресеніе. Земледѣлецъ нарѣзываетъ сперва борозды, и какъ бы роетъ какія могилы, потомъ полагаетъ въ нихъ сѣмена, и какъ бы предавая погребенію тѣла, засыпаетъ землею. И больше этого ничего не въ силахъ онъ сдѣлать; развѣ только, если много у него воды, ее можетъ принести. Но Богъ, или дождитъ съ неба, или подаетъ сѣменамъ воду изъ источниковъ и рѣкъ; потомъ орошая, напоевая ихъ, и какъ бы, подобно человѣческимъ тѣламъ, предавая гніенію, дѣлаетъ, хотя уже негодными въ пищу для людей, однако же весьма полезными для нихъ по раждающимся изъ сихъ сѣменъ тѣламъ, потому что сѣмена, принимая въ себя влажность, ботѣя и какъ бы загнивая, пуска-

ютъ изъ себѣ мочки корней, и ими объемлютъ лежащую вокругъ землю, потомъ изъ нея корнями, какъ трубками какими, втягиваютъ въ себя влажность, и пораждаютъ стремящійся вверхъ злакъ. И сказаннымъ выше способомъ по немногу питаются, пускаютъ въ высоту соломенный стебель, производятъ колосъ, въ которомъ сокрытъ и, какъ бы копыносцами какими, окруженъ остнами плодъ. Посему перестань не вѣрить воскресенію тѣль, непрестанно видя подобіи воскресеніи, и непрестанно слыша проповѣдь о воскресеніи.

Но чтобы имѣть тебѣ твердую вѣру въ воскресеніе, снова приступи со мною къ исторіи растений, смотри, какъ вѣтви виноградной лозы и другихъ деревьевъ, или такъ называемыя отпрыски или побѣги отъ корней, отсѣченіемъ ихъ, какъ бы приемиютъ кончину, а зарытіемъ ихъ въ землю какъ бы предаются погребенію; смотри, какъ зарытыя и согнившія, потомъ, по изволенію Божию, пускаютъ внизъ корень, даютъ вверхъ ростокъ, приходятъ въ силу, поднимаются въ высоту, бременютъ плодомъ, и отродившіяся вѣтви дѣлаются благолѣпнѣе погребенныхъ въ землю.

И что говорю о вѣтвяхъ, деревьяхъ, сѣменахъ? Слѣдуй за мною туда, гдѣ вырабатывается собственное твое естество. Смотри, какъ ничтожно, мало и ничѣмъ не отличается отъ слизи первоначальное вещество, изъ котораго ты образованъ. Однако же и это ничтожное, малое, неодушевленное, не дышущее, и совершенно безчувственное, по Божию мановенію, дѣлается человѣкомъ, и имѣя одинъ видъ, преобразуется въ тысячи разнаго вида

составовъ, то твердыхъ и упорныхъ, то уступчивыхъ и нѣжныхъ, то сквозныхъ и поздраватыхъ, то сплошныхъ и плотныхъ, то дебелыхъ и гладкихъ, то тонкихъ, имѣющихъ видъ нитей и перепончатыхъ, то трубчатыхъ и пустыхъ, то немѣющихъ въ себѣ скважинъ и пустоты. И можно видѣть, что изъ этого малаго количества вещества произошли и трубы для теченія крови, и проводники для дыханія, и крѣпкія связки, и мягкость плоти, и твердость костей, и свѣтлость очей, и чистота зеницы, и гладкость ланитъ, и тонкость волосъ, и множество всего инаго, что только есть въ человеческомъ тѣлѣ, и чего потребность и дѣйственность пытались описывать многіе изъ свѣдущихъ въ этомъ, но, препобѣждаемые премудростію Зиждителя, оканчивали слово свое пѣснопѣіемъ; и притомъ поступали такъ не нашего только двора, но и внѣ блуждающія, овцы. Впрочемъ и они, пасясь на доброй пажити, движимые и наставляемые одною природою, сколько могли, прославили Пастыря, Попечителя и Творца вселенной. Ты же, кромѣ природы имѣя учителемъ законъ и Пророковъ, наставляющихъ въ божественномъ, и ликъ Апостоловъ, обучающихъ настоящему и проповѣдующихъ будущее, отвсюду собирай предлагаемое тебѣ на пользу. И одной природы зародышей и перваго образованія людей достаточно къ тому, чтобы доказать тебѣ воскресеніе мертвыхъ тѣлъ. Вѣруй, что земля—матернее чрево, гробъ—ложесна, а этотъ самый малый пуху подобный останокъ тѣла—сѣмя естества. Сей останокъ, будучи совершенно непримѣтенъ для всѣхъ людей, видимъ для

Бога, и никто не избѣгъ этого Ока; потому что въ руку Его концы земли (Ис. 94, 4.), Онъ измѣрилъ горстію воду, небо пядію, и всю землю горстію (Ис. 40, 12.), Ему не трудно увидѣть то, что въ руку; потому что и для тебя это весьма удобно, и если захочешь смѣшать просо и чечевицу, пшеницу и ячмень, то безъ труда и опять ихъ разберешь, какъ скоро захочешь. Поэтому если концы земли въ руку у Бога, то весьма удобно Ему и совершенно смѣшанное привести въ должный порядокъ. Итакъ вѣруй, что гробъ—матерія утроба, а лежащій въ немъ останокъ — сѣмя. Творецъ — всегда Творецъ, а послѣдній день жизни, и страшный гласъ архангельскій — болезни рожденія: *вострубитъ бо, сказано, и мертвіи встанутъ нетлѣнии* (1 Кор. 15, 52).

Тогда потребуется у насъ отчетъ, какъ мы жили, тогда воздадимъ отвѣтъ за все, что сдѣлано нами хорошо, или худо; тогда явными для всѣхъ сдѣлаются сокровенныя думы ума. Тогда все предстанемъ *предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10.). Сего убоявшись, человекъ, отложи вражду на Промыслъ; бѣгай лукавой сей непріязни; прекрати ничѣмъ неизвинительную хулу; вступи въ пріязнь съ Сотворшимъ, чтобы и Онъ управилъ насъ, какъ друзей, а не извергъ изъ ладіи, какъ враговъ. Прославь кормило Промысла, чтобы намъ, имъ управляемымъ, избѣжать волшебной настоящей жизни и вступить въ оную невольную пристань, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ; ибо Ему подобаетъ всякая слава во вѣки! Аминь.

С Л О В О 10.

О ТОМЪ, ЧТО БОГЪ ИЗДРЕВЛЕ БЫЛЪ ПОПЕЧИТЕЛЕМЪ НЕ
ОДНИХЪ ИУДЕЕВЪ, НО И ВСѢХЪ ЛЮДЕЙ, И О ВОЧЕЛОВѢ-
ЧЕШИ СПАСИТЕЛЯ.

Хорошо знаю, что не преплываемо море пре-
мудрости Божіей и Божія промысла, и припоми-
наю, чтоъ взываетъ божественный Пророкъ: *судь-
бы Твоя бездна многа* (Псал. 35, 7.); припоми-
наю, что и великій проповѣдникъ истины, бого-
мудрый Павелъ, изрекъ подобное также слово:
*о глубина богатства и премудрости и разума
Божія! Яко не испытани судовъ Его, и неизслѣ-
довани путіе Его* (Рим. 11, 33.). Посему и не
отваживаемся неразумно на то, что не доступно,
но, по мѣрѣ силъ, удивляемся Божественному, и,
сколько можемъ, восхваляемъ Бога. Ибо знаемъ,
что тѣ, которые усиливаются болѣе надлежащаго
смотреть на солнце, не достигаютъ, чего желали,
по портятъ зрѣніе, и не только не привлекаютъ
солнечнаго свѣта, но даже павлекаютъ на себя
тму. Сему же самому, какъ можно видѣть, подвер-
гается и умъ человѣческой. Ибо если, при ограни-
ченности своей, усиливается довѣдаться, что под-
пираетъ собою землю, какое опять основаніе у
этой подпоры, на чемъ и оно держится, или что
выше небесъ, что въ всего міра; то не только
не находитъ искомаго, но отступаетъ назадъ,

исполнившись глубокаго мрака и недоумѣнія. Зная сію немощь ума, блаженный Павелъ удостовѣряетъ, говоря: *аще ли кто мнитъ видѣти что, не у что разумѣ, яко же подобаетъ разумѣти* (1 Кор. 8, 2.); и еще: *отъ части разумѣваемъ, и отъ части пророчествуемъ: егда же приидетъ совершенное, тогда, еже отъ части, упряднитъ* (1 Кор. 13, 9. 10.); и въ другомъ мѣстѣ: *вижу нынѣ яко же зеркаломъ и въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу: нынѣ разумѣю отъ части, тогда же познаю яко же и познанъ быхъ* (12.); и еще: *егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовалъ, яко младенецъ смышляхъ: егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческая* (11.). О всемъ же этомъ распространился божественный сей мужъ, желая всѣхъ убѣдить, и обуздать ненасытность ума, чтобы не отваживался на невозможное, и точнаго познанія вещей ожидалъ въ жизни будущей. Посему, знаніе, какое дается намъ нынѣ, называетъ младенческимъ и, сличая оное съ ученіемъ подзаконнымъ, именуетъ его совершеннымъ; а сравнивалъ съ жизнію безстрастною и безсмертною, называетъ дѣтскимъ.

И сіе служитъ доказательствомъ Божіаго промышленія. Ибо премудро всѣмъ правящій, зная надменность нашего высокомерія, даже святымъ не далъ точнаго вѣдѣнія о Божественномъ; потому что, какъ мнитъ блаженному Павлу и истинъ, *разумъ кичитъ* (1 Кор. 8, 1.); но предназначилъ оное въ награду добродѣтели, чтобы, хорошо подвизавшись въ настоящей жизни, совершенно совлекшись страстей и облекшись въ тѣло, свободное отъ тлѣнія

и немощей, тогда уже пріяли мы совершенное вѣдѣніе, никакого не терпя болѣе вреда, какъ освободившіеся отъ страстей и изведенные изъ борьбы.

Посему, не будемъ отваживаться на уразумѣніе непостижимаго, но возлюбимъ, что дано намъ; сколько можемъ, станемъ воспѣвать благаго нашего Владыку и прославлять Благодѣтеля за то, что имѣемъ. Видимъ ли, что мужи, дѣлатели добродѣтели, пользуются въ жизни славою, честно, вниманіемъ? поклонимся Законоположнику и Мздовоздаятелю добродѣтели, по праву и правдиво ее провозглашающему. Видимъ ли, что другіе, хотя предпочли ту же жизнь, но не пользуются тѣмъ же у людей? не будемъ негодовать на это, другъ, но увѣримся, что, какъ подвизаются они добрымъ подвигомъ терпѣнія, такъ побѣдителями провозглашены будутъ въ жизни будущей, какъ разсуждали о семъ въ предыдущемъ словѣ. Не будемъ извергать хульныхъ словъ на Промыслъ; ибо не странно ли, не исполнено ли великаго неразумія, или лучше сказать, крайняго безумія, что тѣ самыя, которые, застигнутые тревоженіемъ, преодолѣваются бурями, и совершаютъ путь жизни въ великомъ бѣдствіи, хвалятъ кормчаго, а тѣ, которые, какъ говорится, сидятъ виѣ стрѣль, больше зрители, нежели подвижники, въ Подвигоположника мещутъ, если не могутъ самымъ дѣломъ, то по крайней мѣрѣ, хульными словами.

Но что питомцы благочестія, не только несясь попутнымъ вѣтромъ, но и борясь съ волнами и бурей, воспѣваютъ Бога всяческихъ, о семъ можно слышать блаженнаго Давида, который, провед-

ши всю жизнь въ браняхъ и боровшихся съ тысячами бѣдствій, взываетъ: *что воздамъ Господеву о всѣхъ, яже воздаде ми* (Псал. 115, 3.)? Можно слышать и отъ богомудраго Даниїла и отъ оныхъ святыхъ отроковъ, которые при самомъ прираженіи бѣдъ пѣснословятъ Бога, приводятъ на память грѣхи, которыхъ не были дѣлателями, исповѣдуютъ, что несутъ наказаніе за прегрѣшенія, но не говорятъ о себѣ, что достойны они вѣнцевъ, и не изъявляютъ негодованія на вѣсы Правосудія. Великій патріархъ Авраамъ, пріявшій отъ Бога оныя обѣтованія, томясь голодомъ, мужественно перенесъ борьбу съ голодомъ. Два раза лишавшись супруги, и видя ее у людей варваровъ, не престававъ приносить благодареніе Призвавшему, и ожидая исполненія обѣтованій, радостно переплывалъ волны. И какое слово въ состояніи изобразить величіе души его? Кто достойно подивится высокому его любомудрію? Посему, предоставивъ любовѣдцамъ изъ чтенія исторіи въ точности познать его и сына его мужество, терпѣніе, цѣломудріе, справедливость, трудолюбіе, боголюбіе, и однимъ словомъ, всю высоту добродѣтели, обращаю рѣчь къ мужамъ новаго завѣта. Посему смотри, какъ Петръ и Іоаннъ, сѣи твердыни благочестія, столпы истины, поддерживающіе зданіе Церкви, были биты Іудеями, но радовались и восхищались, *яко за имя Христова сподобилися безчестію пріяти* (Дѣян. 5, 41.). Ибо написавшій сіе, сказавъ, что биты были жезлами, говоритъ не просто, что терпѣливо и мужественно перенесли удары, но что *идяху радующеся и въ веселіи.*

Но великая разность въ этомъ — терпѣть и радоваться. Иный не рѣдко переноситъ прираженія горести, но бользнуя и скорбя. А радующійся выражаетъ симъ душевное удовольствіе. Такъ и блаженный Павелъ, сія громогласная труба проповѣди, взывалъ: *благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, во изгнаніихъ, въ тѣснотахъ по Христу* (2 Кор. 12, 10.); не сказалъ: переносу, или терплю, но *благоволю*, что означаетъ великое усиленіе удовольствія. И въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: *нынѣ радуюся въ страданіихъ за Христа* (Кол. 1, 24.); и еще: *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ* (Рим. 8, 18.); и также: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовой? скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладь, или нагота, или бѣда, или мечь*. И чрезъ нѣсколько словъ: *извѣстихся, яко ни смерть, ни животъ, ни настоящее, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни иная тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любви Божіа, яже о Христе Иисусе, Господѣ нашемъ* (38. 39.). Но не достанетъ мнѣ дня, чтобы собрать подобныя изреченія великаго наставника подвижниковъ благочестія.

Посему, если совокупившіе въ себѣ всѣ виды добродѣтели, достигшіе самой крайней высоты ея, не только не огорчаются величеніемъ житейскаго моря, но, когда съ шумомъ кишитъ оно, борются между собою вѣтры, и бури, и вихри, приводятъ въ смятеніе воды, они, какъ несомые попутнымъ вѣтромъ, не переставали веселиться, — и занятіемъ ихъ было — не любопытствовать о томъ, что

дѣлается, но восхвалять Кормчаго: то почему же вы, находясь внѣ волнъ, и вѣрнѣе сказать, на сушѣ, а не на морѣ, осмѣиваете то, что дѣлается, и хотя хвалите подвижниковъ, но обвиняете Подвигположника? А удивляющимся добродѣтели подвижниковъ надлежитъ любить и приговоръ ихъ: они же принимали, какъ величайшее благодѣяніе, бѣдствія, умерщвленія, побіенія камнями, сожженія, раны, злословія, узы, опасности на сушѣ, на морѣ, въ городахъ, въ селахъ, претерпѣваемыя за проповѣдь, отъ своихъ, и отъ чужихъ.

Поелику же и ихъ коснулись мы словомъ; то скажемъ нѣчто о вочеловѣченіи Спасителя нашего, что въ попеченіи Божіемъ о людяхъ есть самое главнѣйшее. Ибо небо, земля, море, воздухъ, солнце, луна, звѣзды, вся видимая и невидимая тварь, единымъ словомъ созданная, или лучше сказать, изволеніемъ Слова въ бытіе приведенная, не столько доказываютъ безмѣрную благодѣтельность Божію, какъ то, что самъ Единородный Сынъ Божій, въ образъ Божіи сый (Филип. 2, 6.), сіяніе славы и образъ ипостаси (Евр. 1, 3.), Который въ началѣ бѣ къ Богу и Богъ бѣ (Іоан. 1, 1.), Которымъ вся быша (3), зракъ раба пріимъ, въ подобіи челоуѣчествѣмъ былъ и образомъ челоуѣческимъ обрътеса, якоже челоуѣкъ (Филип. 2, 7.), на земли явися, и съ челоуѣки поживе (Вар. 3, 38.), пріялъ наши немощи, повесъ наши болѣзни. И блаженный Павелъ видитъ въ этомъ величайшее доказательство любви Божіей къ челоуѣкамъ, и взываетъ, говоря: *составляетъ же Свою любовь къ намъ Богъ, яко еще грѣшникомъ намъ сущимъ*

Христосъ за ны умре (Рим. 5, 8.); и еще: Иже Своего Сына не пощадъ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ (—8, 32.)? А что сіе дѣйствительно такъ, исповѣдуетъ и богомудрый Іоаннъ; ибо говоритъ: тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть за него, да всякъ, вѣруй въ Онь, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (Іоан. 3, 16.). Посему, не просто печется Богъ о людяхъ, но печется, любя ихъ. Да и избытокъ сей любви таковъ, что Сына единороднаго, единосущнаго, рожденнаго изъ чрева прежде денницы, Котораго употребивъ Содѣйственникомъ, создалъ тварь, содѣлалъ нашимъ Врачемъ и Спасителемъ, и чрезъ Него преподалъ намъ даръ сыноположенія.

Послику Творецъ видѣлъ, что естество наше предалось жестокому мучителю, ниспало въ самую бездну грѣха, небоязненно попираетъ законы природы, и что видимая тварь, возвыщающая и проповѣдующая Создателя, не можетъ убѣдить дошедшихъ до крайняго безчувствія; то премудро и справедливо устрояетъ наше спасеніе. Не восхотѣлъ единою властію даровать намъ свободу, одно милосердіе вооружить на поработившаго себя родъ человѣческій, чтобы милосердія сего не назвалъ онъ несправедливымъ; но пролагаетъ путь, и исполненный человѣколюбія, и украшенный правдою. Ибо, соединивъ съ Собою побѣжденное сіе естество, вводитъ оное въ борьбу, и устрояетъ такъ, что оно вознаграждаетъ за утрату побѣды, одолеваетъ древле, къ несчастію, побѣдившаго, разру-

шаетъ мучительство жестокаго порабощителя, и воспріемлетъ прежнюю свободу. А для сего Владыка Христось раждается отъ жены, подобно намъ, хотя рожденіе имъло нѣчто большее, именно дѣвство; потому что и зачавшая и родившая Владыку Христа была Дѣва.

Когда же слышишь сіе имя: Христось; разумѣй прежде вѣковъ отъ Отца рожденнаго, едиnorodнаго Сына, Слово, облеченнаго естествомъ чловѣческимъ, и не почитай сего проповѣдуемаго домо-строительства унизительнымъ для Бога; потому что естества чистѣйшаго ничто осквернить не можетъ. Ибо, если солнце, будучи тѣломъ (такъ какъ оно видимо и подлежитъ разрушенію), и проходитъ тамъ, гдѣ мертвыя тѣла, зловонная тина и много другихъ веществъ, издающихъ смрадъ, не можетъ оскверниться; то коими паче Творецъ солнца и Создатель вселенной, безплотный, невидимый, неизмѣняемый, всегда Самъ Себѣ равный, не можетъ оскверниться чѣмъ-либо таковымъ. И что сіе дѣйствительно такъ, уразумѣемъ изъ слѣдующаго: и говоримъ, и вѣруемъ, что естество Его безпредѣльно. Ибо слышу Того, Кто говоритъ: *еда небо и землю не Азъ наполняю, глаголетъ Господь* (Иерем. 23, 24.); и еще: *небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ* (Ис. 66; 1.), и: *кто измѣри горстію воду, и небо пядію, и всю землю горстію* (40, 12.)? Слышу и другія мѣста, свидѣтельствующія подобно сему. Взываетъ и блаженный Давидъ: *въ руцѣ Его концы земли* (Псал. 94, 4); и богомудрый Павелъ: *о Немъ живемъ и движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28.). Итакъ, если.

по слову Апостола, о Немъ живемъ и движемся и есмь: то ни одна часть твари не лишена Бога; хотя въ твари, иное свято, иное же мерзко, иное исполнено благоуханія, иное же—зловонія; и изъ людей, одни украшаются благочестіемъ, другіе погрязаютъ въ нечестіи. Наполняющій Собою вселенную благовольтъ къ боящимся Его, но невидитъ вся дѣлающія беззаконіе, погубляетъ вся глаголющія лжу, и мужа кровей и льстива гнушается Господь, и не преселяется къ Нему лукавнууй (Псал. 5, 5—8.). Посему, ничто не вредитъ чистѣйшему. Если занимающіеся врачевнымъ искусствомъ, врачуя язвы, не получаютъ сами язвъ, но больнымъ доставляютъ здравіе, сами же не терпятъ отъ нихъ никакого вреда; то кольми паче наилучшій художникъ—Богъ, у Котораго естество — безстрастно, превыше превратностей и не допускаетъ измѣненія, при уврачеваніи нашемъ не пріялъ на Себя вовсе никакой скверны. Посему подивимся, что не Ангеламъ ввѣрилъ врачеваніе наше, но Самъ на Себя пріялъ уврачеваніе чловѣковъ.

Такъ Владыка Христось, родившись, пріемлетъ, подобно намъ, и матерніе сосцы, полагается въ ясляхъ — на сей трапезъ безсловесныхъ, снмъ и неразуміе людей обличая, и давая видѣть собственное чловѣколюбіе; потому что, будучи Питателемъ, какъ Богъ, и по чловѣчеству дѣлается пищею для людей, педуговавшихъ великимъ неразуміемъ. А теперь, когда чловѣческое естество отложило сіе неразуміе, и воспріяло разумную силу, допускаетъ его къ Себѣ сія таинственная трапеза,

и сама, содѣлавшаяся образомъ яслей, и поучающая людей, что человекъ, когда былъ въ чести, не разумъ, но приложися скотомъ безсмысленнымъ, и уподобися имъ (Псал. 78, 13.). Сперва ясли воспріяли эту божественную и духовную пищу, но когда естество наше пришло само въ себя, и ясно созпало въ себѣ Божій образъ, тогда пища сія перешла на трапезу словесную. Принявъ же Христось и обрѣзаніе, и приносилъ жертвы; потому что Онъ былъ человекъ, и сохраненіемъ закона должно было естеству возвратить свободу. По человѣчески и бѣгствомъ спасается во Египеть, какъ Богъ, повсюду сущій, и всѣмъ предстающій, какъ говоритъ божественное Писаніе (Псал. 108, 31.). Приходитъ и къ Іоанну Крестителю, и не пріявъ скверны грѣха, пріемлетъ крещеніе, чтобы исполнить всякую правду, и свѣше провозглашается Отцемъ и указывается Духомъ: ибо Отець воззвалъ съ небеси: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ* (Матѣ. 3, 17.); а пресвятый Духъ, являсь въ видѣ голубя, продолжилъ сей гласъ, и научилъ предстоящихъ, Кто пріявшій свидѣтельство отъ Отца.

Послѣ сего Владыка вступаетъ уже въ борьбу съ мучителемъ, и поприщемъ борьбы дѣлается пустыня, зрителями — сонмы Ангеловъ, сопротивникомъ—сопротивникъ истины, который, сперва услышавъ гласъ, и приведя себѣ на память пророческія предреченія, устранился борьбы, и не въ силахъ былъ вынести молній Его добродѣтели; однако же и поспѣшилъ онъ вступить въ противоборство, хотя, помня гласъ, и боялся борьбы. Создатель

же, Споборникъ, Раздаятель вѣнцевъ и Подвигоположникъ естества нашего не страшится противоборца, не гонитъ прочь звѣря, но ободрляетъ и вызываетъ его на борьбу, чтобы похитить у него прежнюю побѣду, соизволяетъ, чтобы взаключило тѣло, постившееся въ продолженіи сорока дней, не позволяетъ же ему превзойти мѣру постившихся прежде, чтобы удостовѣрить въ Своемъ челоуѣчествѣ. Непріязненный видѣлъ взаключаніе, надѣялся на побѣду, смѣло рѣшился на борьбу, увидѣвъ немощъ взаключанія; подумалъ, что видитъ перваго Адама. Приступилъ къ Нему, какъ къ Адаму, но нашель Творца Адамова; облекшагося въ естество Адамово, и говоритъ Ему: *аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ* (Мат. 4, 3.), представляетъ необходимость подтвердить съ неба слышанный гласъ, и требуетъ подтвержденія чудодѣйственнымъ произведеніемъ хлѣбовъ. Изъ сего въ точности можно узпать, что врагъ у насъ самихъ заимствуетъ поводы къ оболъщенію; ибо, увидя аключаніе, съ сего начинается нападеніе. Но Спаситель нашъ, хотя тѣло алчетъ и имѣетъ нужду въ пищу, не хочетъ чудодѣйствовать, поражаетъ же мучителя словомъ Писанія, и говоритъ: *не о хлѣбѣ единомъ живеть челоуѣкъ, но о всякомъ глаголь, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (4). Даетъ отвѣтъ по челоуѣчеству, скрывая до времени Божество, и доставляя людямъ возможность, подобно сему, одерживать побѣду. Не хлѣбъ одинъ, говорятъ Онъ, содѣйствуетъ жизни челоуѣческой, но и всякаго слова, возвыщеннаго отъ Бога, достаточно къ тому, чтобы дать жизнь

алчущимъ людямъ. Вѣруемъ, что естеству человѣческому возможно прожить безъ хлѣба, если угодно то Богу. Такъ въ ничто обратилъ ухищренія противоборца, учинивъ недѣйствительными второе и третіе его прираженіе, употребивъ при семъ доказательства, какъ человекъ, чтобы возвратить людямъ потерянную ими побѣду, обращаетъ Онъ въ бѣгство нечестивца, прекращаетъ мучительство общаго губителя людей, и провозглашается побѣда видѣвшими Ангелами; ибо сказано: *Ангели приступиша, и служаху Ему* (—11.).

Послѣ сего, совершивъ множество чудесъ, изъ воды безъ виноградныхъ лозъ и безъ земли сотворивъ вино, пятью хлѣбами насытивъ многія тысячи людей, однимъ словомъ хромыхъ содѣлывая скачущими, прокаженныхъ очищая отъ проказы, разслабленнымъ возвращая силу дѣйствовать, очамъ, лишеннымъ зрѣнія, даруя здоровое ощущеніе, отверзая гробы, и содѣвая, что связанный и смердящій мертвецъ начинаетъ ходить, избѣгаетъ изъ рукъ смерти, не удерживаемый ни вратами, ни узамъ смерти, спѣшитъ къ призвавшему Создателю, — совершивъ сіи и тысячи другихъ чудесъ, Владыка привлекаетъ на Себя ненависть Іудеевъ, и добровольно предается ихъ кознямъ, предвидя отъ сего будущее спасеніе человекѡвъ. И сіе издревле предсказалъ Онъ устами Пророка; ибо говоритъ: *Азъ же не противлюся, ни противогололю. Плещи Мои вдахъ на раны, и ланитъ Мои на заушенія, лица же Моего не отвратихъ отъ стыда заплесанія* (Ис 50, 5. 6.).

Сіе предсказавъ и претерпѣвъ, пригвождается

ко кресту, не въ наказаніе за грѣхи, ибо *грѣха не сотвори, ни обрѣтесе лествъ во устѣхъ Его* (1 Петр. 2, 22.), по воздавая долгъ нашего естества, потому что оно задолжало, преступивъ законы Сотворшаго. И какъ задолжавъ, не въ силахъ было заплатить долга, то самъ Владыка премудро примышляетъ уплату долга, и пріивъ на себя члены сего естества, какъ бы имущество какое, въ прсмудромъ и правдивомъ домостроительствѣ, и долгъ уплачиваетъ, и естество освобождаетъ ими. И свидѣтели въ этомъ—Исаія и Павелъ,—одинъ прежде страданія о семъ предвозвѣстившій, а другой по исполненіи истолковавшій пророчество: по въ томъ и другомъ вѣщаль одинъ и тотъ же Духъ.

И Исаія издалека взываетъ: *человѣкъ въ язвъ сый, и вѣдый терпѣти бользнь* (Ис. 53, 3.). Называетъ же Его человѣкомъ по естеству видимому, потому что и пострадалъ въ естествѣ видимомъ. Сей, провозглашаетъ Исаія, *грѣхи наша носитъ, и о насъ бользнуетъ, и мы вмѣнихомъ Его быти въ трудъ, въ язвъ отъ Бога, и въ озлобленіи* (—4.). Ибо, видя Его пригвожденнымъ къ древу, думали, что наказуется за множество грѣховъ, и несетъ казнь за собственныя прегрѣшенія; почему Іудеи и пригвоздили Его посреди двухъ злодѣевъ, съ намѣреніемъ и о Немъ прозвести въ народѣ худое мнѣніе. Но Святыи Духъ научаетъ чрезъ Пророка, что *Той язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша* (—5.). И еще болѣе объясняетъ сіе въ послѣдующихъ словахъ; ибо говоритъ: *наказаніе*

мира нашего на Немъ, язвою Его мы исцѣльхомъ. Ставъ врагами Богу, какъ оскорбившіе Его, должны мы были пести взысканіе и наказаніе; но не испытали сего, претерпѣвъ же оное самъ Спаситель нашъ, и претерпѣвъ, даровалъ намъ миръ съ Богомъ. Яснѣе показываютъ сіе послѣдующія слова. *Все, сказано, яко овцы заблудихомъ: человекъ отъ пути своего заблуди* (6). Почему *яко овца на заколеніе ведеса, и яко агнецъ предъ стригущимъ Его безгласенъ* (—7). Ибо подобало Ему врачевать подобнымъ подобное, и заблудшихъ овецъ возвратить овчатею же. Но овчатею дѣлается Онъ, не въ овца превратившись, не измѣненію подвергшись, не отступивъ отъ собственной Своей сущности, облекшись же явно въ овчье естество, и подобно предводителю стада—овну, ставъ вождемъ стада, и сдѣлавъ, что всѣ овцы послѣдовали за Нимъ. Посему и сталъ Онъ, яко овца и животное жертвенное, и принесена жертва за весь родъ. Не безъ намѣренія же Пророкъ упомянулъ вмѣстѣ о закланіи и о стриженіи; но поелику былъ Онъ Богъ и человекъ, и, при закланіи тѣла, естество Божіе пребыло бестрастнымъ, то богомудрый Исаія, по необходимости, показалъ намъ вмѣстѣ и закланіе овчати и стриженіе агнца. Не только, говоритъ Пророкъ, былъ Онъ закланъ, но и остриженъ; потому что по человечеству претерпѣвъ смерть, а какъ Богъ, пребывая живымъ и бестрастнымъ, руно тѣла отдалъ стригущимъ. Такъ блаженный Исаія изобразилъ намъ спасительныя страданія, и показалъ причины страданій.

И божественный Павелъ явно взываетъ: *Христосъ ны искупилъ отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва. Писано бо есть: проклятъ всякъ, висяй на древь (Гал. 3, 13.)*. Сказавъ же: *по насъ*, показаль, что, будучи неповиненъ и свободенъ отъ всякаго грѣха, воздалъ нашъ долгъ, и насъ, обремененныхъ множествомъ долговъ, и потому припужденныхъ рабствовать, сподобилъ свободы, искупивъ насъ, и въ цѣну за насъ предложивъ собственную Свою кровь. Посему въ другомъ мѣстѣ сей же Апостоль взываетъ, говоря: *куплены есмы цѣною (1 Кор. 6, 20.)*; и еще говоритъ: *погибнетъ немощный братъ въ твоёмъ разумѣ, его же ради Христосъ умре (1 Кор. 8, 11.)*. И смерть пріялъ на крестѣ, потому что сей родъ смерти по закону былъ проклятъ, а проклято было и естество наше, какъ преступившее законъ: ибо сказано: *проклятъ всякъ, иже не пребудетъ во всѣхъ писанныхъ въ книзѣ законный, яко творити я (Гал. 3, 10.)*.

Потому приѣмлетъ на Себя общую клятву, и разрываетъ отъ клятвы, пріявъ несправедливое заколеніе. Не поджевавъ клятвы (ибо *грѣха не сотвори, ни обрѣтесе леть во устьхъ Его*), потерпѣлъ смерть грѣшниковъ, и ставъ защитникомъ и ходатаемъ нашего естества, судится съ губителемъ, непріязненнымъ всему естеству, и справедливо говорить жестокому нашему мучителю: *плѣненъ ты, вселукавый, и уловленъ собственными своими съѣми; мечъ твой вошелъ въ сердце твое, и стрѣлы твои сокрушены; изрывъ яму, самъ впалъ въ нее; раскинутыми тобою мрежами твои же руки связаны. Ибо скажи: для чего пригвоздилъ ты ко крес-*

ту и предавъ смерти тѣло Мое? Какой видъ грѣха замѣтилъ во Миѣ? Какое увидѣлъ преступленіе закона? Изслѣдуй же теперь со всею точностію, видя тѣло Мое обнаженнымъ на деревѣ. Смотри, и языкъ чистъ отъ скверны, и слухъ свободенъ отъ всего вредоноснаго, и глаза не пріяли совѣтъ ничего пагубнаго, и руки далеки отъ неправды, украшены же всякою правдою, ноги, говоря пророческимъ словомъ, не текли на зло (Иса. 59, 7.), но совершили поприще добродѣтели. Изслѣдуй во всей точности всѣ члены тѣла; изслѣдуй движенія души. Если найдено хотя малое прегрѣшеніе; то законно и весьма справедливо удерживать тебѣ Меня, потому что смерть наказаніе согрѣшившимъ. А если не находишь ничего, запрещеннаго Божиимъ закономъ, лучше же сказать, находишь все, повелѣваемое закономъ; то не позволяю тебѣ удерживать, что не въ правѣ ты и держать. Лучше же сказать: и для другихъ отверзу узилище смерти, заключу же въ немъ тебя одного, какъ нарушившаго Божіе опредѣленіе; потому что опредѣленіе Божіе назначило предавать смерти согрѣшившихъ, а ты и неизвѣдавшаго грѣха предавъ въ узы смерти; непамятность содѣлалась въ тебѣ причиною крайней жестокости; и одного взявъ несправедливо, по справедливости лишаешься всѣхъ тебѣ подвластныхъ: вкуспивъ не ядомой снѣди, изблюешь все, прежде поглощенное, и всѣхъ научишь довольствоваться тѣмъ, что есть, воздерживаться же отъ непринадлежащаго. Вспомни, за что преданъ смерти родоначальникъ Адамъ. Получивъ во власть всѣ растенія райскія, не удовольствовался онъ давшимъ,

и недостаточно ему стало наслажденія обиліемъ всѣхъ растеній, но покусился на древо познанія, вкушать плоды котораго запретилъ Творецъ. И вознедуговавъ ненасытностію, пожелавъ непринадлежащаго, лишился цѣлаго рая. Подвергну же тебя симъ наказаніемъ, потому что несправедливо терпѣть сію казнь обольщенному, а обольстившему не подвергнуться такому же наказанію. Итакъ, послышавъ ты, пріавъ власть надъ согрѣшившими, коснулся тѣла, не содѣлавшаго ни едишаго грѣха, то будь лишенъ власти, положи конецъ своему мучительству. Всѣхъ освобожу отъ смерти, сдѣлаю же это не по одному милосердію, но по милосердію справедливному, не по власти господства, но по власти правосудной; потому что за весь родъ уплатилъ Я долгъ; не долженъ былъ смерти, и претерпѣлъ смерть; не подлежалъ смерти, и подъялъ смерть; неповиненъ былъ, и включилъ Себя въ число повинныхъ, свободенъ былъ отъ долга, и вмѣненъ съ должниками. Посему, уплатилъ Я долгъ естества, и потерпѣвъ несправедливую смерть, полагаю конецъ смерти справедливой. Будучи заключенъ незаконно, и законно заключенныхъ отпускаю изъ темницы на свободу. Смотри, жестокой каратель грѣха, рукописаніе естества уничтожено. Смотри, оно пригвождено ко кресту, и вѣтъ на немъ письменъ грѣха. Смотри, оно не удержало на себѣ подлинна лукавства. Очи Моего тѣла отдали долгъ за очи, на зло себѣ смотрѣвшія; уши его за уши, принявшія въ себя оскверненіе; а также и языкъ за языкъ, подвигшійся беззаконно, и руки за руки, содѣявшія неправду, и прочіе члены за

члены, совершившіе, какой бы ни было, грѣхъ. А поелику долгъ уплаченъ, то надобно и заключеннымъ за оный избавитися изъ заключенія, получить прежнюю свободу и возвратиться въ отечественную страну. Говоря сіе, Господь воскресилъ тѣло Свое и въ естество человѣческомъ посѣялъ надежду воскресенія, въ залогъ онаго давъ всѣмъ воскресеніе собственнаго Своего тѣла.

Да не подумаетъ кто, что наше это мудрованіе; и священнымъ евангеліемъ и апостольскими наставленіями научены мы, что сіе дѣйствительно такъ. Ибо слышали мы, что говоритъ Самъ Господь: *грядетъ міра сего князь, и во Мнѣ не имать ничего же* (Іоан. 19, 30.); потому что нѣтъ во Мнѣ признаковъ грѣха, отъ всякаго беззаконія свободно тѣло Мое; однакоже, и ничего не нашедши во Мнѣ, онъ предаетъ смерти, какъ имѣющаго на Себѣ тьмочисленные долги. А Я терплю это, желая по всей справедливости лишить его права мучительствовать. Потому, въ другомъ мѣстѣ и говоритъ Господь: *нынѣ судъ есть міру сему: нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ* (Іоан. 21, 31.). По суду и слѣдствію будетъ онъ осужденъ и лишенъ права мучительствовать, какъ произнесшій надо мною несправедливый приговоръ. Потомъ научая, что, не только собственное Свое тѣло, но вмѣстѣ и все естество человѣческое освободить отъ владычества смерти, Господь непосредственно за симъ присовокушилъ, говоря: *и аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (—32.). Не соглашусь воскресить одно воспріятое Мною тѣло, но предустрою воскресеніе всѣмъ человѣкамъ. Ибо

для сего Я пришелъ, принялъ зракъ раба, для сего веденъ былъ на заколеніе, и яко агнецъ предъ стри-
 гущимъ его былъ безгласенъ. Сіе же говоритъ и
 блаженный Павелъ, пиша къ Колоссянамъ, а чрезъ
 нихъ ко всѣмъ челоуѣкамъ. Ибо сказано: и васъ
 мертвыхъ суущихъ въ презрѣшеніихъ и въ необръ-
 заніи плоти вашей, сооживилъ есть съ Нимъ, да-
 ровавъ намъ вся презрѣшенія: истребивъ еже на
 насъ рукописаніе ученми, еже бѣ сопротивно намъ,
 и то взявъ отъ среды, пригвоздивъ е на крестъ:
 совлекъ начала и власти, изведе въ позоръ дерзно-
 веніемъ, избличивъ ихъ въ Себѣ (Колос. 2, 13—16.).
 Итакъ, изъ сего дознали мы, что Господь воздалъ
 за насъ долгъ, изгладилъ бывшее противъ насъ
 рукописаніе, и пригвоздилъ оное ко кресту, извелъ
 же на позоръ начала и власти, то есть, сопротив-
 ныя силы, съ дерзновеніемъ избличивъ ихъ въ
 Себѣ; то есть, показавъ имъ безгрѣшное тѣло Свое
 и безгрѣшную душу, и обличивъ ихъ неправедный,
 на Него сдѣланный, приговоръ, и совершивъ это,
 сооживилъ съ Собою все естество челоуѣческое.
 Въ божественномъ писаніи можно найдти тысячи и
 другихъ свидѣтельствъ, показывающихъ, что это
 дѣйствительно такъ. Но еслибы захотѣлъ я соби-
 рать всѣ сіи свидѣтельства, и на каждое дѣлать
 надлежащее толкованіе; то разсужденіе наше сдѣла-
 лось бы чрезмѣрно длиннымъ. Потому, предоста-
 вивъ собирать оныя людемъ любознательнымъ, при-
 ступлю къ непрерывному продолженію слова.

Такъ Владыка Христось, сокрушивъ смерть и
 устроивъ наше спасеніе, восшелъ на небеса, и пи-
 томцамъ благочестія оставилъ надежду сего восхож-

денія. Ибо говоритъ: когда *вознесень буду, вся привлеку къ Себѣ*. Такова о людяхъ попечительность Бога всяческихъ. Такое промышленіе оказалъ Творецъ неблагоударнаго созданія. Такова заботливость первообраза о собственномъ Его образѣ. Создалъ чловѣка въ началѣ, почтилъ его подобіемъ, но онъ содѣлался неблагопрізнательнымъ предъ Сотворившимъ, и растлилъ Божій образъ, принялъ въ себя черты звѣриныя, и изъ богоподобнаго содѣлался звѣроподобнымъ. Но Создатель не презрѣлъ его и облеченнаго въ звѣринные образы, по обновилъ, привелъ въ прежнее благолѣпіе, далъ ему первобытное благообразіе, и недостойныхъ быть рабами содѣлалъ сынами.

Но есть люди, по слову блаженнаго Павла, *ничтоже дѣлающіи, но лукавно обходящіи* (2 Солун. 3, 11.), которые любопытствуютъ, о чемъ не позволено, усиливаются собственными помыслами измѣрять глубину Божіей премудрости, и говорятъ: почему Богъ не въ началѣ, но по истеченіи многихъ тысячъ лѣтъ, домостроительствовавалъ спасеніе людей? Что любопытствовать о чемъ-либо подобномъ крайне дерзко, пагло и выше всякаго безумія, скажутъ это сами, вдавшіеся въ таковыя изслѣдованія. Но въ доказательство, что Богъ не по принятому вновь усмотрѣнію домостроительствовавалъ, но такъ установилъ издревле, въ самомъ началѣ, представимъ на среду божественное писаніе, и прежде всего послушаемъ, что самъ Владыка Христосъ говоритъ въ евангеліи: *прійдите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мато. 25, 34.). Если же

прежде сложенія міра уготоваль царство Апостоламъ и увѣровавшимъ чрезъ нихъ; то явно, что сіе угодно Ему было издревле, отъ пачала, и не хочетъ Онъ чего-либо, то одного, то другаго. Домостроительствуетъ же во всякое время, что прилично времени, и ученія измѣряетъ способностію людей.

Поэтому Адаму, какъ поворожденному младенцу, даетъ заповѣдь о дрѣвѣ; ибо для него излишенъ былъ всякій законъ положительный, о прелюбодѣяннн, объ убійствѣ, о жесвидѣтельствѣ, о несправедливости. Ибо съ кѣмъ было прелюбодѣйствовать? жена въ то время была одна. Кого было убить? никто не раздражалъ его. На кого было влггать жесвидѣтельство? или кого было обидѣть? Посему Адамъ пріемлетъ одинъ только законъ о дрѣвѣ, законъ дѣтскій и приличный поворожденнымъ младенцамъ.

По истеченіи также великаго числа лѣтъ, когда родъ размножился, даетъ законъ Ною о снѣдахъ, и повелѣваетъ невозбранно вкушать всякія мяса, конечно же, животныхъ чистыхъ (потому что научилъ Ной и сему различію), а запрещаетъ только употреблять въ пищу кровь.

Когда же много времени прошло отъ Ноя, призываетъ Богъ Авраама, повелѣваетъ ему оставить отеческій домъ, ведетъ его въ страну, называвшуюся древле Хапанеєю, нынѣшнюю Палестину, даетъ ему заповѣдь объ обрѣзаніи, чтобы происшедшій отъ него родъ знаменіемъ благочестія имѣлъ отъятіе излишества. Доволя до крайней нужды голодомъ, водить всюду сего проповѣдника благоче-

стія, и служителя Своего дѣлаетъ извѣстнымъ Египтянамъ и жителямъ Палестины; попускаетъ варварами похищать его супругу, но покровительствуетъ похищенной, наказываетъ похитившихъ, сдѣлавшимся ловцами жены не дозволяетъ насладиться добычею, и въ сѣтяхъ своихъ имѣя уловленную, не воспользовались они ею; сами же уловлены были невидимыми мрежами, и опытомъ дознали боголюбіе странника; и царствовавшіе у тѣхъ народовъ къ себѣ призвали и умоляли сего странника, пришельца и гостя, и онъ, посему поводу, преподавъ невѣдущимъ уроки благочестія, и неправда открыла путь благочестію, беззаконная страсть присвоить себѣ чужое послужила къ приобрѣтенію Боговѣднія. Таково же было смотрѣніе Божіе объ Исаакъ и Іаковъ. Первый оказалъ благодѣяніе Авимелеху, другой указалъ Лавану истиннаго Бога, и обличилъ безсиліе боговъ, не истинныхъ, а мнимыхъ.

Таково было Божіе смотрѣніе объ Іосифѣ, сперва попустивъ ему стать рабомъ, чрезъ рабство, клеветы и узы Богъ вручилъ ему бразды Египта, и прежде виночерпю проповѣдуетъ онъ истиннаго Бога, а потомъ тоже самое ученіе излагаетъ царю, послѣ же сего, взявшись за кормило, мудро править цѣлою ладіей. Такъ Богъ, захотѣвъ избавить отъ египетскаго рабства размножившихся Израильтянъ, избавляетъ при множествѣ великихъ чудесъ, и чрезъ сіе дѣлаетъ ихъ народомъ знаменитымъ; потому что этотъ народъ поставляетъ учителемъ боговѣднія для всѣхъ народовъ. И какъ для поученія о семъ народъ избираетъ то Моисея, то Іисуса, и еще Самуила, и въ другое время кого-

либо другаго изъ Пророковъ, и посредствомъ одного чловѣка, упражняющагося въ любомудріи, благодѣтельствуеть всеѣмъ его единоплеменникамъ: такъ посредствомъ одного народа израильскаго призываетъ въ общеніе вѣры все народы; потому что и они одного естества съ Израилемъ.

А что сіе дѣйствительно такъ, свидѣтельствуеть блудница Раавъ, для которой, хотя была иноплеменница и блудница, достаточно стало одной молвы, и ради оной приняла она благочестіе, вознерадѣла о своихъ, и отдалась въ руки чужимъ: ибо говорить, слышали мы, что Господь Богъ сотвори съ Египтянами, и *нападе страхъ вамъ на ны* (Исус. Нав. 2, 9.). Посему дѣлаеть условія съ соглядатаями, и подтверждаетъ ихъ клятвою.

О томъ же свидѣлствуютъ и иноплеменники, которые убоялись присутствія у нихъ кивота, и говорили другъ другу: сей есть Богъ, побившій Египта, горе намъ иноплеменникамъ (1 Цар. 4, 8.). Для сего-то Богъ, хотя передаетъ кивотъ иноплеменникамъ, обличая беззаконіе Своего народа (закону не надлежало содѣлываться защитникомъ явныхъ нарушителей закона); однако же охраняеть досточтимость преданнаго имъ кивота, научая тѣмъ иноплеменниковъ, что одержали они побѣду не надъ Богомъ, но надъ беззаконіемъ людей. Посему устрояеть, что Дагонъ этотъ безгласный и безчувственный идолъ, по которому иноплеменники покланялись, какъ Богу, падаетъ предъ кивотомъ, и пріемлетъ на себя видъ покланяющагося, чтобы дознали иноплеменники различіе между шимъ и кивотомъ. Они же по неразумію снова воставляютъ Дагона,

и снова видятъ его падшимъ и поклоняющимся. Потомъ, оставаясь въ великомъ своемъ скудоуміи, и не пожелавъ видѣть различія, научены опытомъ уцѣломудрится, и понесши наказаніе, образумились, отрезвились отъ упоенія певѣжества, и отсылаютъ кивотъ, какъ и надлежало, къ собственнымъ его служителямъ, и почтивъ его приношеніями, возвѣщаютъ о понесенныхъ ими наказаніяхъ, а тѣхъ, которые должны принять его, извѣщаютъ, какъ будетъ возвращенъ.

Такъ поступилъ Богъ и съ Валтасаромъ. Поелику народъ израильскій поползнулъ на великое нечестіе; то отсылаетъ его Богъ плѣннымъ въ Вавилонъ, и священные сосуды дѣлаются военною добычею неприятелей. Но Навуходопосоръ удалил ихъ, какъ божественные, отъ общаго употребленія, и внесъ въ храмъ почитаемыхъ у нихъ богами; сынъ же его, то есть, Валтасаръ, не вразумившись бѣдствіями отца, не обративъ вниманія, какія наказанія понесъ онъ за свое высокомеріе, даже почтивъ, какъ полагалъ, сіи божественные сосуды, износитъ на среду, что навсегда посвящено было Богу, пьетъ нечестивецъ изъ этихъ сосудовъ, и пирующимъ съ нимъ предлагаетъ сію неприкосновенность. И въ это самое время произносится приговоръ на нечестиваго, невидимая чья-то рука пишетъ на стѣнѣ опредѣленіе Божіе. Царь остается пока въ недоумѣніи, булучи не въ состояніи прочесть и узнать силу написаннаго; мать же его изводитъ на среду Давіида, который неоднократно разрешалъ отцу подобныя недоумѣнія. И Давіидъ прочелъ, истолковалъ и указалъ причину наказанія, говоря:

когда въ наказаніе за грѣхи содѣлались мы плѣнниками, тогда и сіи сосуды, посвященные нами Богу, предалъ Онъ поработившему насъ, научая тѣмъ, что, не имѣя въ нихъ нужды, терпѣлъ наши жертвоприношенія; но, пока были мы благочестивы, принималъ нами приносимое, желая оказать намъ милость; когда же поползулись мы въ нечестіе, отринулъ и принесенные нами дары. Да и отецъ твой, имѣя объ этомъ нѣкоторое понятіе, почтилъ, какъ полагалъ онъ, сіи сосуды, удаливъ отъ людскаго употребленія, и посвятивъ мнимымъ своимъ богамъ. А ты, не помысливъ о возданной отцемъ чести, впалъ въ бездну высокомерія, и поругался надъ священными чашами. Посему-то Владыка ихъ, не о вещахъ неодушевленныхъ прилагая попеченіе, помышляя о людяхъ, извѣщаетъ, какой конецъ высокомерія, и твоимъ наказаніемъ многимъ людямъ даетъ урокъ благочиній. Такъ сказалъ Данилъ, и Валтасаръ въ ту же ночь пріять казнь.

Вотъ какъ Творецъ всяческихъ всегда помышлялъ о всѣхъ людяхъ, не только ведущихъ родъ отъ Авраама, но о всѣхъ потомкахъ Адамовыхъ, и посредствомъ одного народа приводилъ къ боговѣднію всѣ народы. И всѣмъ человѣкамъ предлагалъ чрезъ него ученіе, не только, когда былъ онъ благочестивъ, но и когда несъ наказаніе за свои беззаконія. И именно этого Навуходоносора, высокомернаго мучителя, воздвигшаго золотый кумиръ, повелѣвавшаго, чтобы всѣ покланялись ему, и говорившаго: *выше звѣздъ поставлю престолъ мой, възду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему* (Иса. 14, 13. 14.), *вселенную всю обьму рукою, яко*

гнѣздо, и яко оставленная лица возму (10, 14.), не чрезъ Ангеловъ Богъ всяческихъ научалъ цѣломудрію, но чрезъ тѣхъ, которые имъ самимъ взяты были въ плѣнь. Ибо, когда увидѣлъ, что три отрока, не исполнивъ царскаго узаконенія, страшную эту пещь пренебрегли, какъ игрушку, ходять по углямъ, какъ по розамъ, и преданные такому пламени пѣснословятъ Бога, какъ дивится онъ чуду, такъ изумѣваетъ предъ Содѣтелемъ чуда, повелѣваетъ всемъ поклоняться Богу отроковъ, именуеть Его Вышнимъ, называетъ Богомъ и Царемъ всѣхъ.

Такъ и онаго Ассиріянина, который вознеистовствовалъ противъ Бога, и произнесъ безумныя сіи слова: не спасеть васъ Господь Богъ отъ руки моей, и гдѣ боги народовъ? довелъ до познанія собственнаго своего безсилія, припудилъ бѣжать одного, а тѣ многія тысячи, которыми онъ величался, въ краткое мгновеніе времени чрезъ единого Ангела предалъ смерти.

Такъ Іону послалъ къ Шивитянамъ проповѣдникомъ покаянія; и не восхотѣвшаго исполнить повелѣніе, но неразумно вознамѣрившагося бѣжать, связываетъ волнами, и какъ въ нѣкое узилище, предаетъ въ утробу кита; и неразумная рыба отводитъ разумнаго туда, гдѣ повелѣно ему проповѣдывать.

Когда же наступило время совершиться великой тайнѣ домостроительства, и по божественномъ во-человѣченіи въ цѣлой вселенной разсѣяться проповѣди; тогда уже сей народъ, по особенному благодѣянію въ началѣ избранный изъ всѣхъ народовъ, разсѣваетъ также въ цѣлой вселенной, чтобы всѣ, одержимые прелестію многобожія, навыкли слы-

нать, что единъ есть Богъ, Творецъ неба и земли, и чрезъ это болѣе удобно содѣлалась проповѣдь и божественнымъ Апостоламъ.

Но, можетъ быть, скажетъ ный, что Иудеи не только не содѣйствовали ученію о Христвѣ, а даже крайне противодѣйствовали, и служили препятствіемъ для язычниковъ, хотѣвшихъ увѣровать. Напротивъ того, если кто пожелаетъ изслѣдовать сіе въ точности; то найдетъ, что самое противленіе Иудеевъ способствовало вѣрѣ язычниковъ; потому что бесѣда съ Иудеями и доказательства, приводимыя изъ закона и Пророковъ, какъ служили яснымъ отличіемъ неразумія Иудеевъ, такъ показывали язычникамъ, что христіанскій образъ жизни проповѣдуемъ былъ издревле. И свидѣтельство, заимствованное у враговъ, дѣлало достовѣрнымъ проповѣдуемое ученіе. Проповѣдники сего ученія выставили на среду и патриарха Авраама, пріившаго сіи обѣтованія, и Исаака, этомъ плодъ обѣтованія, и Иакова, получившаго отъ отца сіе благословеніе, и Иуду, преемственно наслѣдовавшаго тоже отческое благословеніе, и Моусея, о семъ предрекавшаго, и царя Давида, тоже предвѣщавшаго, и Исаію, и Іеремію, о томъ же пророчествовавшихъ, и Іезекііля, и Данила, сіе же провозгласившихъ Духомъ, и весь сонмъ Пророковъ, ясно предуказавшихъ сбывшееся съ нами. И слышавшіе, видя, что Иудеи сами признають вѣщанія сіи божественными, а также усматривая благодѣшныя, совершаемыя именемъ Христовымъ, и сіи знаменія пріемля залогомъ преподаваемого ученія, легко принимали проповѣдь, вѣровали въ проповѣдуемаго Бога, гнушались же пре-

вратныхъ іудейскихъ толковъ. Поэтому непокорность Іудеевъ не только не служила препятствіемъ божественной проповѣди, но тѣмъ самымъ, что они предпринимали противодѣйствовать, придавала достовѣрность ученію; потому что противорѣчіе понуждало выставить на среду Господни свидѣтельства, а свидѣтельства сіи обличали ложь, и открывали свѣтъ истины.

Посему Богъ всяческихъ издревле продолжалъ домоостроительство спасенія чловѣковъ и прилагалъ о семъ попеченіе, приличное каждому времени. Сему научая, блаженный Павелъ сказалъ: *въ елико время наслѣдникъ младъ есть, ничимже лучшій есть раба, Господь сый встѣхъ: но подѣ повелители и приставники есть, даже до нарѣка отча. Такожде и мы, егда быхомъ млади, подѣ стихіями бѣхомъ міра порабощени. Егда же прииде кончина льта, посла Богъ Сына Своего, раждаемаго отъ жены, бываема подѣ закономъ, да подзаконныя искупить, да всыновленіе воспримемъ* (Гал. 4, 1—5.). А что къ сему домоостроительству приступилъ Богъ, не по принятому имъ вповѣ усмотрѣнію, но такъ постановилъ Онъ изъ начала, сему да научить насъ тотъ же свидѣтель, который въ посланіи къ Коринѣянамъ пишетъ: *премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ: премудрость же не вѣка сего, ни князей вѣка сего престающихъ: но глаголемъ премудрость Божію въ тайнѣ сокровенную, юже предустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу, юже никтоже отъ князей вѣка сего разуметь: аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 6—8.). Ибо, не изъ за-

висти къ благоденствію людей, доставили имъ случай къ сему приобрѣтенію высочайшаго блаженства, но не зная цѣли сей тайны, возстали на Спасителя душъ нашихъ, и неволью содѣлались для насъ снабдителями высочайшихъ благъ. Посему, хотя тайна была сокровенна, но предопредѣлена прежде вѣковъ.

А поэтому, убѣдавъ сіе, дознавъ на все простирающееся Божіе промышленіе, усматривая неизмѣримое чловѣколюбіе, видя безмѣрное милосердіе, престаньте неистовствовать противъ Создателя, научитесь пѣснословить Благодѣтеля, благопризнательнымъ словомъ воздайте за великія благодѣнія. *Пожрите Богу жертву хвалы* (Псал. 106, 22.), не скверните языка хулою, содѣлайте его орудіемъ пѣснопѣнія, какъ на сіе онъ и устроень. Покланяйтесь тѣмъ Божиимъ смотрѣніямъ, которыя видимы, и не любопытствуйте о тѣхъ, которыя сокровенны, но ожидайте дознанія, которое будетъ въ свое время. Когда совлечемся страстей, тогда приобрѣтется совершенное вѣдѣніе. Не подражайте Адаму, который отважился вкусить запрещенныхъ плодовъ; не касайтесь сокровеннаго, но вѣдѣніе сего предоставьте надлежащему времени. Послушайтесь премудраго, который говоритъ: *не говори: что сіе? на что сіе? Вся бо на потребу создана быша* (Сир. 39, 22.). Посему, отвсюду собирая поводы къ пѣснословіямъ, и срастворивъ ихъ въ одно пѣснопѣніе, вознесите оное съ нами Творцу, и Благодаятелю, и Спасителю Христу, истинному Богу нашему. Ему слава и поклоненіе, и велельніе въ нескончаемые вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О

О БОЖЕСТВЕННОЙ И СВЯТОЙ ЛЮБВИ.

Каковы подвижники добродѣтели, сколько заслужили вънцевъ, и какъ они блгстательны, сіе ясно видно изъ написанныхъ нами о нихъ повѣствованій (а). Ибо если въ сихъ повѣствованіяхъ и не всѣ исчислены подвиги ихъ; то и не многого достаточно, чтобы показать отличительную черту цѣлой ихъ жизни; потому что и оселокъ, не тратя всего подносимаго къ нему золота, но нѣсколько будучи потертъ объ оное, показываетъ его добротность, или малодобротность. А такъ же и стрѣлка по немногимъ пущеннымъ имъ стрѣламъ съ точностію узнаетъ шій, хорошо ли будетъ онъ попадать въ цѣль, или станетъ стрѣлять мимо, по неопытности въ искусствѣ. Также можно распознавать (не буду говорить о каждомъ порознь) и другихъ искусниковъ: скороходовъ, представителей трагедій, кормчихъ, кораблестроителей, врачей, земледѣльцевъ, и вообще всякаго другаго, какимъ кто занимается искусствомъ. Достаточно малаго испытанія, чтобы показать знающихъ искус-

(а) Бл. Феодоритъ разуметь здѣсь описанныя имъ житія сирскихъ подвижниковъ и подвижницъ въ книгѣ, имѣющей названіе: *Боголюбивое сказаніе, или жизнь подвижническая.*

ство, и обличить невѣжество носящихъ на себѣ только имя знающаго. Поэтому, какъ сказалъ я, если описано и не многое изъ того, въ чемъ преуспѣлъ каждый, и сего достаточно къ изученію всего образа жизни.

Въ настоящемъ же словѣ надлежитъ намъ изслѣдовать, разыскать и въ точности дознать, по какимъ побужденіямъ подвижники предпочитали этотъ образъ жизни, и какими водясь помыслами, достигали самаго верха любомудрія. Что не на тѣлесную надѣясь крѣпость, возлюбили то, что выше естества человѣческаго, превзошли положенные ему законы, преодолѣли преграды, поставляемыя подвижникамъ благочестія, учитель въ этомъ—ясный опытъ; потому что никто изъ непріобрѣтшихъ сего любомудрія никогда не оказывалъ ихъ терпѣнія.

Если и пастухи мокнуть подъ дождемъ, то не всегда. Живутъ они и въ пещерахъ, но входятъ и въ дома; и ноги прикрываютъ обувью, другія части тѣла одѣваютъ теплыми одеждами, раза два, три, а иногда и четыре въ день, вкушаютъ пищу. Мясо же и вино лучше всякаго очага согрѣваютъ тѣло; такая пища, когда будетъ переварена, какъ бы процѣженная сквозь узкое горло сосуда, вошедши въ печень, и претворившись тамъ въ кровь, кровеносною трубчатою жилою поступаетъ въ сердце; оттуда же, нагрѣвшись, какъ бы водопроводами какими, разсѣянными кровеносными жилами проходитъ во всѣ части тѣла; и куда ни достигаетъ, не орошаетъ только, но и разгорячаетъ, подобно огню, и лучше пышныхъ одеждъ согрѣ-

ваетъ тѣло. Ибо не рубаха, не нижняя и верхняя одежда, какъ предполагаютъ иные, сообщаютъ тѣлу теплоту; иначе одежды сіи согрѣвали бы и дерево, и камень, когда на нихъ наложены; но никто никогда не видалъ, чтобы дерево или камень согрѣлись подъ одеждами. Поэтому тѣлу не онѣ сообщаютъ теплоту; напротивъ того онѣ сохраняютъ теплоту тѣла, и какъ ограждаютъ отъ прираженія холоднаго воздуха, такъ, принимая въ себя исходящія изъ тѣла испаренія, сами нагрѣваются ими, и нагрѣтая покрываютъ собою тѣло. Свидѣтель сему—опытъ; перѣдко, ложась на холодное ложе, прикосновеніемъ тѣла дѣлаемъ теплою постель, которая не задолго была холодна. Посему нища больше всякой одежды согрѣваетъ тѣло, и вкушающіе ея въ сытость имѣютъ достаточную защиту отъ прираженій стужи; потому что вооружаютъ ею тѣло и приводятъ его въ состояніе выносить холодное время года.

Но тѣ, которые не каждый день принимаютъ пищу и интіе, а когда вкушаютъ, не ждуть насыщенія, но обуздываютъ сильный позывъ на пищу, да и ѣдятъ не то, что можетъ согрѣвать тѣло, а или питаются злаками, подобно безсловеснымъ, или употребляютъ одни мочные овощи, могутъ ли въ такой пищѣ почерпнуть для себя какую-либо теплоту? Прибудетъ ли отъ этого скольконибудь капель, или какая-нибудь капля, крови?

Поэтому, состояніе другихъ нимало не походитъ на состояніе подвижниковъ. И одежда у тѣхъ и другихъ не одна и таже; потому что у подвижниковъ одежда самая грубая и всего меньше способная

согрѣвать. И питаніе не одинаковое, но прямо противоположное. Пастухамъ и другимъ занимающимся чѣмъ-либо подобнымъ великое время есть время принятія пищи; потому что опредѣляется оно пожеланіемъ, и если рано утромъ нападеть голодъ, немедленно принимаются за пищу, и ѣдятъ, что случится; ибо у нихъ нѣтъ устава, это ѣсть, а этого никакъ не ѣсть, напротивъ того, чего ни пожелаютъ, все вкушаютъ небоязненно. А здѣсь все опредѣлено, и дни, и времена, и родъ, и мѣра пищи; а насыщенія пищею не положено.

Посему, никто изъ недовольныхъ своею участію да не покушается, выставляя намъ на видъ земледѣльцевъ, пастуховъ и гребцевъ, умалять подвиги величайшихъ сихъ подвижниковъ. Ибо земледѣлецъ, утрудившись днемъ, покоится ночью дома, и жена оказываетъ ему всякія услуги. И пастухъ точно также пользуется всею тѣмъ, о чемъ сказали мы прежде. И служащій на корабль подвергаетъ тѣло солнечнымъ лучамъ, но облегченіе тѣлу находитъ въ водахъ, купается, сколько хочетъ, и прохладою водъ пользуется, какъ цѣлебнымъ врачевствомъ отъ зноя лучей. А подвижники ни отъ кого не пользуются никакою услугою; потому что живутъ не съ женами, которыя придумываютъ всяческое утѣшеніе мужьямъ; и когда приражается къ нимъ знойный лучъ солнца, не ищутъ освѣженія въ водѣ; и въ зимнее время не обороняютъ себя пищею отъ стужи, и ночного отдыха не обращаютъ какъ бы въ нѣкое врачевство отъ дневныхъ трудовъ. У нихъ ночные подвиги и тяжелѣе и многочисленнѣе дневныхъ; потому что вступаютъ въ

борьбу съ сномъ, и не уступаютъ ему надъ собою сладкой побѣды, но одолеваятъ пріятное его преобладаніе, и совершаютъ всеночное пѣснопѣніе Владыкъ. Посему никто изъ ненаучившихся любомудрію подвижниковъ не оказывалъ ихъ терпѣнія.

А если никакой другой человекъ не въ состояніи выдержать такіе труды; то явно, что любовь къ Богу дѣлаетъ подвижниковъ способными простирались далѣе предѣловъ естества; и распаленные огнемъ свыше, съ любовію переносятъ они прираженіе стужи, и небесною же росой умѣряютъ зной солнечныхъ лучей. Любовь питаетъ, напоеваетъ, одѣваетъ, окривляетъ ихъ, она научаетъ ихъ летать, дѣлаетъ способными воспарять выше неба, и, сколько вмѣстимо для нихъ, открываетъ имъ Возлюбленнаго, представленіемъ сего созерцанія распалетъ желаніе, возбуждаетъ приверженность и возжигаетъ сильнѣйшій пламень. Какъ увлекаемые плотскою любовію въ зрѣніи любимаго находятъ пищу своей приверженности, и тѣмъ усиливаютъ оную страсть: такъ уязвляемые божественною любовію, представляя оную божественную и чистую Лепоту, стрѣлы любви дѣлаютъ болѣе острыми, и чѣмъ болѣе вождельваютъ насладиться, тѣмъ болѣе далеки бываютъ отъ насыщенія. За плотскимъ удовольствіемъ слѣдуетъ пресыщеніе; а любовь божественная не допускаетъ законовъ насыщенія.

Таковъ былъ великій законоположникъ Моисей; онъ неоднократно, сколько доступно сіе человеку, сподобившись божественнаго созерцанія, неодно-

кратко насладившись блаженнымъ гласомъ, сорокъ дней непрерывно пребывъ внутри мрачнаго облака, и пріавъ Божіе законоположеніе, не только не ощутилъ сытости, но пріобрѣлъ еще болѣе сильное и теплое вождельніе. Какъ бы въ усыпленіе какое впалъ отъ упоенія этою любовію, и приведенный въ крайнее самозабвеніе сею приверженностію, не зналъ онъ собственнаго своего естества, вождельбалъ же видѣть, что и не позволительно видѣть; какъ бы не представляя въ умѣ Божія владычества, и помышляя объ единой любви, изрекъ онъ Богу всяческихъ: *се Ты мнѣ глаголеши: благодать имайи у Мене, и вѣмъ Тя паче всѣхъ. Аще убо обрѣтохъ благодать предъ Тобою, яви ми Тебе Самого, да разумно вижду Тя* (Исх. 33, 12. 13.). Въ такое упоеніе приведенъ онъ былъ божественною любовію, и упоеніе сіе не угасило жажды, но сдѣлало ее еще болѣе сильною; прибавленіе питія послужило къ возбужденію большаго вождельнія, съ наслажденіемъ увеличилось пожеланіе. Какъ огонь, чѣмъ больше даютъ ему горючаго вещества, тѣмъ большую оказываетъ дѣйственность; потому что съ симъ прибавленіемъ вещества увеличивается, а не ослабѣваетъ: такъ и любовь къ Богу распаляется созерцаніемъ божественнаго, и получаетъ отъ того болѣе сильную и горячую дѣйственность. И чѣмъ болѣе занимается кто божественнымъ, тѣмъ паче разжигаетъ въ себѣ пламень любви.

И сему научаетъ насъ, не великій только Моисей, но и та святая невѣста, о которой богомудрый Павелъ говоритъ: *обручихъ васъ единому*

мужу двѣу чисту представи Христови (2 Кор. 11, 2.). Ибо она въ Пѣсни Пѣсней взываетъ Жениху: яви ми зракъ Твой, и услышанъ сотвори ми гласъ Твой: яко гласъ Твой сладокъ, и образъ Твой красенъ (Пѣс. Пѣс. 2, 14.). Исполнившись любви по слуху о Женихѣ, не довольствуется симъ слухомъ, но желаетъ слышать самый голосъ Его. И окрилившись рассказами о красотѣ Его, вождельвуетъ самага лицезрѣнія, выражая приверженность произнесенными похвалами, и говоритъ: *яви ми зракъ Твой, и услышанъ сотвори ми гласъ Твой: яко гласъ Твой сладокъ, и образъ Твой красенъ.*

Сно-то возлюбивъ красоту, посредникъ и невѣстоводитель невѣсты сей, богомудрый Павелъ изрекъ сіе исполненное любви слово: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовы? Скорбь ли, или тѣснота, или гладъ, или гоненіе, или нагота, или бѣда, или мечъ? Яко же есть писано: яко Тебе ради умерщвляемъ есмь весь день: вмѣтихомся яко же овцы заколенія (Римл. 8, 35. 36.).* Потомъ показываетъ и причину терпѣнія; ибо говоритъ: *во встѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбившаго ны Бога (37).* Приемля во вниманіе, кто мы, и какихъ насладились благъ, разсудивъ, что не мы первые возлюбили, но сами возлюблены, и потомъ уже воздали любовію, и возлюблены, когда ненавидѣли, *врази бывше примирихомся (Римл. 5, 10.),* и не сами умолили сподобить насъ сего примиренія, но данъ намъ ходатаемъ Единородный, и мы, оскорбившіе, утѣшены оскорбленнымъ; а сверхъ этого представивъ въ умъ животворящій

крестъ Распятаго за насъ, спасительныя страда-
нія, прекращеніе мучительства смерти, дарован-
ную намъ надежду воскресенія; все сіе и подобное
сему пріемля во вниманіе, препобѣждаемъ встрѣча-
ющіяся намъ скорби, и памятованіе благодѣній
противополагая временному злостраданію тѣла, съ
любовію переносимъ прираженіе горестнаго; по-
тому что, сравнивая печали житейскія съ любовію
ко Владыкѣ, находимъ ихъ крайне легкими. Если
соберемъ вмѣстѣ всѣ мнимыя пріятности и удо-
вольствія; то противопологаемая имъ божествен-
ная любовь показываетъ, что онѣ несостоятельныѣ
тѣни и кратковременныѣ вѣсеннихъ цвѣтовъ.

Сіе Апостоль ясно выражаетъ, какъ въ приве-
денныхъ уже словахъ, такъ и въ томъ, что гово-
ритъ далѣе: *извѣстихся бо, говоритъ онъ, яко
ни смерть, ни животъ, ни Ангели, ни начала,
ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни вы-
сота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ
насъ разлучити отъ любве Божіа, яже о Христѣ
Иисусѣ Господѣ нашемъ* (Римл. 8, 38. 39.). По-
елику выше, представивъ только одно печальное,
сравнивалъ скорбь, тѣсноту, гоненіе, гладь, на-
готу, бѣду, мечь, то есть, насильственную смерть;
то здѣсь справедливо къ скорбному прилагаетъ и
радостное, къ смерти жизнь, къ чувственному мы-
сленное, къ видимому невидимыя силы, къ насто-
ящему и преходящему будущее и постоянно пре-
бывающее; сверхъ же того — глубину геенны и
высоту царствія; но сравнивъ это и нашедши,
что все, и печальное и радостное, уступаетъ люб-
ви, и что утрата любви нестерпимѣе мученія въ

гееннѣ, и показавъ, что, если бы только было это возможно; то при любви божественной и угрожающее мученіе предпочелъ бы онъ обѣтованному небесному царству безъ любви, Апостоль въ упоеніи любовію, доискивается и несуществующаго и усиливается даже это сравнивать съ любовію къ Богу; ибо говоритъ: *ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любви Божія, яже о Христь Иисусъ Господь нашемъ*, то есть, не только всему въ совокупности, видимому и невидимому предпочитаю любовь къ Спасителю и Искупителю; но, если бы открылась и другая какая тварь, высшая и лучшая этой, и та не убѣдитъ меня измѣнить любви. Но если кто предложитъ мнѣ и радостное, только безъ любви, не приму. А если кто за любовь причинитъ мнѣ и скорби, онъ будутъ для меня вождельныи и крайне любезны. И ради любви для меня голодъ пріятнѣе всякаго наслажденія, горе-ніе сладостнѣе мира, нагота привлекательнѣе багряницы и златотканныхъ одеждъ, бѣда усладительнѣе всякой безопасности, насильственная смерть предпочтительнѣе всякой жизни; потому что самая причина страданій дѣлается для меня отрадою, такъ какъ невзгоды сіи пріемлю за Возлюбившаго и влѣсть Возлюбленнаго.

Не вѣдѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ (2 Кор. 5, 21.); *богатъ Сый, насъ ради обнища, да мы нищетою Его обогатимся* (2 Кор. 8, 9.); *и: искупилъ ны есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва* (Гал. 3, 13.); *и: смирилъ Себе,*

послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя (Филип. 2, 8.); и: еще грѣшникомъ сущимъ намъ Христосъ за ны умре (Римл. 5, 8.). Сіе и подобное сему представляя въ умѣ, не принявъ бы я и небеснаго царства безъ любви за сіе, не сталъ бы избѣгать наказанія въ гееннѣ, если бы возможно было, имѣя сію любовь, терпѣть мученіе. Сему же ясно паучастъ Апостоль и въ другомъ мѣстѣ: *ибо любви Божія обдержитъ насъ суждишихъ сіе: яко Единъ за вѣхъ умре, да живущи не къ тому себѣ живутъ, но Умершему за нихъ и Воскресшему (2 Кор. 5, 14. 15.).* Поэтому не себѣ живущи, но Умершему за нихъ и Воскресшему, для Него готовы охотно все дѣлать и терпѣть.

И сравнивая съ любовію страданія, по природѣ великія и тяжкія, Апостоль называетъ ихъ малыми и сносными. Ибо говоритъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея по преумноженію въ преспѣваніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ (2 Кор. 4, 17.).* Потомъ учитъ, какъ должно производить сравненіе: *не смотряющимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая бо временна, невидимая же вѣчна (18.),* то есть, сравнивать надлежитъ съ настоящимъ будущее, съ временнымъ вѣчное, съ печалію славу; потому что печаль мгновенна, а слава вѣчна, а поэтому первая легка и удобоспосна, а вторая многоцѣнна и полна. И конечно Апостоль слово сіе: *по преумноженію* относитъ здѣсь къ тому и къ другому, и къ легкости печали, и къ тяготѣ славы, то есть, одно до прензбытка мало, легко и кратковременно; а также и другое въ

преизбытокъ славно, многоцѣнно, полно и вѣчно. И въ другомъ мѣстѣ, подобно сему, взываетъ онъ: *благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ, въ бѣдахъ; во изгнаніихъ, въ нестроеніяхъ по Христь: егда бо немощствую, тогда силенъ есмь* (2 Кор. 12, 10.).

Сею любовію уязвившись, и великій Петръ, даже предувѣдомленный о будущемъ отреченіи, не рѣшился скрыться, но за лучшее призналъ отречься послѣдовавъ, нежели исповѣдать бѣжавъ. А что послѣдованіе было порожденіемъ любви, а не отважности, свидѣтельствуеть о семъ самое дѣло; потому что и по отреченіи не рѣшился оставить Учителя; но, хотя *плакася горько*, какъ показываетъ исторія (Матѣ. 26, 75.), и сътовалъ о своемъ пораженіи, однако же не предался бѣгству, удерживаемый узами любви, и услышавъ благовѣстіе о воскресеніи, первый вошелъ во гробъ. И еще, занимаясь ловитвою рыбъ въ Галилеѣ, а потомъ узнавъ, что стоящій на берегу, и бесѣдующій съ ними есть Самъ Господь, не захотѣлъ употребить въ дѣло корабль, медленно разсѣкающій морской хребетъ, но желалъ бы окрилившись, какъ можно скорѣе, по воздуху достигнуть берега. Поелику же по природѣ лишенъ былъ крыль, то вмѣсто воздуха употребляетъ воду, и вмѣсто крыль — руки, и вплавъ достигаетъ къ Возлюбленному, а въ награду за поснѣшность пріемлетъ предпочтеніе предъ другими. Ибо, когда Господь повелѣлъ съѣсть и раздѣлить найденныя снѣди, съ нимъ немедленно началъ бесѣду, и, повидимому, спрашивая и извѣдывая, сколько любитъ онъ, въ

дѣйствительности же другимъ открывая любовь великаго Петра, сказалъ: Симонъ Петръ, любиши ли Мя паче сихъ (Іоан. 21, 15.)? И Петръ Его Самого призвалъ во свидѣтели любви; ибо сказалъ: *Господи Ты вѣси, яко люблю Тя*: отверзсты для Тебя человѣческія души, ясно знаешь движенія ума, ничто человѣческое не утаено отъ Тебя. Все знаешь, и послѣднее и древнее. Владыка присовокупилъ къ сему: *паци овцы Моя* (16.), то есть, хотя ни въ чемъ не имѣю нужды, однако же высочайшимъ почитаю благодареніемъ заботливость о Моихъ овцахъ, и попеченіе о нихъ при- емлю за попеченіе о Мнѣ Самомъ. Поэтому надлежитъ тебѣ о подобныхъ тебѣ рабахъ имѣть такое промышленіе, какимъ пользуешься самъ, питать ихъ, какъ самага питаю, пасти ихъ, какъ самага пасу, и какою благодарностію обязанъ ты Мнѣ, воздавать ее чрезъ нихъ. О томъ же и въ другой еще разъ вопрошалъ Владыка, и въ другій еще разъ отвѣтствовалъ великій Петръ, и въ другій еще разъ пріямъ рукоположеніе отъ Пастыря (б). Когда же и въ третій разъ предложенъ былъ вопросъ; не съ такою уже смѣлостію и небоязненностію отвѣтствуетъ блаженный Петръ, но исполняется страха, смятенію даетъ мѣсто въ душѣ своей, колеблется—произнести рѣшительный отвѣтъ, и боится, опасаясь, не предвидитъ ли Владыка втораго отреченія, и не посмѣвается ли выраже-

(б) Θεодоритъ здѣсь вмѣстѣ въ виду то, что чрезъ произнесеніе словъ: *паци овцы Моя*, Господь вторично утвердилъ Петра въ званіи апостольскомъ.

ніямъ любви его. Ибо умъ его возвращается къ прежнему, приводитъ ему на память, какъ и прежде уже неоднократно утверждалъ, что даже до смерти не оставитъ Учителя, однако же услышалъ: *прежде даже алекторъ не возгласитъ, трижды отвержешия Мене* (Мато. 26, 34.), и находитъ, что не его обѣщаніе исполнилось, но Владычес подтвердилось предреченіе. Воспоминаніе о семъ привело Петра въ страхъ, и не позволяло ему смѣло произнести приличный отвѣтъ. Острыя и лязвщія его ощущалъ опъ жала, и уступаетъ въ вѣдѣніи Владыкъ, не возражаетъ, какъ прежде, не утверждаетъ: *еще ми есть и умерети съ Тобою, не отвергуся Тебе* (Мато. 26, 35.); но говоритъ, что Самъ Владыка свидѣтель любви его, и исповѣдуетъ, что точное знаніе сего принадлежитъ Ему одному, Творцу всяческихъ. Ибо сказалъ опъ: *Господи Ты вся вѣси, Тебѣ извѣстно, Ты вѣси, яко люблю Тя* (Юан. 21, 17.). Что люблю Тебя, и знаешь, и свидѣтельствуешь объ этомъ; но пребуду ли въ любви, еще яснѣе знаешь Самъ Ты, а я ничего не скажу о будущемъ, не буду спорить о томъ, чего не знаю; научень же опытомъ не противорѣчитъ Владыкъ. Ты источникъ истины, Ты бездна вѣдѣній: обучень я пребывать въ положенныхъ Тобою предѣлахъ. Но Владыка, увидѣвъ боязнь его, и въ точности зная любовь, предреченіемъ о кончинѣ уничтожаетъ страхъ, даетъ свидѣтельство о любви, подтверждаетъ исповѣданіе Петрово, и къ струпу отреченія прилагаетъ врачество исповѣданія. Посему-то, думаю, и требовалъ Господь троекратнаго исповѣданія, чтобы равночи-

сленныя струпамъ приложить врачевства, и бывшимъ при семъ ученикамъ вполне открыть пламень любви. Потому предреченіе о кончинѣ и Петра ободрило, и другихъ научило, что его отреченіе было по Божію смотрѣнію, а не по Петровой мысли. И сіе самъ Спаситель и Господь нашъ далъ разумѣть, сказавъ Петру: *Симоне, Симоне, сатана проситъ васъ, дабы съялъ, яко пшеницу: Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ въра твоя: и ты нѣкогда сбращая утверди братію твою* (Лук. 22, 31. 32.); то есть, какъ Я не пренебрегъ тебя поколебавшагося, такъ и ты будь опорой обуреваемымъ братіямъ твоимъ, оказывай имъ вспоможеніе, какимъ пользуешься самъ, и не отгоняй отъ себя понозящихся, но возставляй подвергающихся опасности. Для этого и тебѣ попускаю преткнуться, и не позволяю пасть, въ тебѣ уготовляя поддержку колеблющимся. Такъ великій сей столпъ подкрѣпиль потрясенную вселенную, и не допустилъ до конечнаго паденія, но возставилъ, сдѣлалъ неколеблемою, и пріять повелѣніе пасти овецъ Божіихъ, когда подвергался за сіе поруганіямъ, терпѣль, когда били его, веселился, и исходя съ сотрудникомъ своимъ изъ лукаваго синадріона, радовался, *яко за имя Владыки сподобился безчестіе пріяти* (Дѣян. 5, 41.), и ввергаемый въ темницу, восхищался и веселился. И когда осужденъ былъ Перопомъ за Распятаго пріять смерть на крестѣ, уграшивалъ исполнителя казни пригвоздить его къ древу, но не какъ Владыку, убоявшись, вѣроятно, чтобы одинаковость страданія не привела неразумныхъ къ равному чувствуванію, посему умолялъ пригвоздить его руками внизъ

и ногами вверхъ; ибо научился избирать для себя послѣднее мѣсто, не въ чести только, но и въ безчестіи. Но если бы возможно было десять и пятьдесятъ разъ претерпѣть сію смерть; то принялъ бы со всякимъ удовольствіемъ, распалемый божественною любовію. Сіе же взываетъ и божественный Павелъ, то сказую: *по вся дни умираю: тако ми ваша похвала, юже имамъ о Христѣ Іисусѣ* (1 Кор. 15, 31.); то говоря: *Христови сраспяхся: живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 19. 20).

Посему пріявшій божественную любовь пренебрегаетъ всѣмъ въ совокупности земнымъ, попираетъ всѣ плотскія удовольствія, презираетъ богатство и славу и честь отъ людей, думаетъ, что и багряница ничѣмъ не отличается отъ паутины, драгоценные камни уподобляетъ разсыпаннымъ на берегу кремнямъ, тѣлеснаго здравія не почитаетъ блаженнѣйшимъ состояніемъ, бѣдности не именуетъ несчастіемъ, благополучія не измѣряетъ богатствомъ и роскошью; но справедливо думаетъ, что все это подобно всегда рѣчнымъ струямъ, которыя протекаютъ мимо насажденных на берегахъ деревъ, и ни при одномъ изъ нихъ не останавливаются. Ибо бѣдность и богатство, здоровье и бользнь, честь и безчестіе, и все иное, чѣмъ сопровождается естество человѣческое, какъ усматриваемъ, подобно рѣчнымъ струямъ, не всегда пребываютъ у однихъ и тѣхъ же, но мѣняютъ обладателей, и непрестанно переходятъ отъ однихъ къ другимъ. Многіе послѣ обилія впадаютъ въ крайнюю бѣдность; а многіе изъ нищихъ входятъ въ число богатыхъ. Да и бо-

лѣзнь и здоровье ходять, такъ сказать, по всякимъ тѣламъ, томятся ли они голодомъ, или роскошествуютъ. Добродѣтель же и любомудріе единственное постоянное благо. Любомудрія не одолеваетъ и рука грабителя, и языкъ клеветника, и туча вражескихъ стрѣлъ и копій. Не бываетъ оно добычею горячки, игрушкою волнь, и не терпитъ уроша отъ кораблекрушенія. Время не умаляетъ, но увеличиваетъ его силу. А пищею для него любовь къ Богу. Ибо не возможно преуспѣвать въ любомудрії, не содѣлавшись пламеннымъ любителемъ Бога; лучше же сказать, сіе-то самое и называется любомудріемъ; потому что Богъ есть премудрость, и премудростию именуется. О Богъ всяческихъ сказуетъ блаженный Павелъ: *нетлѣнному, невидимому, единому премудрому Богу* (1 Тим. 1, 17.), и о Единородномъ говоритъ: *Христосъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. 1, 24.); и еще: *дадеса намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (30.). Посему въ дѣйствительности любомудрый справедливо можетъ быть названъ и боголюбивымъ. А боголюбивый пренебрегаетъ всѣмъ инымъ, и взирая только на Возлюбленнаго, угожденіе Ему предпочитаетъ всему въ совокупности, то одно говоритъ, и дѣлаетъ, и помышляетъ, что угодно и благопріятно Возлюбленному; отвращается же всего того, что запрещаетъ Онъ.

Не позаботившись о сей любви, и содѣлавшись непризнательнымъ къ Благодѣтелю, въ воздаяніе за неблагодарность Адамъ пожалъ тернія, труды и бѣды. Сохранивъ твердою любовь сію къ Подателю благъ, пренебрегши услажденіемъ чрева и всему

предпочти угожденіе Богу, Авель украсился неувидаемыми вънцами, и пребывая незабвеннымъ въ памяти цѣлаго рода, пожинаетъ себѣ хвалу. Стяжавъ истинную и искреннюю любовь, Енохъ прекрасно посѣялъ, и еще лучше пожалъ, въ награду за благоугожденіе Богу пріялъ преложеніе, безсмертную до нынѣ жизнь, и въ продолженіе всего настоящаго вѣка славную и безсмертную память. Кто въ состояніи сказать что-либо о боголюбии Ноя? Его не совратило растлѣніе беззаконныхъ; но, когда все уклонилось и избрали путь противный, онъ одинъ шествовалъ путемъ прямымъ, всему въ совокупности предпочтя Творца, за что одинъ съ дѣтьми улучилъ спасеніе, оставленъ быть съменемъ естества, сохраненъ быть искрою рода. Такъ великій архіерей Мелхиседекъ, возгнушавшись малосмысленностію тѣхъ, которые предпочли чествованіе идоловъ, священство свое посвятилъ Творцу вселенскихъ, за что и пріялъ оную великую награду, содѣлался прообразомъ и сѣнью Того, Кто по самой истинѣ *безъ отца, безъ матери, безъ причта рода, ни начала днемъ, ни животу конца имѣетъ* (Евр. 7, 3.).

Но слово наше, простираясь впередъ, приходитъ къ тому, кто наименованъ другомъ Божиимъ, въ точности сохранилъ и преподаль законы дружества. Ибо кто изъ обучившихся, хотя нѣсколько, божественному не знаетъ, какъ великій патріархъ Авраамъ послушенъ былъ Божию призванію, какъ оставилъ отеческій домъ, отечеству предпочелъ чуждую страну, когда возлюбилъ Призавшаго, и заблагоразсудилъ все иное поставить ниже Его дружества?

Не рѣдко впадая во многія затрудненія, не остав-
лялъ онъ Возлюбленнаго, какъ не приведеннаго еще
въ исполненіе обѣтованій. Но и томимый жаждою,
когда воспрещали ему пить воду изъ кладезей, имъ
самимъ ископаныхъ, не вознегодовалъ на Призвав-
шаго, и не мстилъ обидѣвшимъ. Терпѣлъ напасть
и отъ голода, и не угасилъ въ себѣ пламенника
любви. Отнимали у него и супругу, которая сіяла
красотою, и украшалась цѣломудріемъ, и во всемъ
дѣлала для него жизнь пріятною; но вмѣстѣ съ же-
ною не отнимали у него любви къ Богу. Помогалъ
ли ему Богъ, упражнял ли его въ долготерпѣніи,
и попускалъ ему принимать на себя приращенія
неправды?—всегда пребывалъ одинаково любящимъ.
Сталъ онъ старцемъ, и не сдѣлался отцемъ; но
не измѣнилъ своего благорасположенія къ Тому,
Кто обѣщаль его содѣлать, и не содѣлалъ еще
отцемъ. Когда же, въ позднее уже время, обѣто-
ваніе исполнилось, неплодіе Сарры пренобѣждено,
превзойдены предѣлы старости, и содѣлался онъ
отцемъ Исаака, и тогда не долгое время насладился
онъ сею радостію; едва сынъ сталъ отрокомъ,
слышитъ повелѣніе принести его въ жертву Дав-
шему, возвратитъ даръ Подателю, быть жрецемъ
обѣтованнаго плода, и привести на жертву Исаа-
ка—великій источникъ народовъ, обагрить руки кро-
вію едиnorodнаго сына. Однакоже, хотя все это, и
еще гораздо большее, заключалось въ жертвѣ, па-
тріархъ не воспротивился, не указывалъ на права
природы, не представлялъ данныхъ ему обѣтованій,
не упоминалъ о томъ, кто попечется о немъ въ ста-
рости, кто предастъ его погребенію; но, отринувъ

всякій человѣческой помысль, любви противопоставивъ любовь, закону противоположивъ законъ, закону природы—законъ Божій, спѣшилъ совершить жертвоприношеніе и не колеблясь нанести ударъ, если бы только Великодаровитый, пріявъ усердіе, не воспрепятствовалъ тотчасъ убіенію. Но не знаю, достаточно ли какое слово къ изображенію этой любви? Ибо непощадившій и едиnorodнаго сына, когда повелѣвалъ сіе Возлюбленный, чего не пренебрегъ бы для Него?

Такою же любовь ко Владыкѣ пріобрѣли и самъ великій Исаакъ, и сынъ его патриархъ Іаковъ. Боголюбіе того и другаго восхваляютъ божественныя писанія; и Самъ Богъ всяческихъ нимало не отдѣляетъ вѣтвей отъ корня, но именуетъ Себя Богомъ Авраамовымъ, Исааковымъ, и Іаковлевымъ. Ихъ же благочестивый плодъ—и Іосифъ, старецъ между юными, но юноша между старцами. Боголюбія его и зависть не истребила, и рабство не угасило, и лесть госпожи не окрала, угроза и страхъ не ослабили, клевета, темница, продолжительность времени не пребороли, власть, могущество, роскошь, богатство не исторгли изъ сердца; но одинаково и взиралъ онъ на Возлюбленнаго, и исполнялъ Его законы. Сію любовь пріобрѣтя, Моусей, пренебрегши пребываніемъ въ царскихъ чертогахъ, *паче изволи страдати съ людьми Божіими, нежели имѣти временную грѣха сладость* (Евр. 11, 25.).

И должно ли продолжать и чрезъ мѣру распространять слово? Божественною любовію водясь и украшаясь, все собратство Пророковъ преуспѣло

въ совершеннѣйшей добродѣтели, и оставило по себѣ приснопамятную славу. Да и ликъ Апостоловъ, и сонмы мучениковъ, пріявъ въ себя этотъ огонь, презрѣли все видимое, и всѣмъ пріятностямъ жизни предпочли безчисленные роды смертей. Возлюбивъ Божественную лѣпоту, размысливъ о Божіей къ намъ любви, представивъ въ умѣ тысячи благодарѣній, вмѣнили они въ стыдъ себѣ, не вождѣлѣть оной неизреченной лѣпоты и содѣлаться неблагодарными къ Благодарителю. Посему-то завѣтъ свой съ Нимъ сохранили до смерти.

Сію лѣпоту возлюбивъ, и новые подвижники добродѣтели, которыхъ жизнь описали мы вкратцѣ, вступили на великіе оныя подвиги, препобѣждающіе человѣческое естество. И сему ясно научали ихъ божественныя писанія. Ибо воспѣваютъ они съ великимъ Давидомъ: *Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло: во исповѣданіе и въ велелѣпоту облеклся еси, одѣйся свѣтомъ яко ризою, простираяй небо яко кожу* (Псал. 103, 1. 2.), и все прочее, что открываетъ намъ Божію премудрость и силу; и еще: *Господь воцарися, въ лѣпоту облечеса: облечеса Господь въ силу и препоясая: ибо исправи вселенную, яже не подвижится* (Псал, 92, 1.). И здѣсь провозвѣщаются также—премудрость, лѣпота и сила. А въ другомъ мѣстѣ говоритъ Давидъ: *красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ* (Псал. 44, 3.). Здѣсь восхваляютъ онъ человѣческую красоту Бога Слова; но воспѣваетъ и премудрость; ибо говоритъ: *изліяся благодать во устнахъ Твоихъ; показываетъ и силу: препояши мечъ Твой по бедра Твоей силне: кра-*

сотою Твоею и добротою Твоею: и наляцы, и успьвай, и царствуй истины ради и кротости и правды (4. 5.); ибо въ этомъ Его красота, и богатство и сила. И Исаія взываетъ: кто сей пришедый отъ Едома, червлены ризы Его отъ Восора? сей красенъ во утвари Его, зъло съ крѣпостію (Иса. 63, 1.). Ибо Божественной лѣпоты не сокрыла и человѣческая утварь, но и ея облеченный издаетъ блистанія красоты, чтобы взирающихъ побудить и привлечь къ любви. Сіе говоритъ и святая невѣста, бесѣдуя съ нимъ въ Пѣснн Пѣсней: *мнро изліянно имя Твое. Сего ради отроковицы возлюбиша Тя: привлекоша Тя: въ слѣдѣ Тебе въ волю мнра Твоего потекли* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 2. 3.). Ибо юныя души, причащаясь Твоего благоуханія, поспѣшаютъ, вождельвая постигнуть Тебя, и симъ благоуханіемъ, какъ пѣкою цѣпно, привязуемая, не соглашаются расторгать сіи узы. Онѣ сладостны и добровольно возложены ими на себя. Согласны съ симъ и слова божественнаго Павла: *Христово благоуханіе есмь въ спасаемыхъ и погибающихъ: охъмъ убо воля смертная въ смерть: охъмъ же воля животная въ животъ* (2 Кор. 2, 15. 16.). Посему, научаемые о Христв божественнымъ писаніемъ, что Онъ прекрасенъ, что у Него несказанное богатство, что Онъ источникъ премудрости, можетъ все, что Ему угодно, водится безмѣрнымъ человѣколюбіемъ, источаетъ рѣки кротости, желаетъ всѣмъ людямъ благодѣтельствовать только, научаемые и богоносными мужами, что благодѣаній Его тысячи видовъ, и превышаютъ они умъ, и сіи подвижники уязвились улаждающими

стрѣлами любви, и, будучи членами невѣсты, съ нею взываютъ: уязвлены любовію и мы (Пѣсн. Пѣсн. 5, 8.). Ибо великій Іоаннъ взываетъ: се Агнецъ Божій вземлай грѣхи міра (Іоан. 1, 29.). Да и Пророкъ Исаія предвозвѣщаль будущее, какъ уже совершившееся, говоря: Той язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша, наказаніе міра нашего на Немъ. Язвою Его мы исцѣльхомъ (Иса. 53, 5.), и что еще сказано Пророкомъ о спасительныхъ страданіяхъ. Проповѣдуетъ и Павелъ, взывая: *Иже убо и Своего Сына не пощадъ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Римл. 8, 32.)? И еще: *по Христъ посолствуемъ, яко Богу молящу нами: молимъ по Христъ, примиритесь съ Богомъ. Невѣдѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ* (2 Кор. 5, 20. 21.). Сіе и подобное сему находя у содѣлавшихся служителями Божія Слова, отсюда приѣмлютъ они въ себя уязвленія божественной любви, и всѣмъ пренебрегая, представляютъ въ умъ Возлюбленнаго, и прежде ожидаемаго петльнія содѣлываютъ тѣло свое духовнымъ.

И мы воспримемъ сію любовь, и привлекаемые красотою Жениха, вождельвая обѣтованныхъ благъ, подвигнутые множествомъ благодарній, и убоявшись подпасть ответственности за неблагодарность, содѣлаемся любителями и хранителями Его законовъ. Ибо таковъ законъ дружества—одно и тоже любить, одно и тоже ненавидѣть. Посему и Аврааму сказалъ Богъ: *благословлю благословляція тѣ, и кленущія тѣ проклену* (Быг. 12, 3.); и Давидъ го-

Осод. Ч. I.

ворить Богу : мнѣ же згло чести быша друзи Твои Боже (Пс. 138, 17.); и еще: не ненавидящя ли Тя Господи возненавидѣхъ? И о вразѣхъ Твоихъ истаяхъ? совершенною ненавистію возненавидѣхъ я: во врази быша ми (21. 22.); и въ другомъ мѣстѣ: законопреступныя возненавидѣхъ, законъ же Твой возлюбихъ (Псал. 118, 3.); и еще въ иномъ мѣстѣ: коль возлюбихъ законъ Твой Господи, весь день поученіе мое есть (97.). Посему явственный признакъ любви къ Богу соблюденіе божественныхъ Его законовъ : кто любитъ Меня, тотъ заповѣди Мои сохранить, сказалъ Владыка Христосъ (Іоан. 14, 23.). Съ Нимъ слава, честь и поклоненіе Отцу и со Всесвятымъ и Животворящимъ Духомъ нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ ! Аминь.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИДЦАТАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

—

ТВОРЕНІЯ БЛАЖЕННАГО ТЕОДОРІТА, ЕПИСКОПА КИРСКАГО.

(часть V.)

ТОЛКОВАНІЯ НА ДВѢНАДЦАТЬ ПРОРОКОВЪ.

	<i>страни.</i>
Толкованіе на Пророка Наума.	4
— — Аввакума.	24
— — Софонію.	46
— — Аггея.	66
— — Захарю.	78
— — Малахію.	153

ДЕСЯТЬ СЛОВЪ О ПРОМЫСЛѢ.

страи.

- СЛОВО 1. Доказательство Промысла, заимствованное изъ разсмотрѣнія неба, луны и прочихъ звѣздъ. 177
- СЛОВО 2. Доказательство, заимствуемое изъ разсмотрѣнія воздуха, земли, моря, рѣкъ и источниковъ. 194
- СЛОВО 3. Доказательство Промысла, заимствуемое изъ устройства человѣческаго тѣла. . . . 206
- СЛОВО 4. Доказательство Промысла, заимствуемое отъ устройства человѣческихъ рукъ и изобрѣтенныхъ человекомъ искусствъ. . . . 223
- СЛОВО 5. Доказательство Промысла, заимствуемое изъ подчиненія человѣку животныхъ безсловесныхъ. 238
- СЛОВО 6. О томъ, что богатство и бѣдность полезны для этой жизни. 257
- СЛОВО 7. О томъ, что рабство и господство полезны для настоящей жизни. 278
- СЛОВО 8. О томъ, что для здравомыслящихъ нѣтъ вреда служить господамъ злымъ. 296
- СЛОВО 9. О томъ, что трудъ правды не безплоденъ, хотя и не виденъ въ настоящей жизни, и о воскресеніи, доказываемомъ умозаключеніями естественнаго разума. 322
- СЛОВО 10. О томъ, что Богъ издревле былъ попечителемъ не однихъ Іудеевъ, но и всѣхъ людей, и о вочеловѣченіи Спасителя. . . 343
- СЛОВО. О Божественной и святой любви. 372

